

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ (ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ)

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

Ответственный редактор Я. Берзин
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. отв. редактора), В. Малаховский,
И. Меницкий, Ф. Ротштейн

Государственное социально-экономическое издательство. Техред. С. Топаз
Сдано в произв. 4/V—19/VI 1933 г. Подписано в печати 20/VII 1933 г.
Статфор. Б, 176×250 9³/₄ п. л., 60 480 зн. в п. л. С.-Э.(п), № 63 Зак. 673

Уполн. Главдита Б—31.803

Тираж 2500

Интернациональная (39-я) тип. Мособлполиграф*, ул. Скворцова-Степанова, 3

Русская „парламентская“ делегация за границей в 1916 г.

(Доклад П. Н. Милюкова с Военно-морской комиссии Госуд. думы 19 июня 1916 г.)

Опубликованные до сих пор «Красным архивом» материалы позволяют уже сейчас на ряде ярких образчиков внешней политики царизма вскрыть всю глубину ленинского определения содержания русского империализма. Публикации о первых шагах русского империализма на Дальнем Востоке, об англо-русском соперничестве в Персии, дневник П. Н. Милюкова о поездке «парламентской» делегации за границу в 1916 г.¹⁾ и, наконец, дипломатические и военно-политические документы из архивов царского и Временного правительств, издаваемые Комиссией при ЦИК СССР, дают совершенно конкретное представление как о самостоятельных целях русского империализма, и о сочетании военно-феодалного империализма с капиталистическим империализмом новейшего типа, так и о русском империализме, как о сторожевом псе западно-европейского империализма на Востоке. Продолжение публикаций позволит нам восстановить полную картину истории русского империализма, вскрывая последовательно всю сумму вопросов, связанных с этой исторически актуальной проблемой. Дальнейшие публикации позволят нам восстановить и этапы, которые прошел в своем развитии русский империализм.

Публикуемый ниже документ — отчетный доклад Милюкова на заседании думской комиссии по военным и морским делам (19/VI 1916 г.) о поездке «парламентской» делегации летом 1916 г. за границу, относится к тому периоду, когда российская империалистическая буржуазия, ободряемая англо-французскими магнатами капитала, стала чрезвычайно быстро организовываться политически и оказалась «почти совсем»... у власти к 1917 году» (Ленин).

Царизм и придворная камарилья не в силах были осуществить задач русского империализма и стали, под влиянием военных неудач и растущего революционного движения в стране, готовить планы сепаратного мира с Германией, откладывая этим осуществление непосредственных задач русского империализма на неопределенное будущее. В этих условиях русская буржуазия стала постепенно отходить от роли слуги Нуришкевичей и стремилась помимо царизма, опираясь на могущество «финансовой фирмы Англия и Франция», довести победу русского империализма до конца, используя эту победу как одно из могущественных орудий борьбы против революции пролетариата. Связь с октябристско-кадетским капиталом, в свою очередь, была чрезвычайно выгодна англо-французскому империализму, изверившемуся в царизме, как союзнике в деле борьбы за передел мира. Империалистическая сущность октябристов и кадетов служила гарантией тому, что тесный союз с ними приблизит победу Антанты, что именно русская буржуазия, поддерживаемая европейским империализмом, лучше осуществит и роль сторожевого пса на Востоке.

¹⁾ См. „Красный архив“, т. LIV—LV.

Этим определялись попытки англо-французского империализма установить непосредственные сношения с буржуазной оппозицией «его величества» в лице «прогрессивного блока». Одна из таких попыток нашла свое выражение в приглашении «парламентской» делегации посетить Англию, Францию и Италию. Мотивы приглашения обусловили «необычно радушный и трогательный прием... И народные массы, и политические деятели, и главы государств по отношению к делегации русских государственных законодательных установлений проявили самое теплое, самое сердечное отношение». В таких словах характеризовал прием за границей представителей русской буржуазии, открывший заседание комиссии, — член делегации — А. И. Шингарев.

Иначе и быть не могло. В пышных приемах английского короля, в банкетах промышленников, в деловых и салонных разговорах, во встречах с Ллойд-Джорджем, сэром Э. Греем, с министрами и кандидатами в министры республиканской Франции, в посещениях театра военных действий Западного фронта, в тостах в честь Государственной думы, в возгласах «Да здравствует Россия», в «протянутых руках», в цветах, которыми осыпали делегацию в Шотландии и «во многих городах Италии», в сенсациях по поводу выступлений Милюкова, одним словом — во всем том, что выражало «трогательный» и «сердечный» прием, была своя глубоко политическая основа.

В дни пребывания делегации в странах союзников были заложены основы заговора англо-французских империалистов, «толкнувших Милюкова и Гучкова к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны»¹⁾.

С этой точки зрения большой интерес представляет публикуемая речь Милюкова, вскрывающая политическое содержание поездки «парламентской» делегации. «Парламентарии» засвидетельствовали готовность русской империалистической буржуазии на совместное с союзниками разрешение «основных вопросов войны», добиваясь при этом, в свою очередь, открытого призвания широкой «общественностью» империалистической фирмы «Англия и Франция», ее готовности гарантировать «приобретение нами проливов и Константинополя». В публикуемой речи с чрезвычайной выпуклостью выступает эта сторона сговора. Речь Милюкова показывает, что основное условие готовности русской буржуазии пойти на совместный с буржуазией Англии и Франции заговор против царизма состояло не только в формальном, но и в открытом признании союзниками того, что «для нас самым существенным из национальных вопросов России, связанных с войной, является вопрос о проливах». По этому вопросу русская буржуазия получила заверения в том, «что все интересы России будут приняты во внимание», что союзники никогда не заключат «такого акта, который бы противоречил интересам России». Наиболее определенные заявления будущий министр иностранных дел Временного правительства получил от сэра Эдуарда Грея, поразившего Милюкова тем, «что вопрос о проливах в глазах наших союзников стоит на одной очереди с вопросом об Эльзас-Лотарингии для Франции».

Делегация вернулась в Россию окрыленной впечатлением, «что с нашим национальным желанием после нашей поездки будут, действительно, считаться не как с какой-нибудь выдумкой отдельных руководителей дипломатии, а как с настоящим, действительным, легально засвидетельствованным желанием всего русского народа».

Со своей стороны Милюков и делегация дали англо-французским империалистам заверения, предуказанные «повелительной необходимостью сохранить духовное единство наше с нашими союзниками, сохранить мобилизацию общего народного настроения». К числу этих гарантий относится готовность оправдать доверие англо-французских империалистов к кадетско-октябристскому

¹⁾ Ленинский сборник, т. II, стр. 328—329.

блоку («прогрессивному блоку за границей верят», утверждал Миллюков) путем решения на первых порах, согласно требованиям союзников, вопросов о польской автономии и о положении евреев. Основная гарантия, конечно, заключалась в заверении до конца бороться за «разрешение и нашего капитального вопроса и национальных вопросов союзников». «Наш ответ заключался, — говорит Миллюков, — в том, что решение Дарданелльского вопроса... будет результатом того же решительного успеха, к которому мы должны стремиться по отношению не к одним нашим, а и к остальным национальным задачам, поставленным союзниками».

В этом и заключалось основное содержание стовора англо-французских и русских империалистов в интересах упорного продолжения империалистической бойни, «в интересах и з б и е н и я н о в ы х м и л л и о н о в рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д.» (Ленин).

Миллюков и К^о, вернувшись из-за границы, старались изо всех сил оправдать заслуженное ими доверие финансовой фирмы «Англия и Франция». «Давши... кредит, я обязан его оправдать!» патетически восклицал Миллюков в заседании 19 июня 1916 г. Он и пытался его оправдать, ставши у власти в дни Февральской революции. Но это оказалось вне его сил. Октябрьская революция разорвала цепь мирового империализма, вырвав трудящиеся массы страны из цепких лап мировых империалистических хищников.

Н. Ваняг.

Доклад П. Н. Миллюкова в Военно-морской комиссии Госуд. думы 19 июня 1916 г.¹⁾

Насколько я понимаю, от меня ожидают характеристики политического значения посещения нами трех союзных стран. Если до сих пор речь шла о мобилизации, так сказать, военно-промышленных сил союзников, то мне придется говорить о вопросах, относящихся к мобилизации общественного мнения и народной воли в союзных странах, поскольку она выражается в настроениях законодательных учреждений, во взглядах печати и различных общественных групп на все те вопросы, которые более всего интересуют союзников по отношению к нам и больше всего интересуют нас по отношению к союзникам.

Я должен сказать, что то, что я буду излагать, конечно, не будет выражать каких-нибудь моих личных мнений, — я постараюсь дать возможно полную и точную информацию о том, что мы видели и слышали, и именно не я один, а все мы, так как в нашей делегации мы как-то забывали об оттенках мнений, нас различающих, и я должен прибавить, что самые далеко отстоящие от меня по политическим взглядам товарищи экспедиции, — я с благодарностью вспоминаю, — весьма сочувственно и дружественно относились ко всем тем заявлениям, которые приходилось мне делать. А один из членов экспедиции даже заявил об этом вчера в печати. Таким образом, мы выступали как одно целое, как целое представительство законодательных учреждений, двух палат. Я должен однако сказать, что в глазах общественного мнения союзников мы выступали не инкогнито. Мы представлялись им с определенной политической физиономией, и именно с той, которую ниж я палата сама себе придала в известных заявлениях громадной части своего состава, т. е. своего большинства. Прежде всего, когда мы высказывались о том или другом политическом вопросе, это считалось выражением мнения большинства, так называемого «прогрессивного блока», которое объединило значительную часть Государственной думы. Но, повторяю, что, хотя наши заявления производили такое впечатление

¹⁾ Ленинградский Центр. истор. архив.

на наших союзников, внутри себя мы не чувствовали этих ограничений. И члены нашей экспедиции, стоящие вне блока, не находили поводов для того, чтобы оспаривать какие-либо заявления, нами сделанные.

Прежде чем я перейду к существу наблюдений по самым существенным для нас и наших союзников вопросам, я позволю себе остановиться на вопросе, так сказать, методики наших дальнейших междупарламентских сношений с союзниками. Дело в том, что наше посещение не было фактом — первым в своем роде, не было фактом исключительным, а таким, который в глазах наших союзников должен иметь систематическое продолжение и развитие. С своей стороны парламенты союзных с нами стран уже выработали у себя формы такого постоянного систематического общения. Во главе этого движения к объединению мысли союзных парламентов стоит Франция, палата которой давно уже организовала группу, составленную из представителей самых разнообразных политических партий, начиная с самых правых и кончая довольно левыми. Группа эта поставила своей задачей поддерживать систематические сношения с представителями таких же групп в других странах. И действительно вслед за французской группой была организована английская группа, опять таки составленная из представителей разнообразных политических течений. Председателем ее состоит известный политический деятель и писатель Джемс Брайс. По этой же системе заведены были переговоры с итальянским парламентом, в котором также намечен уже состав парламентской группы, долженствующей войти в постоянное сношение с союзными парламентскими группами. В момент нашего отъезда группа эта готовилась начать формально свое существование. Совершенно естественно, что представители французской группы обратились к нам с предложением создать у себя точно такую же группу. Выслушав их предложение, мы, присутствовавшие на одном из совещаний члены нашей экспедиции, объявили себя в том составе, в котором мы тогда были, так сказать, подготовительной комиссией для разработки этого вопроса вместе с нашими товарищами в другой палате. Весьма горячо приветствовал эту идею и очень активно ее развил один из членов Государственного совета — кн. Лобанов-Ростовский. В. И. Гурко также явился деятельным и сочувствующим членом небольшой комиссии. Мне казалось бы, что в ближайшие дни, прежде чем Дума закончит свою сессию, мы должны были бы с этим вопросом покончить. Поэтому я теперь о нем и заговорил.

Междупарламентская группа может быть создана не постановлением комиссии, не постановлением общего собрания, а соглашением отдельных членов палаты, как это сделано и в некоторых других парламентах. Если бы мы успели в течение остающегося непродолжительного времени организовать нашу группу, то мы получили бы полную возможность создать организованное общение с нашими союзниками. При этом мы имеем уверенность, что, в случае нашего желания, Петроград мог бы оказаться первым местом, в котором все представители союзных парламентов впервые собрались бы на общее совещание. Предполагается иметь таких совещаний, по числу столиц союзных стран, четыре в год, причем каждый раз столица могла бы меняться. Нам казалось, что такого рода начало было бы почетным выделением той роли, которую наша страна играет в общем союзе. Я надеюсь, что изложенная мысль получит свое осуществление в ближайшие дни и что с ней не произойдет того, что, к сожалению, сейчас происходит с другим первым шагом нашего общения с союзниками, — с шагом, который предшествовал нашему, а именно с посещением наших журналистов Англии. Англия, в ответ на это посещение, с своей стороны поспешила организо-

вать визит к нам журналистов; притом я должен сказать, что английские журналисты были представлены, может быть, несколько более полно, чем наши. Это были все представители больших журналов, авторизованные, отчасти издатели и главные редакторы.

И вот, я должен сказать, что до сих пор переговоры об их приезде в Россию не кончились, и самый вопрос повис в воздухе. После того, как указанный ими срок оказался неподходящим, до сих пор никак не удается назначить другого срока. Мы получили, уезжая из Англии, впечатление, как будто бы Россия хочет уклониться от ответного визита. Конечно, такое толкование было бы для нас чрезвычайно неудобно; это было бы недостойно нас. И я бы очень настаивал, — я передаю тут и мнение наших заграничных дипломатов, — чтобы наше дипломатическое ведомство урегулировало, как можно скорее, этот вопрос. Если настоящий момент, — так сказать, мертвый сезон, — не совсем удобен для ответного визита, то нужно указать точно и определенно другой срок для ответного визита журналистов.

Этим я кончаю с вопросом о формах нашего междусоюзного общения и перехожу к ряду вопросов, которыми мы больше всего интересовались в союзных странах и по которым союзники больше всего интересовались услышать наше мнение. Во главе этих вопросов стоит тот, которого сейчас коснулся наш министр иностранных дел¹⁾. Конечно, для нас самым существенным из национальных вопросов России, связанных с войной, является и является вопрос о проливах. Я должен сказать, что в этом отношении наш объезд союзных стран возымел, несомненно, некоторое практическое действие. Суть этого практического действия заключается в следующем. Как вы знаете, — это уже не секрет, этого не может говорить министр иностранных дел, но нам, простым смертным, об этом говорить можно, — как вы знаете, существует соглашение между нами и нашими союзниками, которым гарантировано приобретение нами проливов и Константинополя. Я только несколько недоумеваю по поводу оговорки, сделанной министром иностранных дел, который говорил об одном только берегу проливов, не упомянувши о другом. Нам казалось до сих пор, что оба берега проливов одинаково обеспечены. (*Министр иностранных дел с места:* «Оба»). Ну, конечно, так что это впечатление совершенно случайно.

Зная это из предыдущих сведений, как данных; мы, таким образом, являлись к нашим союзникам с некоторой миссией — сделать это более или менее известным и общественному мнению союзных с нами стран. Ибо там, по различным обстоятельствам, мы такого же осведомления не встретили. Оказалось, что, по тем или другим причинам, факт существования нашего соглашения хранится в некоторой тайне от общественного мнения и что этот факт известен только наиболее посвященным политикам и журналистам. Нам казалось, что такое сокрытие столь важного для России

¹⁾ В заседании Военно-морской комиссии 19 июня, после докладов Шингарева и Демченко о поездке парламентской делегации за границу, выступил министр иностр. дел Сазонов с ответом на письменный запрос Е. П. Ковалевского: «Соответствует ли действительности изложенное в беседе с корреспондентом «Таймса» суждение министра о пределах наших претензий по окончании войны, которые сводятся, по словам газеты, только к обеспечению свободного прохода через проливы, к территориальному увеличению Сербии и Черногории и автономии Польши?» Сазонов, заявив, что он «с большим удовольствием» отвечает на вопрос, сказал: «Я прошу вас, прежде всего, обратить внимание на то, что ведь мой разговор был интервью с корреспондентом иностранной газеты. Такие разговоры обыкновенно...» Стенографирование дальнейшей части речи Сазонова, по его просьбе, было прекращено.

факта не совсем правильно. Общественное мнение может оказаться при этом условием недостаточно подготовленным к моменту ликвидации вопросов, вытекающих из войны.

Мы поставили своей задачей широко распространить в общественном мнении сведения об этом соглашении. Мы, конечно, должны быть уверены, что при том характере представительства большинства парламента, с каким мы являлись, это мнение будет принято именно как мнение большинства русского парламента и, следовательно, и большинства русского народа. В этом смысле мы и заинтересованы были осведомлением общественного мнения и законодательных палат союзных стран о том, что вопрос о проливах есть вопрос, решенный их правительствами.

Что касается самого существа решения, в этом отношении никаких сомнений не могло быть. Сэр Эдуард Грей, затем ушедший французский министр Делькассе, который много поработал над этим делом, наш представитель Извольский и, наконец, наш министр С. Д. Сазонов—все они энергично содействовали заключению этого соглашения. Сэр Эдуард Грей особенно поразил меня той крайней осторожностью, с которой он обращался с сферой русских интересов. Всякий раз, когда об этом возникал вопрос, Грей всегда говорил мне: это дело России, пусть мне скажет об этом Россия, и все интересы России будут приняты во внимание; мы никогда не заключим такого акта, который бы противоречил интересам России. Мы понимаем, что такой международный акт был бы в будущем лишен силы, а мы хотим, чтобы наше теперешнее объединение возымело бы после войны еще большую силу.

Точно так же высказывались и руководители иностранной политики других стран. Таким образом, со стороны официальных руководителей политики, конечно, никаких дальнейших сомнений быть не может, точно также, как со стороны того большинства палат, которое стоит за своими кабинетами: при парламентаризме кабинеты, конечно, представляют именно большинство палаты.

Но меня интересовало настроение той части оппозиционных групп или отдельных личностей, которые все еще имеют возражения против того, что мы считаем совершившимся фактом. В том обстоятельстве, что такие возражения имеются, мы видели одну из причин, почему правительства до некоторой степени колеблются пред опубликованием совершившегося факта. Правда тут есть и другая сторона дела, которая тоже стала нам ясна при ознакомлении с положением вопроса. Дело в том, что соглашение заключено между союзниками до выступления Италии, и, кажется, Италии официально об этом не сообщено. Ввиду этого официальное опубликование соглашения было бы очевидно актом неудобным по отношению к новому союзнику. Как бы то ни было, эти два обстоятельства удерживают наше соглашение в области государственных дипломатических секретов. Мне хотелось, насколько это от нас зависело, выяснить себе и, насколько это окажется возможным, ослабить настроение враждебно относящихся к русским задачам общественных кругов. С этой целью я лично и некоторые другие из товарищей входили в разнообразные сношения с представителями особенно левых течений союзных нам парламентов. Мы выяснили путем обмена мнений, во-первых, характер тех возражений, которые представляются, а во-вторых, так сказать, степень напряженности противодействия нашим национальным желанием. Что касается первого, именно тех возражений, которые представляются, — их несколько. Одно из этих возражений, которое преимущественно приходилось слышать во Франции, сводится к тому,

что ведь постановка такой задачи, как приобретение Дарданелл для России, есть осложнение задач войны. Франция вообще несколько щекотливо отнеслась к вопросу, что эта война, — конечно, не случайная, — все же возникла по вопросу, интересующему преимущественно Россию — именно по вопросу балканскому. Некоторой части французского общественного мнения казалось, что подчеркивать эту особенность выставлением нового вопроса, не поставленного на очередь при начале войны, именно — вопроса о проливах, значит усложнять задачи войны и тем удлинять ее. Вы понимаете, что Франция, силы которой, как сказал председатель нашей комиссии, напряжены до последнего человека, конечно, с трететом смотрит на возможность продления войны за тот предел, после которого она уже не будет в состоянии держаться на приобретенной ею высоте. Поэтому естественно, что некоторая нервозность сопровождает приведенную формулировку вопроса.

Правда ли однако, что приобретение проливов продлит войну, усложнивши ее задачи? На это приходилось отвечать, что ведь кроме приобретения проливов у наших союзников также существуют задачи, с которыми, может быть, наши враги еще менее охотно согласятся помириться добровольно. Что-нибудь другое: или мы будем иметь решительный успех, при котором одновременно станет возможным разрешение и нашего капитального вопроса и национальных вопросов союзников, или же мы и они одинаково будем далеки от разрешения коренных вопросов войны. Другими словами, наш ответ заключался в том, что решение Дарданелльского вопроса не продлит войны, а лишь будет результатом того же решительного успеха, к которому мы должны стремиться по отношению не к одним нашим, а и к остальным национальным задачам, поставленным союзниками. Я должен сказать, что в беседе с сэром Эдуардом Греем меня особенно порадовало определенное заявление, что вопрос о проливах в глазах наших союзников стоит на одной очереди с вопросом об Эльзас-Лотарингии для Франции. (*Голоса: «браво» и рукоплескания.*)

Другое возражение шло из очень немногочисленных кругов, еще существующих в Англии, которые раньше откровенно выражали свои германофильские симпатии, а теперь все еще не окончательно от них отделились. Возражение это сводится к тому, что необходимо дать для Германии, именно для германских экономических интересов, известный выход в Малую Азию, потому что, если Германии будет закрыт этот последний рынок, то она будет вечно настороже, вечно будет искать каких-нибудь новых решений и окажется навсегда опасной для дальнейшего мира Европы. Таким образом, эта небольшая группа политических мыслителей и писателей находила, что обезопасить Германию от дальнейшего роста appetitов можно только предварительно предназначив ей на жертву излюбленный ею лакомый кусок — Малую Азию и Месопотамию. На это приходилось отвечать, что почему-то странным образом эти аргументы выдвигаются именно тогда, когда очередь дошла до Малой Азии, а не выдвигались, когда, например, речь шла о Марокко или о каких-нибудь других районах возможного германского сбыта. Вопрос ведь может быть поднят и о Южной Америке и мало ли о каких рынках в дальнейшем. После того, как последняя Парижская конференция стала на определенную позицию в вопросе об объединении союзных рынков, можно окончательно считать, что приведенная аргументация есть аргументация только небольшого кружка, который, впрочем, и сам признает, что в настоящее время он влияния не имеет. Мне приходилось беседовать с самыми левыми и крайними течениями, представ-

ленными в союзных парламентах, и мое впечатление, вообще, таково, что в настоящее время сами они признают себя совершенно бессильными и лишенными всякой возможности влиять на общее народное настроение, которое вполне однородно и решительно. Но, конечно, нельзя все-таки закрывать глаза на то, что настроение, слабое теперь, может в будущем усилиться. Поэтому терять его из вида и упускать возможность повлиять на это настроение было бы ошибкой.

Признавая это, мы и считали необходимым употребить все наши усилия за время пребывания в союзных странах, чтобы показать именно лево настроенным общественным течениям, что все русское общественное мнение, за немногими исключениями, стоит на точке зрения национального решения главнейшего нашего и важнейшего для России вопроса. (*Рукоплекания*). Мое впечатление, что такая постановка произвела известный эффект. В конце мы уже не слышали ни столь острых, ни столь распространённых возражений, а получили впечатление, что с нашим национальным желанием после нашей поездки будут, действительно, считаться не как с какой-нибудь выдумкой отдельных руководителей дипломатии, а как с настоящим, действительным, легально засвидетельствованным желанием всего русского народа. (*Рукоплекания и возгласы: «Браво»*).

Но, господа, нельзя терять из виду, что таким образом, так сказать, навязывая общественному мнению Европы наше желание, мы совершаем над ним известного рода насилие. Действительно, идея России о проливах не входила в обиход прогрессивной мысли передовой Европы. Совершенно естественно, что, принуждая ее усвоить наше желание, мы в то же время должны иметь в виду, что у этого общественного мнения могут быть и свои законные желания, обращенные уже к нам, в нашу сторону. По отношению к этим законным желаниям мы тоже должны быть особенно внимательны, тоже должны идти им навстречу. В области этих вопросов, я должен сказать, в первой очереди, наиболее рельефно в общественном внимании Европы стоит вопрос польский.

Куда бы мы ни приезжали — в Лондон, в Париж, в Рим — везде мы встречались не только с организованными кругами польских патриотов, которые уже подготовили общественное мнение к восприятию этого вопроса газетами, брошюрами, целыми книгами, а иногда и обширными volumинозными собраниями документов, какое вышло только-что в Риме, или историческими обзорами, как «Велый орел», — сочинение, только что появившееся в Швейцарии. Словом, мы имели не только подготовку общественного мнения заинтересованными польскими кругами, но мы получили ясные доказательства того, что общественное мнение союзных стран, несомненно, особенно чувствительно реагирует на постановку польского вопроса, как наиболее серьезного и важного для Европы, в той стадии, когда из вопроса о Царстве Польском этот вопрос стал общим для всех трех частей польского народа вопросом после исхода прошлогодних военных операций.

Было бы напрасно закрывать глаза на то, что при таком обостренном и рельефном положении польского вопроса в сознании наших союзников особенно опасна та позиция, которая до сих пор удерживается по этому вопросу нашим правительством. Я напому вам, г.г., что еще в январе прошлого года мы вам указывали на необходимость для правительства, — потому что это, конечно, вне нашей компетенции, — внести в Государственную думу проект будущего устройства Царства Польского и проект этот провести через Думу. Позднее, в мае того же года, мы, наконец, со-

ставили сами проект польской автономии. С тех пор, вы знаете, слово «польская автономия» перестало быть запретным и было неоднократно произнесено с этой кафедры представителями русского правительства. Оно упомянуто даже и в том интервью, о котором сейчас говорилось. В «Таймсе» наш министр иностранных дел повторил то же слово «автономия Польши», перечисляя условия, без осуществления которых невозможно мириться.

Следовательно, мы должны думать, что русское правительство не только усвоило слово, но и то, что за этим словом скрывается, самую мысль, самое существо идеи польской автономии. Я должен сказать, что, к сожалению, процесс этого усвоения шел крайне медленно. Если судить по упомянутым способам выражения усвоенной мысли, процесс этот, повидимому, даже и не кончился, ибо дальше слова «автономия» все-таки мы до сих пор ничего не знаем и не слышим. Я понимаю, при таком положении, тревогу польского общественного мнения. Это и наша собственная тревога. Когда ввиду начинающегося наступления, — будем надеяться, удачного, — поляки стоят перед возможностью, что все сохранившие свои оклады русские чиновники (и даже некоторые, кажется, вновь назначенные) опять займут свои старые места, и во вновь оккупированной части Царства Польского снова водворится старая русская система (голова слева: «Несомненно»), то, очевидно, что такая перспектива не может вызывать доверия к нам со стороны польских кругов. Очевидно, что такое состояние, в которое мы добровольно, — и я не знаю, намеренно ли, — повергаем польское общественное мнение, есть состояние для нас крайне вредное. Оно тем более вредно, что наши враги ведут несомненно более умную политику. Наши враги уже обдумывают, вырабатывают целый ряд решений, более благоприятных для Польши, чем то, о котором мы до сих пор говорим и для которого пока все-таки ничего не делаем. Вы знаете, что прежний проект раздела Польши между Германией и Австрией уже с января этого года на Краковском Польском конгрессе заменен другим проектом, с которым согласились и представители Германии. По этому проекту Польша является отдельным государством в составе Австрии, с присоединением к Царству Польскому бывшей Русской Галиции и, конечно, с исключением германских частей Польши, которые остаются в Германии.

Правда, этот проект не последний, не единственный и до сих пор оспариваемый. Правда, с германской стороны продолжают возражения, и из Швейцарии известно, что князь Бюлов специально ездил в ставку для того, чтобы в ставке доказывать, что нужно все-таки разделить Польшу между Германией и Австрией и не давать Польше, объединенной за исключением прусской ее части, отдельного бытия, хотя бы и под эгидой Габсбургов. С другой стороны, во время специальной поездки в Швейцарию, которую я предпринял, чтобы ознакомиться с состоянием разных национальных пропаганд, которые особенно процветают в этой стране, я познакомился, — так, довольно случайно, — с новейшим проектом, повидимому, самого императора Вильгельма. Проект этот весьма энергично выдвигается, может быть, как противодействие идее объединения Царства Польского под эгидой Габсбургов. На этот раз Вильгельм готов даже на независимость Польши и притом придает Царству Польскому размеры более широкие, чем те, которые предполагались первоначальным проектом. По первоначальному проекту Германия сама для себя составляла ту полосу, которая идет от ее теперешней границы по берегу моря на восток до Курляндии и до Двины. По проекту, который стал мне известен, как проект императора Вильгельма, она присоединяет эту часть, т. е. литовские области к будущей

Польше. Лицо, информировавшее меня, начертило на маленькой карте, которая была у меня случайно в кармане, приблизительные границы этой Польши императора Вильгельма (*передает карту на министерские скамьи*).

Как вы видите, значит, одного решения не состоялось; решения лишь намечаются, бродят и настроения, их породившие. Но это часть жизни; это указывает нам, что враг не дремлет, что он в самом деле принимает во внимание, кроме собственных интересов, также и интересы того народа, который он хочет привлечь к себе. Враг понимает, что привлечение к себе польского народа имеет и практическое значение: оно иллюстрируется тем, что все эти обещания, которые все-таки действуют на некоторые элементы, мало-по-малу готовят мысль о будущем польском наборе, т. е. об известном количестве польских солдат, которые будут бороться за свою будущую самостоятельность. А между тем этот вопрос первостепенной важности, вопрос, который существует многие месяцы, как-то ничем не отражается в сознании нашего объединенного правительства. Я должен сказать, что это одна из самых обидных черт того глубокого расхождения, которое существует между этим правительством и русским народом. Я хотел бы, чтобы, наконец, хотя теперь, после этой нашей поездки, поняли, что вопрос стоит серьезно, что если мы еще более будем опаздывать, то идея, которая уже теперь распространена, идея интернационального решения польского вопроса окрепнет и что этот вопрос, вместо того, чтобы быть решенным в наших интересах и по возможности нами самими, должен будет стать на решение держав, не всегда нам дружественных.

Избегая этой постановки вопроса, мы и давали наши прошлогодние советы. Мы почти начинаем опасаться, что время прошло, ибо в среде польского общественного мнения тоже происходит известный сдвиг. Нас засыпали заграничными польскими изданиями, которые требуют польской независимости, — правда, не всегда определяя точно, что под этим термином разумеется. Мы знаем, что кроме этого левого общественного движения в Польше существуют и более умеренные течения, — те, которые могут идти с нами. Мы знаем это, потому что и в среде самой делегации были представители польского народа, которые прямо в своих речах, в Риме и в Париже, заявляли, что самое пребывание их в рядах нашей делегации свидетельствует о том, что Польша хочет идти вместе с Россией. Мы знаем, что есть такие элементы и то, слава богу, они пока еще не бессильны. Но мы знаем и то, что в рядах этих элементов тоже происходит известный сдвиг и это-то решение, на котором мы настаивали в прошлом году, которое мы подготовили нашим проектом в середине прошлого года, почти считается этими элементами уже запоздалым. Вопрос о польской автономии ставится более сложно, чем он ставился год и даже полтора тому назад. Мы продолжаем думать, что автономия, — так, как она нами задумана, есть наилучшее решение вопроса и сейчас. Но мы настаиваем на том, что это — последний час. И если правительство будет еще медлить, если оно теперь же не внесет разработанного проекта автономии на тех широких началах, о которых мы говорим, то оно окончательно упустит из рук последние элементы польского общественного мнения, на которое оно могло бы вообще когда-нибудь опираться. (*Рукоплескания слева.*)

Таким образом, господа, из наших наблюдений над состоянием польского вопроса вытекает повелительная необходимость немедленного шага со стороны русского правительства. Правда, польские круги представляют этот шаг, как необходимый не только уже со стороны одного русского правительства. Они представляют его, как некоторую международную декла-

рацию, которая гарантировала бы русские обещания. Нам, русским, все-таки такая постановка кажется несколько оскорбительной. (*Голоса справа: «Правильно».*) Нам казалось бы, что в интересах русского национального достоинства нам не нужно ждать, когда станет необходимым, чтобы наши союзники гарантировали наши обещания. (*Рукоплескания.*) Мы должны осуществить их сами, немедленно и в тех размерах, которые, по крайней мере, имели бы хотя некоторые шансы удовлетворить хотя бы часть умеренного польского общественного мнения. Эти меры должны бы были гарантировать Польшу от появления там русских чиновников при наступлении русских войск.

Господа, я перехожу теперь к другому вопросу, который тоже стоит остро и немедленное решение которого в тех или других пределах, хотя бы скромных, тоже предугадывается повелительной необходимостью сохранить духовное единство наше с нашими союзниками, сохранить мобилизацию общего народного настроения. Я говорю, господа, о вопросе еврейском. (*Шум справа.*) Я прошу вас не пугаться. (*Марков 2-й с места: «Внимание!».*) Я должен предупредить, что я опять говорю не как представитель своей партии. Я говорю, как представитель настроения, создавшегося у делегации несмотря на разницу политических взглядов. (*Марков 2-й с места: «Профессор, вы ошибаетесь!».*) Я сожалею, даже, что должен говорить об этом я, а не председатель нашей делегации, депутат Протопопов, который, надеюсь, вернувшись сюда, скажет об этом красноречивее меня уже потому, что он будет об этом вопросе говорить впервые. Я мог бы цитировать других членов нашей экспедиции, только что отсюда сошедшего оратора, который не вполне, может быть, согласен со мной в способах решения вопроса, но одинаково со мною думает — или стал думать теперь, — что с решением этого вопроса нельзя медлить и что надо поставить и решить его, в тех или других пределах, сейчас же.

Кроме идейного значения вопроса, к которому мы не будем возвращаться, потому что мы о нем много и часто говорили с этой кафедры, есть и реальная сторона вопроса. Ведь союзникам, господа, нужны займы, а для займов единственное место теперь Америка, а в Америке существует несправедливо оскорбленное многомиллионное еврейское население, которое с своей болью, со своим горем обращается ко всему американскому общественному мнению и в американском общественном мнении находит широкий отклик. У меня в руках целый ряд свидетельств из американских газет, которые показывают, каков этот отклик, как он действительно широк и глубок. У меня есть описание митингов, которые кончались истериками и слезами, когда говорили о положении евреев в России. У меня есть копия постановления президента американской республики Вильсона, который назначает еврейский день по всей Америке для сбора помощи пострадавшим евреям, и в мотивировке этого постановления ярко сказывается общераспространенное знание о тех страданиях, которые, в особенности, терпит еврейское население.

Вот на этой почве, г.г., настроение американских евреев, а вслед за ними и настроение части американского мнения очень своеобразно дробится. Вообще известно, что Америка стоит на стороне союзников, а не на стороне Германии, несмотря на свое большое германское население. Она стоит на стороне союзников, и еще недавно вы видели доказательство этому в обращении, подписанном членами влиятельных лиц, которое было сообщено этой палате. Тем не менее, я могу вам привести целый ряд цитат из американских газет, которые показывают, что это настроение деоится:

«Да, мы сочувственно относимся к западному фронту. Хорошо, чтобы на западном фронте была победа. Англия и Франция — страны терпимые, в которых давно не существует неравенства и в которых евреи суть равноправные граждане. Но когда речь идет о восточном фронте, и мы вспоминаем: как ни плох пруссак, но от него менее терпит еврей, чем от русских». Это настроенно сказывается, когда идет вопрос о займах. Когда к американским банкирам приходят с требованием денег, они говорят: «позвольте, как мы будем давать деньги? Мы дадим вам, Англии и Франции, но с тем, чтобы этими деньгами не пользовалась Россия. Г.г., у меня есть документальные доказательства подобных заявлений, так же, как и следующего. Известный руководитель ньюйоркского финансового мира, банкир Яков Шифф, решительным образом отказывается идти на какие бы то ни было займы, но заявляет, что если что-нибудь будет сделано для русских евреев, то сейчас же американский капитал пойдет в Россию для займа... (Марков 2-й: «Это верно!») Я очень сожалею, что мне приходится рассказывать это, — выходит, как будто я прибегаю к такому аргументу: чтобы получить деньги, надо дать известные права евреям. Но, г.г., мы сами себя до этого довели. Мы сами довели себя до того, что наступает момент, когда идейными соображениями мы больше оперировать не можем, и приходится прибегнуть к этому простому, примитивному, зоологическому аргументу. Я должен сказать, что и русское правительство прекрасно понимает, что положение таково, что Россия не может равнодушно смотреть на обвинение ее союзниками в антисемитизме. Что само русское правительство это понимает, это доказывается одним документом, копия которого я держу в своих руках, — документом, который исходит от русского правительства и обращен к нашим союзникам. Цель его доказать, что русское правительство — не антисемитическое, что оно ничего не сделало, чтобы умалить права евреев. Начинается это заявление со слов: «Иностранные газеты несколько раз публиковали статьи, обвиняющие русское правительство в антисемитической политике. Следующие соображения могут служить для того, чтобы выяснить действительное положение императорского правительства в израэлитском вопросе». Я не буду рассказывать вам все, что здесь излагается, чтобы реабилитировать русское правительство от этого несправедливого обвинения. Позволю себе прочесть только последние строки, которые содержат ссылку на известный щербатовский указ. Здесь говорится: «Русское правительство не поколебалось почти совершенно отменить еврейское гетто, позволивши евреям жить во всех городах империи, за исключением двух столиц — Петрограда и Москвы, управляемых министрами двора и военным. Чтобы дать немедленно чувствительное облегчение еврейскому народу, эта мера принята административным путем. Правительство воспользовалось специальными правами, которыми оно облечено во время исключительных обстоятельств. (Марков 2-й: «Оно нарушило закон»). Несомненно, что эта мера в свое время будет одобрена также и палатой. (Голоса справа: «Это вопрос».) Господа, я цитирую официальный правительственный документ. (Марков: «А кто подписался?») К сожалению, у меня копия. (Голос справа: «Может быть, такой, как у Савенко?».) Поверьте, что этот документ верен, — или будем ждать опровержения.

Таким образом, даже в горемыкинское время русское правительство понимало, какой громадный вред войне наносится той политикой по отношению к евреям, которая существует в России. Оно указывало уже тогда, что само вступает первое на другой путь и обнадеживало, что за ним выступят и законодательные учреждения. Господа, вы не посетуете на предста-

вителей прогрессивного парламентского блока, что они в данном случае не хотели остаться позади русского правительства и что они дали обещание, что блок пойдет вперед. (Марков 2-й: «Не имеет права, это самозванство».) Не рассчитывая на то, что правительство поведет блок вперед, представители его должны были дать обещание, что они пойдут впервые и что они поведут за собой правительство. Господа, понятное дело, что такие обещания могли быть сделаны только с теми оговорками, которые вообще вытекают из положения русского парламентского мира и из отношения парламента к правительству. Но, во всяком случае, вернувшись сюда, мы более, чем когда-либо, чувствуем, что то, на чем мы настаиваем, на чем блок настаивает в еврейском вопросе, есть действительно необходимый минимум не только для того, чтобы справедливо решить вопрос у нас, но и для того, чтобы с приличным лицом явиться перед глазами наших союзников. (Голос слева: «Браво!».)

Господа, я должен сказать, — может быть, некоторые из вас этому удивятся, — но я должен сказать, что прогрессивному блоку за границей верят (Голоса слева: «К сожалению!» Смет.) Там не только понимают важность прогрессивного блока, не только понимают громадное значение этой парламентской организации, но и на него переносят некоторые из тех упований, которые возлагали прежде на русскую оппозицию. Оппозиция своей защитой этой парламентской комбинации распростирила свой кредит на те части парламентского блока, которые прежде этим кредитом не пользовались. И, господа, более, чем когда-нибудь, я, представитель русской оппозиции, вернувшись из-за границы, чувствую, что давши этот кредит, я обязан его оправдать. (Голос слева: «Правильно». Марков 2-й: «Но это вне ваших сил».) Вы говорите, что это вне моих сил. Я полагаю, что это зависит от моих сил и что это не вне моих сил. Я все еще надеюсь, что те чувства и мысли, с которыми мы создавали наше большинство, живы. Я надеюсь, что не один я, — и жалею, что это говорю я, а не другие, — но и другие члены нашей делегации поняли значение того вопроса, который я с вами сейчас обсуждаю. Я не отчаялся пока еще, что это наше настроение мы в состоянии передать всему блоку и что не мы, а весь блок возьмется за решение вопроса, значение которого в таком ярком свете предстало перед нами после нашего пребывания за границей.

Господа, если эта надежда не осуществится, в таком случае мы поведем другие разговоры. Но она у нас не исчезнет, пока мы будем верить, что прогрессивный блок в состоянии оправдать те надежды, которыми сопровождалось появление его представителей за границей, у наших союзников. (Голоса слева: «Браво!» Рукоплескания.) Господа, ведь парламентская жизнь складывается из целого ряда моментов. Эти моменты преходящи и даже быстротечны. Жизни этой Думе остался всего один год, и у этой Думы остается в распоряжении только одна сессия, чтобы показать, что она такое. Как она себя покажет в эту сессию и с чем она и явится перед лицом своих избирателей¹⁾. Ответом же будет 5-я Дума. (Марков 2-й: «А расскажите про Ротшильда, что Ротшильд сказал?».)

Теперь позвольте мне перейти от этого ряда вопросов... я мог бы коснуться и целого ряда других, но мое время истекает. Может быть, мы на этом остановимся, так как уже 6 часов. (Голоса: «Просим».)

Председатель. — Господа, в 8^{1/2} часов, а если хотите и в 9, будет доклад Энгельгардта. Если хотите, может быть, продолжить заседание

¹⁾ Так в подлиннике.

на полчаса до половины седьмого? (Голоса: «Просим!» Марков 2-й: «Будьте любезны сказать о Ротшильде».) Член Государственной думы Марков 2-й, я бы вас просил не прерывать.

Милоков. — Я рассказал не только о Ротшильде, но и о Якове Шиффе. (Марков 2-й: «Это в Америке, а Ротшильд в Европе».) Из других вопросов, которые заслуживают нашего внимания, следующим по очереди обсуждения я выбираю вопрос юго-славянский. Юго-славянский вопрос также стоит, — хотя и не в такой первой очереди, как те вопросы которых я касался, — но все-таки он стоит на видном месте среди вопросов, которые интересуют наших союзников. Здесь мы сталкиваемся с большой и энергичной деятельностью наших братьев-славян, сербов, хорват и далматинцев, которые имеют свои комитеты с отделениями в Лондоне, Париже и Риме. Здесь также имеется целая большая литература, которая готовит общественное мнение к тому или другому решению юго-славянского вопроса. Рядом с национальными юго-славянскими писателями здесь также выступают и писатели европейские. Вопрос имеет своих защитников и среди специалистов — писателей и мыслителей английских и среди писателей французских. Что касается Италии, то здесь вопрос находится в особом положении. Вы знаете, что в Италии юго-славянские стремления сталкиваются как непримиримые с стремлениями национал-итальянскими.

Вы знаете, что в то время как юго-славяне, — под этим техническим именем разумеются сербо-хорваты, — юго-славяне надеются на объединение всей своей национальности в одном государстве путем слияния Хорватии с Сербией, путем присоединения к ним Боснии, Герцеговины и Далматии, — в это самое время итальянцы считают необходимым иметь Далматия за собой, ибо владение этой прибрежной узкой провинцией обеспечивает им стратегическое господство на Адриатическом море, которое они считают своим. Таким образом, Далматия есть предмет конфликтных притязаний, с одной стороны, сербо-хорват, а с другой стороны — итальянцев. Как всякие притязания этого рода, вопрос может быть разрешен только компромиссом. В данном случае, по счастью, проект такого компромисса уже имеется в виде соглашения, заключенного между Италией и союзниками при вступлении Италии в войну. По этому соглашению Далматия делится на части. Серединная ее часть, — примерно, от г. Зары до Трогира, — отдается Италии, хотя там почти нет итальянского населения как и во всей Далматии. Кусок на север и кусок на юг отдаются славянам, кусок на север хорватам, в тылу за которыми остается Венгрия; кусок на юг — сербам. Таково предварительное решение этого вопроса, которого одинаково не хотят общественное мнение ни Италии, ни Сербо-Хорватии: то и другое продолжает стоять на своем.

Будучи вообще знаком с этим вопросом, я естественно сделался предметом давления с двух сторон: сербо-хорваты принесли мне обширную сербо-хорватскую литературу, которая совершенно правильно доказывала, что Далматия этнографически есть страна славянская: на 650.000 славян там всего 17.000 итальянского населения, распределенного между 2—3 большими городами. Следовательно, — говорили они, — Далматия должна принадлежать будущей Юго-Славии. Когда я приехал в Италию, то с тою же настойчивостью и с тою же энергией мне доказывали, также при помощи обширной литературы, которую я получил в свое распоряжение, что стратегические и географические соображения настоятельно требуют присоединения всей Далматии к Италии.

У меня был в распоряжении только один аргумент: ссылка на то соглашение, которое имеется налицо. Всякий компромисс никого не удовлетворяет. Это его всегдашняя особенность; это и есть доказательство, что он есть компромисс. Если вы будете открывать, — говорил я итальянцам, — вопрос с своей стороны, тогда сербы и хорваты откроют его со своей. Если вы будете доказывать, что стратегически и географически вся Далматия должна быть вашей, я буду доказывать, что этнографически вся она должна быть сербской. Сербам я пробовал говорить то же самое, вероятно, с одинаково малым успехом.

Как видите, вопрос очень сложный и трудный по существу. Но это также вопрос сложный и трудный и по своей перспективе решения. Дело в том, что ведь, действительно, мы должны различать в ряду вопросов, которые вытекают из этой войны, прежде всего те вопросы, необходимые, неизбежные, без которых никоим образом нельзя кончать войны: к их числу относится вопрос о проливах. Затем уже следуют вопросы, которые должны быть разрешены в случае особенно успешного исхода войны: в том числе вопросы, связанные с разделом Австро-Венгрии. Вопрос «Югославии» есть в самом деле вопрос раздела Австро-Венгрии. Конечно, как ни правильны и ни справедливы эти вопросы, по существу, они в общей перспективе все же должны стоять на втором плане. И, говоря об этом с руководителями политики наших союзников, я находил у них одинаковое отношение к этому вопросу. Можно сказать, что для руководящей дипломатии, для практических дипломатов, вопрос о «Югославии» подчас не только не стоит на первой очереди, но и ни на какой. Это мне казалось тоже неправильным. Мы не можем предсказывать результатов войны, но мы должны быть готовыми и на всякие результаты. И мы должны на случай особенно для нас неблагоприятных результатов войны подготовить в общественном мнении и этот вопрос. Я должен сказать, что в общественном мнении наших союзников, Франции и Англии, я нашел его все же более подготовленным, чем я его находил в общественном мнении России. Думаю, что мы не должны отставать, что и мы должны сознавать важность юго-славянского вопроса и к нему готовиться.

По отношению к нашей дипломатии тут есть особые опасения, — не знаю, насколько справедливые. Сербо-хорваты очень боятся, что в этом договоре, кроме той черты раздела, о которой я вам говорил, есть еще обязательство не соединять хорват с сербами, разъединить их во что бы то ни стало. Аргумент, так сказать, фарисейский в пользу разъединения — это то, что тут две разные религии: хорваты — католики, а сербы — православные: нельзя католиков соединять с православными, а то, пожалуй, одни на других повлияют; те, которые ловчее, повлияют на тех, которые менее ловки. Аргумент действительный, итальянский аргумент, другой: они не хотят образования слишком сильной державы, «верят» сербам и «не верят» хорватам, за которыми стоит Австро-Венгрия и которые были всегда австрийцами.

На эту тему вы можете встретить всевозможные узоры. Вам будут доказывать коварство, ловкость и всевозможные отрицательные качества хорватов. Но в основе лежит нежелание сербо-хорватского объединения. Я имею однако основание думать, что только в воображении сербов рисуется, будто бы условие о разъединении двух родственной национальностей имеется в самом договоре.

Наша точка зрения в этом вопросе была такова: вопрос о соединении Сербии с Хорватией есть прежде всего внутренний вопрос. Если там, внутри,

нет никаких препятствий, само собой, вы решите соединиться. Мы не только не будем делать препятствий, а будем очень довольны. Если же есть внутренние препятствия между вами, то разбирайтесь сами; это ваше внутреннее дело. Такова та позиция, которую мы заняли в этом вопросе.

Есть еще вопрос, — конечно, интересующий нас в настоящее время всего ближе, — вопрос о том, как реагирует на современное положение вещей восточная часть Балканского полуострова, т.-е. Греция, Болгария и Румыния. Относительно Греции теперь все секреты вышли наружу. Газеты сообщили не только решение союзных правительств, но и результаты этих решений. Греция должна считаться с требованиями союзников, должна изменить направление своей политики. Она употребляет все усилия, чтобы затянуть приведение в исполнение данных ею обещаний.

Положение Румынии — вот вопрос, который выдвигается на первый план ходом событий. Я должен сказать, что я ехал из России с полной уверенностью, которая господствовала и, кажется, господствует — последнее мне неизвестно — в наших дипломатических кругах, с полной уверенностью, что между нами существует некоторое соглашение, в силу которого только срок выступления Румынии является вопросом, само же ее выступление является бесспорным. Только ввиду такой возможности можно было представить себе, что мы так щедро дарили Румынию, передавали, напр., Румынии лошадей, снабжали ее военными припасами. К сожалению, мои сведения, полученные от наших союзников, не были столь утешительны, и мое представление при возвращении не столь оптимистично. Как раз в последней из посещенных стран, в Швеции, из германских источников я слышал неожиданную похвалу Братиано: какой это ловкий человек, он и от нас берет и от русских берет; у русских взял 10 тысяч лошадей, у нас взял оружие, и никто не знает, куда он склонится! Конечно, румыны пойдут за победителем. Это отзыв германского министра иностранных дел. Конечно, в наших интересах предупредить момент, когда румыны придут помогать победителям, и постараться, чтобы они помогли побеждающим. Так как в настоящее время мы можем считать себя в этом качестве, по крайней мере, в той области, которая ближе всего интересуется Румынию, так как мы уже заняли весь восточный и весь южный угол Буковины, населенный румынами и для них предназначенный, то мне представлялось бы, что время напомнить этим нашим возможным союзникам, что ведь обещания действительно только в меру исполнения того, за что эти обещания даны, и что, может быть, теперь наступает последний момент, когда румыны могут рассчитывать получить от нас то, что мы взяли в Буковине, а если хотят, то и нечто другое. Теперь или никогда. (*Рукопесканил.*) Вот, мне кажется, каков должен быть тон нашей дипломатии по отношению к этой нейтральной стране.

Я не буду говорить о Болгарии. Мое всегдашнее представление заключалось в том, что те наши ошибки, о которых я не раз говорил с этой кафедры, мы можем поправить при благоприятных условиях. Но я не буду развивать эту мысль сейчас потому, что благоприятные условия, по моему мнению, еще не настали. Я могу только сказать, что я не один, а люди более меня и официально обязанные следить за наступлением этих обстоятельств, за ними зорко следят, и что если представится возможность, я уверен, что на этот раз они упущены не будут.

Из нейтральных стран мне остается, пользуясь небольшим сроком, который мне еще предоставлен, упомянуть о скандинавских странах, в ко-

торых мы были и настроение которых нам также интересно, а затем, если останется время, о Швейцарии. Что касается скандинавских государств, вы сразу видите, переезжая из одного в другое, из Швеции в Норвегию или из Норвегии в Швецию, полный контраст народного настроения. Точно так же как в Норвегии вы чувствуете себя дома, среди друзей, точно так же в Швеции вы невольно наталкиваетесь на какое-то психологическое противодействие, на какую-то непроницаемую психику, которая стоит перед вами и не уступает. Вы сразу чувствуете, что если вы не имеете здесь врага, то не имеете все-таки и друга. Надо сказать, что в Швеции это настроение мы видели в двух фазисах. Когда мы прибыли туда на пути за границу, два месяца тому назад, мы застали настоящий пароксизм антирусской горячки: все, что было в Швеции антирусского, все это мобилизовалось. А в Швеции очень много антирусского. Во-первых, двор; вы знаете, что королева — родственница германского императора; во-вторых, при дворе стоящие руководители, вроде графа Дугласа, почти все офицерство, значительная часть чиновничества. Только там, где начинаются элементы либеральные и радикальные, вплоть до социалистов, включая и их, а также, где начинается коммерческий и торговый мир, там вы встретитесь с некоторым излиянием в пользу союзников и отчасти в пользу России. При таком распределении настроений неудивительно было, что германфильская партия захотела воспользоваться фактом, что русские укрепили Аландские острова. Укрепление Аландских островов, это надо признать, есть нарушение нашего договора 1856 г., согласно которому мы обязались не воздвигать укреплений (*возглас справа*: «Обязались перед Англией и Францией»)... да, я об этом не говорю, но, тем не менее, это есть нарушение. Нарушение это вызвано, несомненно, стратегическими необходимостями и готовившейся операцией на Балтийском море. Если бы мы даже не знали, что готовилось, то из того, о чем говорили шведские газеты в эти дни нашего первого визита, можно было заключить о плане наших противников. Проезжая через Швецию, мы прочли в целом ряде газет инспирированную статью, в которой говорилось: если Швеции суждено воевать, — а это будет, если Аландский вопрос не будет разрешен к ее удовлетворению, — в таком случае приспособленная к морскому бою шхерная флотилия пойдет на Або (*возглас*: «Куда?»)... на Або, в то же самое время, когда германский флот будет подходить с юга. Отрезав Ботнический залив от Балтийского моря, этим самым Швеция, союзная с Германией, приобретает целый фронт, целый западный берег Финляндии для германской и для шведской высадки, одновременно с той высадкой, которая возможна с юга со стороны Германии, в Финляндии.

Этот откровенный, готовый план прямо высказывался в германфильских шведских газетах, большинство которых получают от Германии субсидии. Одновременно с тем, как такое движение было лансировано в прессе, было сделано нечто и для палаты. В палате бывший социал-демократ, ныне исключенный из своей партии, Стефен внес запрос, в котором тоже ставил перед министром иностранных дел вопрос, достаточно ли оно заботится о будущем Швеции, пренебрегая фактом укрепления Аландских островов Россией. Все общественное мнение было взбудоражено, и казалось, даже многие говорили это, что нам не придется возвращаться через Швецию, а придется ехать на обратном пути на Архангельск. Однако же, — и это обстоятельство характеризует действительное настроение народной души шведской, которая по существу все-таки настроена нейтрально и очень боится войны, — оказалось, что, когда мы 2 месяца спустя проезжали через Швецию, то вопроса об Аландских островах просто не суще-

ствовало: нигде — ни в палате, ни в печати, ни в общественном мнении. Он сразу был снят со страниц газет.

Как это произошло? Это произошло путем, во-первых, определенных русских обещаний, на этот раз подтвержденных нашими союзниками, и во-вторых, путем соглашения между двумя флангами шведского политического мира. Создался секретный комитет из 3 представителей консервативного и из 3 представителей левого крыла парламента, которые обязали министра иностранных дел сообщать все секреты внешней политики империи. Достаточно было сообщить этому комитету о том, как поступила Россия в этом вопросе, чтобы сразу вопрос был снят с очереди. После второго проезда через Швецию мы убедились, что громадная масса народа и против войны, и против вооружений, и против расходов на новые вооружения. Из 54 миллионов, затребовавших правительство на новые вооружения, парламент, в конце концов, дал на самое необходимое и ближайшее 5 миллионов с тем, чтобы в дальнейшем обращались к нему с новыми требованиями.

Вот картина настроения Швеции. Таким образом, в этой даже враждебно настроенной к нам стране для нас, повидимому, складывается благоприятное настроение. Особенно теперь, при пропуске времени для осуществления плана балтийского нападения, при серьезном повреждении германской эскадры английским флотом, при невозможности совершить это нападение, теперь перспективы в Швеции для нас чрезвычайно благоприятны, и надо думать, что нейтралитет этой страны для нас обеспечен.

Что касается Швейцарии, то я нарочно отоился от нашей компании, чтоб дважды побывать в этой стране и познакомиться с состоянием общественного настроения там. Швейцария делится резко на две половины, французско-романскую и германскую. Соответственно этому делению распределяются и симпатии. Французская Швейцария горячо стоит за союзников, гораздо в большей степени, чем я раньше ожидал, следя за вопросом по газетам и по книгам. Романская и французская Швейцария не скрывают своих симпатий. Руководящие органы этой прессы, как, напр. «Journal de Genève», который прекрасно ведется и совершенно определенно стоит на стороне союзников, и в передовицах и в своем военном обзоре постоянно ведет благоприятную для союзников линию. Точно также в общественном мнении, в университетах настроение в пользу союзников высказывается совершенно откровенно. Меня интересовал вопрос, столь же ли откровенно, столь же ли определенно стоит вопрос в германской половине. Я прямо ставил швейцарским общественным деятелям вопрос в острой форме: правда, ли, что борьба между двумя половинами так сильна, что у вас скоро начнется гражданская война? В Швейцарии этот острый вопрос вызывает сразу соответствующую реакцию. Мне отвечали: ничего подобного. Что вы хотите? Конечно, раз нас всего немножко более полмиллиона, а там $2\frac{1}{2}$ миллиона, то, естественно, они на нас наседадут; в Федеральном совете 5 немцев, 1 француз и 1 итальянец. Но из этого ничего не следует. Редактор «Journal de Genève», остроумный Бонар, говорил: «Если бы кому-нибудь из этих федеральных советников приснилось ночью, что он может поднять свою руку за Германию под одеялом, то он это сделал бы (смея), а откровенно, при свете дня и при пулике, никогда он за Германию не выскажется».

Этим характеризуется настроение Швейцарии. Я спросил далее: а если форсируют ваш нейтралитет, если попробуют перейти через вашу территорию? Мне отвечали: что французы перейдут через нашу территорию, мы этого не боимся. Что Германия может нарушить наш нейтралитет таким образом, это нам приходило в голову, но на этот счет у нас есть армия,

которую мы гордимся, которую похвалил император Вильгельм. И я вас уверяю, — говорил мне мой собеседник, — что если германские солдаты появятся на территории Швейцарии, то все мы как один человек будем воевать против Германии.

Вот единодушное и твердое, вполне определенное утверждение со стороны влиятельных общественных деятелей. Таким образом, и с этой стороны очевидно нам никаких сюрпризов и затруднений не предстоит.

Сделавши, таким образом, этот общий обзор, я уже не буду (*голоса: «А об Армении?»*)... Извольте, я скажу и об Армении. Об Армении мне приходилось беседовать в разных странах. Я должен сказать, прежде всего, что несколько неопределенная фраза, сегодня произнесенная нашим министром иностранных дел, привела меня в некоторое смущение. Он говорил, — и это конечно следует приветствовать, что наши интересы в восточной части Малой Азии, интересы, связанные с защитой нашего Закавказья, не только приняты во внимание, но и стали предметом особого соглашения. Таков смысл его заявления, очень ценного, ибо тут впервые мы узнаем, что существует новое соглашение относительно уже оккупированных нами частей Малой Азии. Я, конечно, приветствую это заявление. Но я должен сказать, что несколько боюсь этой неопределенности — и вот в каком смысле. Ректификация наших границ со стороны частей, примыкающих к Армении, конечно, совершенно естественна и неизбежна. Если вы вспомните, что по Сан-Стефанскому договору мы имели границу стратегическую более правильную и что она у нас была отрезана частями и отобрана по Берлинскому трактату, то совершенно естественно, что у всякого из нас явится желание при нашем вторичном занятии этих областей вернуть старую стратегическую границу. Я думаю, что это требование законное и справедливое, которое мы все должны поддерживать. Но вопрос в том, не идет ли наше желание аннексии немножко дальше той границы, которую мы себе отмерили сами, как стратегически выгодную, по Сан-Стефанскому договору. Я боюсь, что по мере еды развивается аппетит; боюсь, что тут наши аннекционные стремления растут немножко больше, чем, по-моему, им расти следует. Я не хочу специфицировать тех границ, которые, как я слышал, представляются теперь желательными и возможными. Оставим это вне области наших рассуждений, пока все это не выяснилось более определенно. Но, что меня особенно заботит, это то, что делая наши новые границы предметом особого договора, мы совершенно забываем, что, как бы они ни были широки, за их пределами все еще продолжается Армения, а не Турция. Мы не могли же, хотя я не знаю этого договора, и сегодня о нем первый раз слышал, — мы не могли поставить в договоре вопрос об анекцировании всей Армении. Очевидно, что тут должны быть известные пределы. Очевидно, что за пределами полосы, которая должна исправить нашу границу, все-таки останется часть области 6 вилайетов, населенных в значительной части армянами, — области, которая нам самим представлялась, когда Турция еще была хозяйкой этой местности, как автономная Армения.

Господа, если для нас в чаду наших завоеваний и наших приобретений эта автономная Армения как-то вдруг исчезла с нашего горизонта, то я должен сказать, что для наших союзников она вовсе не исчезла. Напротив, армянский вопрос стоит на виду у наших союзников; там существуют армянские комитеты, с представителями которых я беседовал — с французами, с англичанами, которые помнят это обещание автономии Армении и вовсе не хотят отдавать старых армянских земель туркам. За пределами нашей

аннексии не может непосредственно начаться Турция. Между будущей Турцией и этой границей есть место для автономной Армении. Мы должны и это ввести в наш договор и об этом вспомнить, потому что вопрос об автономии Армении тоже довольно сложная проблема. Каковы пределы Армении, как далеко они должны доходить на юг, на юго-запад, должна ли будущая армянская область выходить к Средиземному морю или там признаются встречные претензии Франции, которые должны быть удовлетворены? Все эти вопросы недостаточно поставить, они должны быть своевременно разрешены.

Я позволю себе высказать пожелание, чтобы, во-первых, наши аннексионные аппетиты не слишком далеко шли, и чтобы, во-вторых, как бы далеко они ни зашли, мы не забыли, что за пределами территории будущей аннексии лежат территории будущей автономной Армении. Эта Армения должна также своевременно сделаться предметом соглашения, для которого наши союзники вполне подготовлены. У меня есть свой взгляд для решения этого вопроса, который отчасти расходился с нашими союзниками. Я полагал, что нам не надо выходить к Средиземному морю, что надо отдать Малую Армению в ведение наших союзников и ограничиться плоскогорьем, которое составляет территорию 6 вилаетов. Из моих продолжительных разговоров с моими армянскими друзьями за границей я вывел заключение о возможности приблизиться к этому решению, которое мне представляется наиболее желательным. Но как бы то ни было, об этом надо говорить, этого вопроса не надо забывать, надо готовить его решение сообща с союзниками и надо включить его в пределы нашего будущего соглашения.

Вот, что я имел сказать относительно Армении. (Голоса: «Голландия».) Мне трудно сказать что-нибудь новое о Голландии. Она находится в затруднительном положении по отношению к Германии. Первоначальные сведения были, что она находится целиком в сфере германского влияния. Однако теперь оказывается, что это далеко не так и что Голландия очень ревниво относится к своей самостоятельности; она очень помнит о тех миллионах золота, на которые зарятся германцы и которые они хотели бы захватить вместе с оккупацией Голландии. Голландия может представить при более благоприятном ходе военных событий такую территорию, которая сохранит свой нейтралитет. Но вопрос о том, как обеспечить ее будущее отношения с ее соседкой, которая может претендовать на некоторые приобретения, как определится будущее положение голландских колоний в зависимости от возможных притязаний Англии и т. д.

Вопрос о судьбе колоний очень сложен, и, когда я его ставил сэру Эдуарду Грею, он мне ответил таким образом: это вопрос будущего, и мы сами не знаем, как станет этот вопрос, так как это зависит от того, каковы будут желания наших *Dominions*. Таким образом, и вопрос о Голландии является не вполне ясным: может быть, для более осведомленных он представляется яснее... (Голоса: «А Дания?»). Дания целиком находится в руках своего соседа и с удовольствием от него освободится. Но сейчас она не может шикнуть... (Голоса: «А Болгария?»). О Болгарии я сказал в двух словах и не хотел бы говорить яснее. Я считаю, что с Болгарией придется возиться, когда развернутся наши военные успехи, и почва для этого может считаться до некоторой степени подготовленной... (Степанов: «А эмигранты за границей?»). Наша эмиграция за границей в значительной степени поредела, начитательная часть ушла в армию, и часть там погибла. Таким образом эмиграция представлена негусто и часто не лучшими своими представителями. Тем не менее, среди эмиграции за границей ведется большая

борьба мнений, борьба более яркая и острая, потому что она не стеснена цензурой. Правда, во Франции она стеснена, но наши эмигранты левого крыла перекочевали в Швейцарию и, главным образом, в Женеву. Там они ведут встречную борьбу.

Что касается остальных, я должен сказать, что среди них распространено самое желательное для нас настроение. Я об этом говорил в начале войны. Я указывал тогда на патриотическое настроение нашей эмиграции, которое обще, можно сказать, громадному большинству ее представителей.

Мне приходилось в Риме беседовать с видным представителем нашей эмиграции, Плехановым, и я должен констатировать, что политика парламентского прогрессивного блока находит всецело одобрение этого видного деятеля социал-демократии. (*Голоса справа*: «Браво!»). То же самое я выслушал от Кропоткина, которого я дважды посетил в его уединении на юге Англии. Затем ко мне приходили очень лево настроенные представители бывших социал-революционеров, ныне работающих в газете, называемой «Призыв», которые точно также весьма определенно высказывались за ту политику и за ту тактику, которую ведет в своих намерениях, в своих планах большинство Государственной думы. Таким образом, — я еще раз подхожу к этому вопросу, — я убедился, что то, на чем мы с вами сговорились в прошлом году, все еще является базой, на которой можно построить и дружественные отношения к инакомыслящим в нашей собственной среде и приличные гуманные отношения к лучшей части общественного мнения наших союзников. Но это надо делать, делать сейчас, чтобы не подвергать нас тем упрекам, которые до сих пор справедливо слышатся иногда с этой кафедры.

Нужно, чтобы блок был действителен, чтобы он существовал и чтобы он о своем существовании заявлял делами. Это настоятельно необходимо, с этим мы расходимся в эту сессию, но я надеюсь, что с этим мы начнем следующую сессию, которая, — последняя в этой Думе и которая даст возможность представителям большинства предстать перед своими избирателями с чем нибудь готовым и достаточно их рекомендуемым для продолжения их парламентской деятельности. (*Рукоплескания в центре и слева.*)

Записка ген. А. М. Зайончковского о Добруджанской операции 1916 г.

Сформирование русского «Особого корпуса», посланного в Добруджу «на помощь румынской армии», решенное в июле 1916 г., находится в тесной связи с фантастическим планом Жоффра (см. его доклад от 25 июня, опубликованный в официальной французской истории войны 1914—1918 гг.) добиться «решения войны» путем нейтрализации болгарской армии силами «восточной армии» Антанты в Салониках и вовлечения в войну Румынии.

Чтобы достигнуть этой последней цели, французская печать, запугивая царскую дипломатию, ставила вопрос о передаче Румынии Бессарабии и угрожала в случае несговорчивости России пересмотром вопроса о проливах ¹⁾.

Румыния, получив взятку от Англии, которая у нее купила пшеницу, а также под впечатлением весенних успехов армий Брусилова на юго-западном фронте, решила вступить в войну.

Переговоры о заключении военной конвенции между Антантой и Румынией начались еще в январе 1916 г. 4 июля Братиану поставил свои условия: 1) доставка огнеприпасов из России, 2) продолжение наступления Антанты, 3) удержание русской армией достигнутых рубежей в Галиции и Буковине, 4) гарантия, что Румыния не будет атакована Болгарией.

Выступление румынской армии ставкой сначала считалось бесполезным, но в начале июля 1916 г. начальник штаба верх. главнокомандующего ген. Алексеев стал признавать важное значение «моральной стороны» участия Румынии в войне ²⁾.

В конечном итоге, в обстановке противоречий между царизмом и Францией, а также интриг обеих ставок, 17 августа была подписана военная конвенция, согласно которой салоникская армия Антанты должна была перейти в наступление 20 августа, чтобы сковать болгарскую армию, а румынская армия должна была перейти в наступление 28 августа в общем направлении на Будапешт. Русское командование обязалось послать в Добруджу две пехотных дивизии и одну кавалерийскую, по выражению Зайончковского, — «кость, которую Румынии бросили для того, чтобы она выступила на стороне Согласия».

Этот план, являвшийся результатом стремления Румынии к скорейшему захвату Трансильвании, как ее главной цели в войне, приводил к тому, что в операциях против германо-болгарских войск, сосредоточенных южнее Дуная, должны были участвовать сравнительно слабые силы салоникской армии со стороны Македонии (250 000 бойцов) и румыно-русские силы в Добрудже.

Положение на этом театре войны осложнялось для Антанты тем, что болгарская армия, не опасаясь румын, с согласия германского командования, сама перешла в наступление еще 17 августа и потеснила войска Антанты.

¹⁾ Центральн. архив, Царская Россия в мировой войне, т. I, стр. XX. М. 1926 г.

²⁾ «Красный архив», т. XXIX, стр. 2.

Что касается Добруджанского фронта, то еще 29 июля германское командование (Фалькенгайм) предусматривало — на случай выступления Румынии — наступление с юга в Добруджу германско-болгарской и турецкой армий под командованием Макензена.

К 28 августа главные силы румынской армии углубились в Трансильванию и там завязли. В это время, несмотря на слабость своих сил (2 германских дивизии, III болгарская армия из 2 пехотных и 1 кавалерийской дивизии), Макензен решил перейти в наступление, вскоре овладел переправами на Дунае у Силистрии и Туртукая и двинулся на Констанцу.

12 сентября румынское командование приостановило наступление в Трансильвании и, перебросив свои резервы в Добруджу, сосредоточило там 13 русских и румынских дивизий. Несмотря на это в середине октября Макензен занял Констанцу и Черноводу. Оставив там небольшой заслон, он перебросил свои главные силы вновь за Дунай и с юга подошел к Бухаресту. Приближалась катастрофа Румынии.

В связи с этими неудачами румынской армии на Дунае и заминкой в наступлении салоникской армии Антанта в конце августа потребовала увеличения количества русских войск в Добрудже. Алексеев, не без основания, возражал против растягивания русского фронта еще на 500 верст. Впрочем после румынской катастрофы пришлось послать туда значительно больше войск, целые армии, чтобы поддержать остатки румынской армии и удержать фронт, прикрывавший подступы к Бессарабии и южной Украине.

Ценность публикуемой докладной записки А. М. Зайончковского на имя царицы в том, что она дает яркую картину подготовки русского похода в Добруджу, низкого состояния и небоеспособности румынской армии, негодности ее командного состава, неустойчивости русского тыла.

Из оперативных вопросов, освещаемых запиской, отметим, что еще 28 сентября ст. ст., когда Макензен угрожал Констанце, Алексеевым выдвигался план ослабления Добруджанского фронта в пользу Трансильванского, т. е. о полной ломке всего плана войны, о полном его крушении.

В целом же записка Зайончковского дает новый материал для характеристики подлинной сущности междусоюзнических отношений Антанта на одном из участков империалистической войны, где ее внутренние противоречия вывлеклись особенно рельефно, а также для изучения причин конечного поражения царской армии.

С. Будкевич.

ВСЕМОДД. ЗАПИСКА ГЕН. А. М. ЗАЙОНЧКОВСКОГО 20 ОКТЯБРЯ 1916 Г. ¹⁾

ДОБРУДЖА.

Август — октябрь 1916 г.

В начале июля 1916 года было решено сформировать особый корпус для отправления его в Добруджу на помощь румынской армии. В состав этого корпуса должны были войти: 4 Финляндская стрелковая дивизия, казачья Уссурийская дивизия и дивизия сербских добровольцев, набранных

¹⁾ Центр. Военно-истор. архив. — На подлиннике помета: «Записка эта была подана в последних числах октября 1916 года в ставке государю императору через великого князя Александра Михайловича. А. Зайончковский.»

из австрийских пленных. Командиром корпуса генерал-адъютант Брусилов предназначил меня.

По моим прежним историческим работам я хорошо знал условия борьбы в Добрудже и имел достаточное представление о характере, порядках и армии наших новых союзников. Поэтому после того, когда я окончательно убедился, что генерал-адъютант Брусилов категорически отказал в моей просьбе заменить меня на должности командира корпуса в Добрудже другим лицом, я начал прилагать все усилия убедить моими личными и письменными докладами в необходимости организовать посылку войск в Добруджу таким образом, чтобы избежать в этом важном деле неосторожности и возможных вследствие этого катастроф.

Общая картина командирования русских войск в Добруджу обрисовывалась в следующем виде.

Сформировался корпус из одной русской пехотной и одной русской кавалерийской дивизий, причем вместо крепких дивизий, предполагавшихся сначала, в состав корпуса назначили второстепенные — второочередную 61-ю пехотную, которая целый год сидела в окопах и ни разу не дралась, и 3-ю кавалерийскую. К этим двум русским дивизиям прибавлялась дивизия сербская из австрийских пленных, которая представляла из себя величину совершенно неопределенную и, во всяком случае, рискованную. Для командования всем этим быстро сформировалось в Олесе из лиц, совершенно друг другу неизвестных, управление корпуса, и корпус, едва сформированный, должен был плыть по Дунаю в Черноводы, откуда продвигнуться до Мангалии и здесь занять позицию, находясь в полном подчинении румынской армии.

Такая обстановка заставила меня при личных докладах генерал-адъютанту Алексееву 11 июля и 7 августа в выражениях очень решительных предостерегать его о том риске, который повлечет за собой для чести русского имени неосторожный характер организации русского корпуса, предназначенного для похода в Добруджу. Главные основы моих докладов заключались в следующем:

1. В случае выступления румын немцы не оставят этого без внимания и постараются наказать короля румынского — первого отступника Гогенцолерна, а потому в Румынии надо ждать серьезного натиска врага, тем более, что это еще единственный театр, где немцы могут рассчитывать на успех.

2. Из двух театров — Трансильванского и Добруджанского противник, наверное, выберет для нанесения первого главного удара Добруджу, как потому, что здесь сделать это легче, так и потому, что Добруджа имеет огромное политическое значение для Болгарии, с интересами которой в настоящий период Германия должна больше считаться, чем с интересами Австрии.

3. Для всей Болгарии имеет первостепенное нравственное значение разбить именно русский корпус, к чему она и приложит все меры.

4. Придача сербской дивизии к русской или может повести к полному обессилению русской дивизии, если сербы сохраняют еще австрийские традиции, или же это совершенно уничтожит политическое значение посылки русских войск в Болгарию в отношении поддержки там русофильского течения.

5. Подчинять во всех отношениях русский корпус румынскому генералу рискованно, так как корпус этот может быть поставлен в критическое

положение эгоистическими стремлениями и неумением румынского главного командования.

6. Выкидывать русский корпус на 180 верст от границы с водяной базой на флангах, без подготовки и обеспечения тыла, это равносильно поставить корпус при первой неудаче в положение близкое к катастрофе.

Я со своей стороны, не затрагивая и не касаясь тех неизвестных мне целей, для которых формировался Добруджанский корпус, а озабочиваясь только возможностью благополучно вывести его из тяжелого положения, если он в таковое будет поставлен, просил нижеследующее:

1. Не назначать в состав корпуса сербской дивизии не только потому, что она по своим боевым качествам представляется величиной неизвестной, но и потому, что известная дикость нравов сербов, взаимная с болгарами их ненависть и та жестокость, которую они будут проявлять под русским флагом, совершенно не на руку нашим интересам.

2. Дать не менее двух русских дивизий в состав корпуса, исходя из того заключения, что при той небольшой и пассивной стратегической роли, какую наше высшее командование возлагало на русский корпус в Добрудже, это — наименьшее число войск, которое может самостоятельно отходить на свой тыл в случае катастрофы с соседними румынскими войсками.

3. Если нельзя отправить в Добруджу хотя одной первоочередной дивизии, то дать мне дивизию из 30-го корпуса, мне знакомую.

4. Организовать тыл между линией Констанца—Черноводы и Измаил—Рени, так как без этого отход наших войск может принять катастрофический характер.

5. Предоставить мне в тылу моего корпуса известную территориальную власть на тех же правах, как она предоставлена командиру корпуса в России, и пр.

При этом я предсказал генерал-адъютанту Алексееву картину вероятных действий наших противников в Румынии и последствия, к каковым эти действия могут привести, если мы не организуем русский корпус обдуманно и серьезно.

Генерал-адъютант Алексеев 7 августа не согласился ни на один из моих доводов в оценке той картины, в каковой я представил ему возможное положение русских войск в Добрудже и которая, к сожалению, во всех подробностях теперь исполнилась.

Я настолько ясно сознавал весь риск такого неподготовленного похода на Добруджу, что после приезда из ставки в Одессу еще раз пытался повлиять на генерала Алексеева, почему и отправил ему 10 августа нижеследующее письмо:

«Ваше высокопревосходительство, глубокоуважаемый Михаил Васильевич. Мой личный вам доклад 7 августа принял столь нежелательный оборот, что я не имел возможности высказать вам все доводы о необходимости иной организации корпуса, отправляемого в Добруджу. Кроме того ваши взгляды по этому вопросу настолько изменились после первого моего доклада 11 июля, что, каюсь, я и не был подготовлен вам логично докладывать 7 августа. С риском второй раз вызвать ваше неудовольствие и заслужить вновь нелестную для меня вашу характеристику, я все-таки считаю своим долгом вновь доложить вам обстановку, как она мне представляется, как можно было бы, по моему мнению, исправить положение моего корпуса и как я, в общем, предполагаю действовать, находясь в подчинении румынской армии. Я с доброй волей иду на все неприятности, которые сопряжены с моим настоящим письмом, так как все эти неприятности, вместе взятые,

в моих глазах легче вашего же упрека в будущем конфузе русского дела и русского оружия на Балканах и в излишних потерях драгоценных русских жизней.

Я вам откровенно доложу то впечатление, которое на меня произвел разговор с вами, и только прошу простить мне нелитературные иногда выражения, что дает возможность более коротко и образно высказать свою мысль.

Мне кажется, что 47 корпус и генерал Зайончковский есть та кость, которую бросили Румынии для того, чтобы она выступила на стороне Согласия. На этой кости поставили крест, ее вычеркнули из состава вооруженных русских сил, а если в будущем будет какой-либо от нее еще плюс, то это запишется на неожиданный для России приход.

Иначе объяснить себе передачу русского корпуса в полное подчинение румынскому главному командованию безо всяких оговорок, на основаниях подчинения корпуса своему командующему армией, я не могу. При этом Румынии разрешено сразу же выкинуть этот корпус на 180 верст от русской границы и поставить его в положение вообще рискованное, а по отношению всей румынской армии — в наиболее стратегически опасное.

Если прибавить к этому совершенно нерегулированное кормление румынами моего корпуса некоторыми предметами интендантского довольствия и получение остальных видов всевозможного довольствия из России, без надлежащих средств для оборудования ближайшего тыла корпуса от линии Рени—Измаил до линии Черноводы—Констанца, а также тот факт, что русские войска выкидываются в самый ужасный по климатическим условиям район Добруджи, а именно Мангалии, около которой, как известно, в 1854 году погиб французский корпус от холеры, не встретив ни одного русского солдата, то картина положения, в которое ставится 47 русский корпус и я, станет полной и ясной. И если я никакого улучшения в моей обстановке ожидать не могу, то я приму следующий образ действий: 1) я буду свято исполнять свои обязанности начальника боевого участка и соседа союзной армии с той решимостью и энергией, которые вам могут засвидетельствовать генералы Брусиллов и Лечицкий, никогда не упрекавшие меня ни в трусости, ни в глупости. 2) Однако указанный способ действий я буду принимать после того, когда обеспечу русские войска от возможных катастроф, которые могут быть вызваны или опасностью стратегического положения русского корпуса около Мангалии или эгоистическими действиями румынского соседа. 3) Я буду противостоять всеми доступными мне мерами возложению на русский корпус таких задач, которые будут отдавать специфическим запахом вытаскивания для румын каштанов русскими руками, а тем более обслуживания спокойствия румынских войск напрасной кровью и трудами моего корпуса. 4) Всеми правдами и неправдами я постараюсь при помощи Веселкина как-нибудь оборудовать мой тыл к югу от линии Рени—Измаил, чтобы здесь свободно, если понадобится, маневрировать и не всегда зависеть от румынского продовольствия, и 5) все это я буду делать, призвав на помощь все мои дипломатические способности и выказывая румынам полную почтительность, уважение, услужливость и вежливость.

Но мне трудно поверить, чтобы вы совершенно поставили крест на 47 корпусе, и потому я доношу вам мои мысли, как можно было бы помочь делу, а именно: 1) когда Румыния выступит, с ней можно не так уже считаться и действовать так, как это выгоднее для общего дела. 2) Надо воспользоваться существующим договором, который дает право России иметь самостоятель-

ный отряд, если сила его будет равна силе румынского отряда, на том же театре действий. В Добрудже будут действовать румынский корпус и русский, т. е. отряды равные, а потому я мог бы действовать самостоятельно, получая лишь директивы главного румынского командования. Вы сказали мне, что из за этого никакой разницы в положении не будет, но я позволю себе с вами не согласиться. Так, в данном случае командующий румынской армией скажет подчиненному ему командиру русского корпуса: «удерживайте во что бы то ни стало позицию от и до...», а если я буду самостоятельным, то высшее командование даст мне директиву такого рода: «Вам надлежит обеспечить левый фланг румынской армии со стороны Варны и удерживать в своих руках такую-то полосу». — Сознайтесь, что в этом последнем случае я могу действовать более осмысленно и более сообразно русским интересам. Да вообще, чем большую самостоятельность будет иметь русский генерал в Румынии, тем это для вас выгоднее, хотя бы потому, что русский генерал, которого вы можете выбрать, есть величина известная, а румынский генерал величина совсем неизвестная. 3) Уже теперь практика показала, что обойтись организацией управления 47 корпуса по штату неотдельного нельзя: мы имеем неотдельный корпус и потом орган снабжения армий фронта, каковую роль играет Одесский военный округ, а середины между двумя этими организациями, т. е. этапно-хозяйственного отдела штаба армии мы не имеем. Без него корпус жить не может, если он не поступает на полное содержание к румынской армии. Нам волей-неволей приходится прибегать к вредной импровизации, что я и испрашивал несколькими моими телеграммами от 8 и 9 августа. Поэтому я еще раз докладываю о необходимости перейти к организации отдельного корпуса, взяв первоначально хоть остов его, увеличивая до полного размера постепенно, по мере надобности. 4) Необходимо дать мне известные территориальные права по отношению полосы моего тыла на румынской территории, без чего я решительно не считаю возможным иметь твердое положение и власть в тылу. Насколько я помню быстро прочитанный мною текст соглашения, он дает право достигнуть и этого.

Вот, Михаил Васильевич, откровенный мой вам доклад, по которому вы можете судить, что именно можно от меня ожидать и следует ли меня оставить на этом посту или заменить генералом с большими румынофильскими наклонностями. В моем докладе мне неприятно только одно — я все прошу прибавить мне прав. Вы меня очень обяжете, если поверите в отсутствие эгоистических побуждений в этом деле. Я еще раз повторяю, что я буду считать себя счастливым, если вы меня смените с этого поста, на который я смотрю как на наказание за мои неизвестные мне проступки. Да навряд ли можно смотреть иначе старому корпусному командиру на назначение, так обставленное, как мое. Во всяком случае, вы можете быть вполне спокойны, что до той поры, пока я буду во главе корпуса, я буду работать с неустанной энергией, несмотря на все различие наших взглядов.

Вы у меня спрашивали о сербской дивизии. Должен доложить, что, кроме вас, все даже у вас в ставке относятся к этой дивизии с подозрением, не исключая и самих сербов. Я приму все меры, чтобы дивизия эта была хороша, но что из нее будет, никто вперед сказать не может.

Я пишу вам это письмо без черновика, а потому простите шероховатости слога. Одна к вам просьба, как к старому товарищу: не ищите в моем письме целей эгоистических и неудовлетворенного или оскорбленного самолюбия. Пр. и пр. Андрей Зайончковский. 10 августа 1916 года, гор. Одесса».

В такой неблагоприятной обстановке по отношению назначенных в Добруджу сил и средств, а также в отношении разногласия во взглядах с главным руководителем наших военных операций, генералом Алексеевым, прошла моя двухмесячная работа во главе Добруджанской армии.

Здесь я также не переставал ориентировать генерала Алексеева во всех подробностях в сложившейся обстановке. Я могу отметить свыше 30-ти моих личных донесений, в которых я с полной откровенностью докладывал генералу Алексееву и опасность нашего выступления с малыми средствами и истинное положение дел.

В общем мои телеграммы сводились к выяснению ему следующих вопросов: 1) о состоянии румынских войск и их начальствующих лиц; 2) о мерах, как сделать румынскую армию боеспособной; 3) о рискованности положения русского корпуса при большом превосходстве румынских сил на том же театре войны; 4) о необходимости устройства тыла; 5) некоторые доклады по вопросам оперативного характера и 6) о зловредности для России поведения нашего военного представителя в Румынии.

Если сочетать за истекшие два месяца все данные официальной переписки моего штаба и моих личных докладов, то картина положения русских войск в Добрудже представится полной, но я в этой записке, в виду ее секретного характера, основываюсь почти исключительно только на моих личных телеграммах.

I. Состояние румынских войск и их начальников.

Я не пишу здесь полного доклада по затронутым вопросам, а только даю общую картину моей деятельности, рисую, так сказать, штрихи для будущего серьезного разбора Добруджанской операции, а потому привожу только некоторые мои телеграммы.

Примерно 1 сентября я послал следующую шифрованную телеграмму:

«Я уже близко познакомился с двумя румынскими дивизиями и многими генералами. Впечатление в военном отношении отвратительное: это полное непонимание ведения современной войны, страшная паничность в действиях, самые ужасные сплетни угрожающего характера в официальных донесениях, всегда опровергаемые моей воздушной разведкой. Отсюда масса излишних волнений и передвижений. В некоторых дивизиях артиллерия старинного образца, не имеющая возможности участвовать в современном бою, что вынудило меня назначить в одну из румынских дивизий дивизион 64-й бригады. Сильный по количеству штыков, я слаб потому, что должен больше бороться с моими румынскими войсками, чем с врагом. Болгары пленные прямо говорят, что наши войска будут только подпирать и спасать румынские, а не драться с болгарами, что в действительности и было. По моему мнению, необходимо командировать в румынские дивизии наших офицеров¹⁾ на первое время хотя бы под видом моей связи с начальниками дивизий²⁾. Для этой цели были бы хороши негодные к строю, но известные своей доблестью генералы и штаб-офицеры. Я не скуплюсь ни в ученьи румын, ни в строгости с ними, но им просто нужны русские учителя, как это сделали немцы со своими неподготовленными союзниками» Алексеев на это ответил мне, что по штату мне таких не полагается.

¹⁾ Это и сделали, но только французы, до которых дошел мой взгляд, а не мы.

²⁾ Именно то, что сделал теперь генерал Бертелло.

2 сентября в дополнение к этой телеграмме я доносил:

«Ко мне приехали два адъютанта короля. Дошло до того, что вчера меня упрашивали назначить временно командующим румынской дивизии моего корпусного инженера. Я высылаю на фронт всех, кого могу, из своего штаба, помогать управлению войсками, но у меня нет людей. Мой инспектор артиллерии учит то в одной группе, то в другой. Артиллерии мне шлют много, но у них нет даже телефонов. Здесь широкое поле для работы русских артиллеристов. Если бы можно было прислать одного—двух в мое распоряжение для назначения инспекторами артиллерии в корпусах. Нужны также телефоны для артиллерии. Из Бухареста приезжают панически настроенные, но у нас отходят»¹⁾.

В тот же день я писал в ставку²⁾:

«Я считаю румынскую дивизию в периоде большого разложения. Ни одна часть, бывшая под огнем, не желала драться после нескольких выстрелов. Есть полки, которые мы не можем собрать в течение суток. Артиллерия пехоту поддерживает мало. Стреляет без телефонов. Паничность ужасающая, распространившаяся сегодня и в месте расположения моего штаба. Паничность среди высших штабных офицеров еще большая, чем среди войск. Эта армия требует полной реорганизации. Я занимаю укрепленную позицию в 20-ти верстах к югу от линии Черноводы—Констанца и почти уверен, что при первом болгарском выстреле румыны разбегутся».

Чтобы избежать характера голословности в моих телеграммах, я в своих донесениях приводил фактические данные об отрицательном поведении румынских войск в каждом бою (№№ 328, 329, 356 и т. д.).

Что касается румынского начальства, то и здесь мною была дана полная характеристика как отдельных генералов, так и общего тона главного управления румынской армии.

Генерала Ильеско в одной из первых телеграмм я определял как выскочку, не знающего основ военного дела, смотрящего на военные операции как на орудие политической борьбы, и что надо ждать многих катастроф и сюрпризов, пока он будет находиться во главе управления. В телеграмме от 8 сентября № 332 на имя генерала Алексева я, между прочим, писал: «Ильеско—генерал, пользующийся общим презрением почти всей армии...» и далее: «Меня предупреждали, что как французский военный агент, так и Татаринов (представитель нашей армии) находятся в руках Ильеско, и что по всем данным карьеры Ильеско, о которых я здесь не хочу распространяться, это является компрометирующим». О генерале Авереско я писал, что это человек высокого благородства, но человек предвзятой идеи и одностороннего взгляда, что за ним должен был быть строгий надзор со стороны нашей ставки в отношении планов операции, но не через очки партии Ильеско, с которым они враги (моя телеграмма от 16 сентября № 343). Я доносил о неумении румынских высших военных начальников ставить определенные цели (телеграмма № 341), о неумении составить определенный план (№ 341), об ежечасной перемене отдаваемых распоряжений и всегдашней вследствие этого путанице (№ 314), о назначении русскому корпусу невыполнимых, бессмысленных задач, которые должны были повести к его несомненной гибели (№ 314 и разговоры по Юзу), о постоянной смене панического настроения оптимистическим и перемене из-за этого образа действий. Я сообщал о фактах сокрытия румы-

¹⁾ Моя телеграмма № 1182 от 2 сентября.

²⁾ Генкварверх № 326.

нами от меня действительного положения вещей (№№ 360 и 361), не ориентировки меня, умышленно неправильного освещения обстановки, что влекло к излишней потере русской крови, что они все строят на фокусах, что так соответствует характеру Ильеско (№№ 341, 346, 370, 372, 401 и пр.). Я приводил примеры непопозволительного ухода с поля сражения начальников дивизий (№№ 337, 409 и мои приказы по румынской армии) и, как венец всего, привел собственноручный доклад румынского начальника дивизии о том, что его дивизия находится в состоянии полного разложения (№ 338).

II. О мерах, как сделать румынскую армию боееспособной.

Мною докладывались следующие меры: посылка наших офицеров для руководства боевой подготовкой румынских полков; иметь на каждом операционном направлении русских войск больше, чем румынских (№ 343); необходимость иметь в Добруджанской армии достаточный личный состав офицеров для принятия в свои руки ответственных постов (№ 341); приучить к точному и действительному исполнению своих обязанностей (№ 370).

Еще 19 сентября я писал генералу Алексеёву (№ 355), что мне нужны офицеры для поручений. «Цель их, — писал я, — прикомандирование к начальникам румынских дивизий для указания этим лицам современной техники ведения боя. Вы себе представить не можете, до чего все это отстало. Артиллерию мы немного учим, по инженерному делу пишем инструкции, а по пехоте, кроме нескольких письменных указаний и личных при моих посещениях позиций, пока еще ничего не делаем. А между прочим из-за их неумения несутся большие потери и бывают неудачи. Румыны сами хотят учиться. Вначале при панике они даже требовали, чтобы я поставил своих офицеров во главе дивизий и полков. Теперь эта паника улеглась, но я думаю, что и теперь опытный офицер, состоящий при румынском начальнике, принесет большую пользу не только в смысле технических указаний, но и в отношении точного исполнения в румынских частях того, что мною им приказано, так как без этого они очень хитрят, и мне трудно проследить, что у них делается во время боя... Я исхожу из той мысли, что создавшееся положение дает нам возможность оказывать влияние на румынскую армию, что будет не бесполезно и в будущем, в мирное время — играть здесь первую роль, чего не следовало бы упускать до конца Балканской кампании».

Наконец, 29 сентября, за № 387, я писал по этому поводу нижеследующее: «Постоянные мысли о том, как выпутаться из создавшегося благодаря Румынии тяжелого для России положения, наводят на некоторые идеи, которыми я и делюсь с вами, извиняясь вперед за некоторую, может быть, беспочвенность. Ввиду создавшейся для румын угрозы на двух одинаково для них важных фронтах, мы находимся в таком положении, что если поможем румынам в Добрудже, то они сдадут в Трансильвании, и наоборот. Помогать же сразу в двух местах — это значит обездолить Россию. Вообще оставить румын на столь важном фронте, как Балканы, нельзя; это приведет к тому, что нам придется скоро оборонять Бессарабию и передать всю Румынию с ее богатствами и хлебом немцам. В Румынии должны действовать только русские войска с маленькой, может быть, прибавкою для удовлетворения самолюбия короля и нации. Все же румынские дивизии должны заменить наши русские, которые пойдут в Румынию, на наших пассивных и второстепенных участках. Там, вкрапленные среди

русских войск, они не только не будут мешать, но и хорошо будут драться; да и обучить их и помочь им будет легко. Здесь же для обучения их требуется целая организация и масса времени, а для помощи — замены их русскими войсками, безо всякой пользы от их войск. Командующим отдельной русской армией в Румынии надо оставить короля, но начальника штаба дать ему русского, который и был бы фактическим командующим. Я думаю, что вам и придется прибегнуть к этой мере, но лучше бы не опоздать. Для начала можно было бы испробовать у меня — прислать мне одну дивизию, взяв отсюда с обратными поездами румынскую, которую и посадить в России на второстепенном участке, и так последовательно продолжать и дальше. Панические румыны на это пойдут, а если не пойдут, то обстоятельства их принудят. Весьма возможно, что только начало этой перемены, т. е. замена нескольких дивизий даст уже такие результаты, что на этом можно будет и остановиться. Такой меной мы, не ослабляя русскую армию в России, сделаем более устойчивой союзную армию в Румынии».

При мне все время состояли в Добрудже несколько французских офицеров, при посредстве которых я имел сведения из французского посольства, и 25 сентября (№ 379) я уже писал: «... В Бухаресте все перейдет в руки французов, тогда как первую скрипку должны играть мы. Я уверен, что в Румынии теперь делается большое дело, и нам нельзя упустить взять его в свои руки»... И вслед за этим 6 октября (№ 407) я сообщал: «Генерал Бертелло забрал всю власть в руки. Завтра совсем переезжает в ставку. Привез около полусотни офицеров, половина которых разослана в войска, а другая работает в штабе. Румыны говорят об этом подчинении с восторгом»...

И если мы не захотели быть учителями и руководителями румын, за которых дерутся наши войска, то хорошо, что за это взялись хоть французы, чутко прислушивавшиеся и присматривавшиеся ко всему тому, что делалось в Добрудже.

III. О рискованности положения русского корпуса при большом превосходстве на том же театре войны войск румынских.

Во всех боях тактика болгар сводилась к одному — определить участок, где стоят русские и румынские войска, и давить исключительно на румын, держа русские войска только под сильным огнем. Результат такого способа действий был неизменно один: в первых боях румынские дивизии после первого орудийного выстрела отскакивали сразу на большой переход; в последних боях они отходили только из-под огня, где останавливались, пока на них не перебросили вновь огонь. Должен оговориться, что к последнему времени и среди румынских войск вырабатывались, благодаря соседству с русскими, достойные и войска (2 и 19 дивизии) и генералы (Рашко, Сочек и Скорошерачо — все трое, которых несколько раз хотели отчислить и оставляли только по моей просьбе). При такой особенностях нашего союзника русским войскам или приходилось переходить в контр-атаку, чтобы ударом во фланг болгарам спасать положение союзников (бои 24—25 августа, 4—7, 11—12 и 18—24 сентября), рискуя самим быть окруженными, или пассивно оттягиваться назад, если для перехода в контр-атаку совершенно не было русских сил (бои 6—13 октября). При таких качествах румын всякая операция, в которой по численности их войска играют главную роль, полна сюрпризов и могла повести русские войска к

катастрофе. Поэтому я во всех своих донесениях упоминал о необходимости главные операции вести почти исключительно русскими войсками (№№ 338, 343, 387, 406, 1124 и многие другие).

IV. О необходимости устройства тыла.

Вопрос об устройстве тыла для меня является наиболее жгучим, так как почти все замечания мне со стороны генерала Алексеева за последние дни операций именно и касались беспорядка в тылу и отсутствия связи.

Легко понять все рискованное положение русских войск в Добрудже ввиду полного необорудования их естественного тыла. Действительно, корпус подняли с линии Измаил—Рени и перекинули на 180 верст южнее на линию Констанца—Черноводы, оставив эту 180-верстную полосу во образе совершенной пустыни в отношении оборудования тыла. Все необходимое корпус получал со своих крайних флангов — Констанцы и Черновод. Ясно было, что как только эти фланги отойдут к противнику, то войска, в Добрудже находящиеся, сразу повиснут на воздухе. Заботы о тыле приковали мое внимание с первого дня операций и, стесненным отсутствием какой-либо территориальной власти, я все-таки успел заложить три магазина на пути Констанца—Бабадаг и заставить построить мосты у Гирсово и Браилова, что вместе взятое очень облегчило положение моих войск к северу от линии Констанца — Черноводы.

«Скученность массы войск, — доносил я от 15 сентября, № 341, — в некоторых селениях, так как в здешней пустыне селений очень мало, холодные ночи, неряшливость и отсутствие у румын полицейского надзора в войсках, все это заражает воздух на громадном пространстве, и надо остерегаться эпидемий. Борюсь за чистоту всеми силами, но в румынских районах добиваюсь этого с трудом... Мне нужен начальник санитарной части и обязательно лица для поручений (не прибыли до моего отъезда из Добруджи). Ведь пока на громаднейшем районе и в большой армии все это лежит на одном мне... Раз уже мы ввязались в Добруджу, то до окончательного покорения Болгарии русским войскам придется здесь играть главную роль, и поэтому казалось бы необходимым сразу иметь для этого достаточный личный состав» (начальник снабжений прибыл 29 сентября и военных сообщений 10 октября). Мои телеграммы об организации тыла уже считаются не десятками, а сотнями. И я должен сказать, что по мере сил мне русские власти помогали в устройстве тыла, как могли, но потребность в оборудовании во всех отношениях обширной союзной территории была так велика, а операции шли таким ускоренным темпом, что ни времени, ни сил, ни средств для оборудования тыла не было. Описание того безобразия, которое в отношении обслуживания тыла мы встретили в Румынии, заняло бы многие десятки страниц, но достаточно привести три примера.

Для того, чтобы во время боя лишить частных лиц права включаться в телефоны, соединяющие штабы с позициями, моему начальнику штаба пришлось угрожать револьвером инспектору телеграфов; для того, чтобы хоть как-нибудь двинуть войска по железной дороге, я должен был сместить инспектора железных дорог и поставить вместо него моего корпусного инженера, и, наконец, данное мне высокими румынскими чинами честное слово, что к Гирсову проведены телеграфы для меня и шоссирован спуск к мосту, оказалось ложным — телеграфов не оказалось, а вместо шоссе на версту была такая дорога, по которой не могла пройти ни одна повозка.

V. Оперативные доклады.

Я злоупотреблял вниманием генерала Алексева, делая, кроме официальных донесений, самые подробные частные доклады о каждом дне боя. Делал я это потому, чтобы фактами подтвердить правдивость моих резких суждений о состоянии румынской армии. Изредка в своих докладах касался я и общих оперативных вопросов в той мере, в какой это было допустимо тогда, когда моего мнения не спрашивали.

«Мое мнение навряд ли будет иметь значение, — доносил я 16 сентября, № 343, — но я все-таки докладываю: операция в Добрудже имеет весьма важное влияние на весь ход войны. Ее надо закончить до начала зимы, потому что зима будет сопряжена с большими эпидемиями — здесь нет ни селений, ни леса для землянок, между холмами болота и зловредная нечистота. Решительный успех мы вообще можем иметь только тогда, когда русских войск будет больше, чем румынских, а не наоборот, как теперь. Наступающая на севере осень не дает ли возможности сосредоточить в Добрудже достаточное количество войск и закончить здесь кампанию к декабрю?»

26 сентября (№ 382) я доносил: «Я вперед извиняюсь за то, что высказываю свое мнение, не будучи спрошен. Если против Румынии в Трансильвании развернутся действительно большие силы, то, вероятно, вам придется притти к ним на помощь. В таком случае наши/новые войска лучше всего сосредоточить в районе Галац—Фокшаны—Бузео—Браилов, куда их можно подвозить по трем направлениям — Яссы, Рени и, может быть, через Одессу на Сулин. Эту группу никоим образом не давать под команду румынам, а объединить в одних руках с русскими войсками в Добрудже. Тогда, в зависимости от обстановки, большая часть русских войск, этой единственной опоры румын, будет действовать в одном кулаке в наиболее важном и опасном направлении, а именно: если неприятель будет давить от Кронштадта на Бухарест, то, усилив Фокшанскую группу русскими войсками из Меджидие, где на сильно укрепленной позиции временно оставят румын, бить русскими войсками противника во фланг. Если немцы пойдут на Фокшаны, то также большая часть русских войск примет на себя расстроенных румын и прикроет границу России. Наконец, если наступления из Трансильвании не будет, то Фокшанская группа даст возможность быстро развить наступательные операции в Добрудже. Дунай и железная дорога делают возможной быструю переброску русских войск двух групп в одно место и нанесение сильного удара там, где это будет нужно. Но повторяю, что во главе действий двух групп должен быть один генерал, и непременно русский, иначе будет разрозненность и слабость в действиях».

28 сентября мною было получено приказание генерала Алексева (телеграмма № 5262) выяснить, сколько я могу выделить войск с своего фронта для помощи в Трансильвании. Я на это ответил № 386: «С большим риском мог бы направить в район Бузео русские пехотную и кавалерийскую дивизии, если бы у меня остались те войска, которые были ко времени получения вашей телеграммы. Но вслед за нею румыны приказали снять с фронта 12 баталионов и приготовить к отправлению еще 22 баталиона. При таких условиях на 70-верстную позицию у меня останется всего только 51.000 штыков против 84-х—97-ми баталионов болгар, не считая тех трех новых дивизий, которые, по показанию всех пленных, должны прибыть. Надо помнить, что здесь местность на всем фронте не имеет ни одного дерева и ни одного местного предмета, которые облегчили бы оборону. А

потому оставляемое мне количество войск совершенно недостаточно для обеспечения линии Черноводы—Констанца. Я буду ее держать до последней крайности, но надо сознаться, что при указанном соотношении сил эта крайность может продолжиться недолго. Надо заставить румын больше у меня войск не брать; у них там войск много, а у меня и воли мало, и нагромождение дивизий не поможет. Они должны же понять, что Добруджа более важна для них, а не для нас, а между тем они делают нам как бы одолжение, что держат свои войска в Добрудже. Из всех документов, захваченных у пленных, видно, какое болгары громадное в политическом отношении значение придают Добрудже, и здесь они атаковать будут, или выжидая прибытие ожидаемых ими дивизий, или когда немцы прорвут Карпаты. Разумеется, по мере усиления укреплений и обучения румынских войск, я в состоянии буду увести временно с моего фронта и две русские дивизии, но если у меня возьмут те 34 батальона, которые приказано приготовить, то вопрос Констанцы станет на очередь. К тому же ежедневные вытаскивания с фронта дивизий то одной, то вместо нее другой, совершенно не дают возможности укреплять позиции, а в ближнем тылу для этого нет и жителей. Таким образом, если румыны у меня ничего не возьмут, то я могу направить в район Бузею одну 61-ю пехотную дивизию, которая там и укомплектуется, 8-ю кавалерийскую, а впоследствии, может быть, и 3-ю стрелковую в Гирсово, куда передо и сам. Если они возьмут у меня 5-ю дивизию, у которой, кстати, появилась холера, то я ничего не могу дать, а если возьмут вместо 5-й 12-ю и 9-ю, то-есть 34 батальона, то подымется острый вопрос, удержим ли мы Констанцу и стоит ли нам ее удерживать и не лучше ли обратиться к защите только собственных интересов, совершенно плюнув на румын».

2 октября у меня с фронта, кроме двух румынских дивизий, взяли одну русскую пехотную и одну кавалерийскую дивизии, и я остался на позиции вытянутым в тонкую линию и без резервов (моя телеграмма генералу Алексееву № 403).

VI. О зловерности для России поведения нашего военного представителя в Румынии.

Если я касаюсь здесь полковника Татарина, главного, по моему мнению, виновника превратного нашего знакомства с румынской армией, то только потому, что я этого вопроса касался и в переписке с генералом Алексеевым. Не затрагивая деятельности полковника Татарина по существу, я приведу только выдержки моих донесений генералу Алексееву. Так, в телеграмме № 332 от 8 сентября я, между прочим, писал: «С своей стороны должен сказать, что, когда румыны хотели два раза втянуть мой корпус в непростительную авантюру, то Татарин уговаривал меня более, чем сами румыны, которым я сумел доказать всю глупость, чтобы не сказать, подлость их предложения, а Татарин с непонятным упорством продолжал мне твердить, что такова воля высшего командования, которого вы мне приказали точно слушаться... Кто бы ни был на моем месте в будущем, я считаю, что Татарин слишком орумынился для того, чтобы быть представителем русской армии в Бухаресте, и за все время я не имел возможности поговорить с ним с глазу на глаз, так как он приезжает, сопутствуя только румынским ко мне визитерам. Я его предупредил о том, что буду писать вам как об его старании провести невозможную с моей точки зрения меру передачи командования в Добрудже румынскому генералу,

так и о том, что он является скорее представителем румынской, а не русской армии».

В телеграмме от 20 сентября (№ 360) я, между прочим, доносил: «Насчет Татарнинова должен еще раз доложить мое мнение, что он представляет зловерный тип военного агента, вдавнившегося в высшую политику, вместо своего прямого дела, а для этого он не имеет ни ума, ни достаточных военных и исторических познаний, почему и является игрушкой в руках Ильеско. Он по своей недалекости не может даже для вида играть роль представителя русских, а не румынских интересов».

Такова в самых кратких чертах моя деятельность, имевшая целью уяснить всю необходимость сознания риска вмешательства русских войск в борьбу на Балканском полуострове без надлежащей прочности сил и организации этого вмешательства. Но, к сожалению, мои настойчивые доклады не заслуживали доверия, а скорее рассматривались как признак моего дурного характера ¹⁾. Мне грозили чуть ли не судом за оставление Констанцы (телеграмма генерала Алексеева № 4810) и бесменно оставляли меня с двумя русскими дивизиями выполнять задачу, на которую нужна была армия. Я играл роль русского призрака там, где должен был быть показанным русский кулак во всем величии своего возмездия. И если после двух месяцев борьбы с призраком немцы распознали этот призрак, то так и должно было случиться, и призрак здесь не виноват.

Перехожу к краткому изложению фактической стороны операций в Добрудже.

18 августа я прибыл в Меджидие, куда собирались и войска 47 корпуса.

Обстановка этого времени была такова: на всем фронте Добруджи от Черного моря по границе до Туртукая была расположена только что сформированная 19-я пехотная румынская дивизия в составе 18-ти батальонов и бригады Каларашей. Дивизия эта была сформирована из надерганых из других частей батальонов, ей была придана артиллерия времен 1877 года, и она большей своей частью была сосредоточена в окрестностях Базарджика (Добричи). Генерал Аслан поставил ей задачей, отбивая удары менее значительных сил болгар, отходить перед их превосходными силами на соединение с русским корпусом. Начальник дивизии окончательно замучил свою несчастную дивизию разными маршами и контр-маршами и до подхода русского корпуса уступил болгарам Базарджик и отвел свою дивизию на север, потеряв за всю операцию двух человек ранеными. К этому времени генерал Аслан подчинил мне 19-ю румынскую дивизию, и это был первый шаг к ослаблению русского корпуса.

Я принял решение использовать существующее еще у Базарджика превосходство моих сил над болгарам и, сосредоточив все мои силы, т. е. 61-ю русскую, сербскую, 19-ю румынскую и 3-ю кавалерийскую дивизии, обратиться на болгар у Базарджика и раздавить их, чтобы, заняв Базарджик, иметь опору на своем левом фланге для дальнейших операций в северо-западном направлении. Но, прежде чем мне удалось подвести свои войска к Базарджику, мне надо было выдержать сильную борьбу против румынской главной квартиры и полковника Татарнинова, чтобы избежать факти-

¹⁾ По крайней мере, все ответные мне телеграммы твердили о том, что я должен щадить самолюбие союзников и бережно относиться к их неопытности.

чески невыполнимой посылки моих разрозненных частей форсированным маршем к Туртукаю.

Так или иначе русские войска и 19-я румынская дивизия подошли 24 августа к Базарджику, оттеснив противника на его главную позицию. Я лично приутствовал при наступлении румынской дивизии и был поражен, увидавши на современном поле сражения боевые порядки и характер управления боем применительно к тому, что я видел на Красносельском военном поле в 80-х годах прошлого столетия. Румыны проспали и нашу японскую и современную всемирную войны, а во главе 19-й дивизии стоял наиболее ученый из румынских генералов генерал Аргиреско.

К вечеру бой прекратился, и я, пообещав румынам с рассвета завтра провести весь бой в их рядах, отъехал в тыл. Здесь я застал два приказа: первый — генерала Аслана, что Туртукай взят болгарами, что Силистрия очищена генералом Асланом самостоятельно и что моим войскам надлежит быстро отступить на укрепленную позицию в 20-ти верстах к югу от Меджидийской долины. Это было единственно осмысленное решение главной румынской квартиры за двухмесячное мое пребывание в Добрудже. Вслед за этим я получил другое распоряжение, чтобы приказ генерала Аслана не приводить в исполнение. Отдав приказание на 25 августа продолжать атаку Базарджика, я уехал в Меджидие.

Сюда во втором часу ночи прибыл полковник Татаринов в сопровождении неизвестного мне офицера румынского генерального штаба и военных агентов французского и английского. Они мне привезли собственноручный приказ короля немедленно направить форсированными маршами русско-сербские войска к Туртукаю для атаки с тыла болгар, занимавших Туртукай.

Достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в том, что подобное движение являлось неминуемой, бесславной и бесполезной гибелью незначительного русско-сербского отряда по прихоти генерала Ильеско. Я четыре часа с упорством отстаивал свой отряд от неминуемой гибели. Я ясно видел, что все иностранные офицеры не могли не признать, что это есть беспредельная гибель русского корпуса, и лишь только полковник Татаринов твердил с упрямством, достойным лучшей участи, что я должен, согласно конвенции, беспрекословно исполнять волю румынской главной квартиры. Мне на ум пришла светлая мысль заставить Татаринова письменно подтвердить свои слова, на что он имел достаточно ума не согласиться. Приказание короля я не исполнил, и 25 августа должен был у Базарджика разыгаться бой между моими соединенными силами и болгарами. Однако в течение ночи 19-я румынская дивизия самовольно отскочила назад на 30 верст, обнажив левый фланг и тыл русских войск, и все мои усилия притянуть эту дивизию к полю сражения не увенчались успехом.

Первый бой между русскими и болгарами был вполне победоносен для русских, несмотря на неожиданный уход румын. Болгары были отброшены по всему фронту, но дальнейшее их преследование, ввиду совершенно изменившихся обстоятельств на всем Добруджанском театре, не могло иметь места. Я занял центральную позицию между Базарджиком и Силистрией уступом на север.

25 августа мне были подчинены все войска, в Добрудже расположенные, — это было второе ослабление русского корпуса.

А 26 августа его величество король соизволил меня назначить командующим Добруджанской румынской армией, подчинив мне и мой русский корпус. Это окончательно погубило меня и русскую дивизию, которым без-

винно приходилось нести на своих плечах все то нехорошее, что нам дали румынский союз и румынская армия.

По своей деликатности его величество не назначил мне главных лиц управления армии из румынских офицеров, предоставив право это сделать русской главной квартире. Однако до конца сентября я, имея иногда армию, доходящую до 120 батальонов и 400 орудий слишком, командовал при посредстве только что сформированного штаба корпуса, имея непосредственное сношение с 9 начальниками дивизий, 2 командующими эскадрами, 2 комендантами тетдепонов и всем нижним Дунаем с адмиралом Веселкиным во главе. Деликатность короля румынского обошлась мне дорого, так как я не имел надлежащего штаба до времени моего отозвания из Добруджи.

Вступив в командование румынской армией, я застал ее сосредоточенной после оставления Силистрии на фронте Мангалия—Караомер—Дунай, имея на обоих флангах румынские дивизии и в центре русско-сербские. В основу всех моих дальнейших как наступательных, так и оборонительных операций я положил иметь сильный центр из русского корпуса несколько выдвинутым вперед и более слабые фланги из румынских войск. При наступлении я сильным центром тянул за собой морально слабые фланги, а в случае атаки со стороны болгар на слабые фланги я должен был поражать противника сильной контр-атакой во фланг. От румын требовалось только удержаться на занимаемых ими позициях. Эту идею я сохранил течение всей операции в Добрудже, за исключением октябрьских боев, когда я был так численно слаб, что вопроса о контр-атаках и быть не могло.

31 августа обнаружился сильный натиск болгар на правый, придунайский фланг моей армии, на 9-ю румынскую дивизию. На 1 сентября я решил ударить во фланг болгарам, атакующим румын. Русская и сербская дивизии были нацелены, и мне надо было только, чтобы румыны удержались на своем месте или, по крайней мере, отходили медленно. В 6 часов утра болгары открыли артиллерийский огонь, а в 7 часов 9-я румынская дивизия уже бежала, обнажив фланг сербов. Мне начальник дивизии о бегстве донес только в 10 часов утра, когда беглецы отошли уже на 15 километров. Сильное тяготение назад обнаружилось и на моем левом фланге в 19-й румынской дивизии. Несмотря однако на это я со всей энергией продолжал свой контр-удар в центре, чем приостановил преследование румын и спас Черноводский тетдепон, но зато русско-сербские войска, героически, победоносно дравшиеся с раннего утра до позднего вечера, привлекли на себя все силы болгар и, будучи вечером почти совершенно окружены, спокойно вышли из тяжелого положения, нанеся болгарам громаднейшие потери. В этом бою особенно отличилась сербская дивизия.

Войска отошли на Копадинскую позицию, т. е. на ту, которую уже ранее указывал генерал Аслан. После этого боя румыны усилили меня 28-ю батальонами и артиллерией.

4 сентября с утра болгары, получивши свежие подкрепления, перешли в решительную атаку против моей позиции, но на этот раз они ошиблись, и главный удар направили на участок позиций, занятый не румынами, а сербами. Я, заменив на второстепенном участке часть русской дивизии румынами, перешел с русскими войсками в контр-атаку. Самый ожесточенный бой продолжался 3 дня (пленных мы не брали), и к утру 7 сентября болгары отошли перед моим фронтом верст на 10—15.

После боя ко мне подошла 115-я пехотная дивизия (впервые после ее сформирования из ополченцев вступившая в бой). Это единственный резерв, который я получил из России для действия в Добрудже.

После боев 1—7 сентября его величество король изволил объединить действия 3-й и Добруджанской армии в руках командующего 3-й армией генерала Авереско. Генерал Авереско поставил себе ближайшей целью переправиться через Дунай между Рушуком и Туртукаем и двинуться в тыл болгарской армии, действующей против меня. Мы вместе должны были устроить этой армии Седан.

К операции этой приготавливались с таким шумом и громом в течение двух недель, что место переправы было известно не только болгарам, но и всему свету. Преступно односторонний план привел и к преступным результатам, за которые расплатились своей кровью русские войска.

По плану Авереско, я должен был сильно атаковать болгар, чтобы привлечь на себя их силы и облегчить переправу Авереско. Когда же этот последний после совершения переправы сделает 80 километров в тыл моим болгарам, то я должен был еще сильнее атаковать, и мы уничтожили бы всех болгар, окружив их.

18, 19 и 20 сентября Добруджанская армия с полной энергией атаковала болгар и радовалась той помощи, которую она оказывает переправе Авереско, так как против нас кроме новых частей болгар появилась и новая дивизия турок. Но до 20-го вечера относительно переправы Авереско мне не было ничего известно, а вечером 20-го я получил от него известие, что ввиду дурной погоды он переправу отложил ¹⁾. Однако Авереско, по его словам, так напугал болгар, что указывал мне использовать болгарский страх и еще более усилить энергию моих атак. Так как к этому времени на моем фронте обнаружился некоторый успех, то 21, 22 и 23 сентября я напрягал все усилия до последнего батальона резерва, чтобы развить этот успех. Мы захватили 13 орудий и отнесли болгар на 10—15 километров, но решительного поражения болгарам нанести не имели сил.

В этом бою сербская дивизия круто изменилась к худшему — начало нравственного разложения, как естественное последствие нежизненной организации ²⁾.

В конце сентября ко мне на несколько дней прибыла 3-я стрелковая дивизия. История прибытия этой дивизии не лишена интереса. Генерал Жоффер, сознавая из далекой Франции всю трудность моего положения и важное значение Добруджи, отказался в мою пользу от 4-х бригад русской пехоты, которые были предначинаны к нему во Францию. Вместо четырех бригад на Добруджанский театр войны были направлены две бригады

¹⁾ В действительности переправа состоялась, но болгары пустили из монигора мину (о чем не подумали) и разрушили мост, а румыны, вместо того чтобы поправить мост, быстро ушли назад.

²⁾ Интересен рапорт начальника сербской дивизии генералу Павлову от 11 октября № 917: «Честь имею снова доносить вашему превосходительству, что вследствие сильных потерь, понесенных вверенной мне дивизией в течение времени с 24 августа по сегодня, а точно так же и вследствие переутомления физического и морального из-за постоянного отступления последних дней добровольцы вверенной мне дивизии потеряли устойчивость в борьбе. Тому много содействует их добровольческий характер, каждый из них боится попасть в плен или остаться раненым, ибо знает, что их повесят. До сих пор было уже много случаев самоубийства раненых и здоровых добровольцев из-за этого страха; один из таких случаев я лично с начальником штаба видел в бою 9 сего месяца у деревни Мурфатлара. Командир 1-го полка сегодня мне донес, что 5 его офицеров-добровольцев прошлой ночью удалились из полка из стрелковой цепи, по всей вероятности, потерявши надежду на победу и боясь попасть в плен. Эта дивизия дала до сих пор все, что могла дать. Теперь же неспособна к дальнейшим операциям, как в смысле ее численности, точно так и в моральном отношении. Ее нужно немедленно отвести на отдых. Начальник 1-й сербской дивизии полковник Х а д ж и ч о.

стрелков, которые вошли в полном составе уже в новую Дунайскую армию ¹⁾. Вместе с этим пришла ко мне и 8-я кавалерийская дивизия.

Конец сентября был отмечен демонстративным натиском немцев на Трансильванском фронте румын. Это вызвало, с одной стороны, немедленный отход их за перевал, а с другой — щедрую помощь румынам со стороны нашей главной квартиры на их Трансильванский театр. На Добруджанской армии демонстрация противника отразилась тем, что с ее фронта сняли в последних числах сентября и в первых числах октября 20 лучших батальонов румын, 12 лучших батальонов русских войск (3-я стрелковая дивизия) и 24 эскадрона русской кавалерии, т. е. около 35 тысяч человек. Мне именно указывали, какую дивизию отдать, причем выбирались именно дивизии полного состава, не потрепанные предыдущими боями. При этом совершенно не считались с интересами Добруджанской армии, которая вместо того, чтобы укрепляться и знакомиться с позицией, целую неделю делала всевозможные перегруппировки с целью выделить именно ту дивизию, которую пожелали от меня взять (моя телеграмма № 386). До чего были уверены в том, что на Добруджанском театре ничего серьезного не разыграется, можно видеть из следующего обмена телеграмм. В конце сентября генерал Алексеев просил меня обдумать, сколько я могу выделить русских войск для поддержки Трансильванского театра (№ 5262). Я ответил, что с риском потерять Констанцу и Черноводы могу выделить 61-ю дивизию (8000 штыков) и дивизию кавалерии, но, если румыны у меня возьмут 12-ю дивизию, то я ничего выделить не могу (№ 386). При этом я предупредил, что, по всем данным, я должен ожидать со стороны противника решительного удара на Добруджу (№ 386). Генерал Алексеев вновь не поверил моему докладу. В своей телеграмме № 5281 он мне сообщал, что «никогда не привык учитывать того, чего в действительности нет и о чем только говорят, что должно когда-то прибыть»... Он вновь просил меня «сбавить самолюбие потерявших равновесие союзников...» и ожидал от меня «сообщений искренних, обрисовывающих действительную обстановку», так как мое предложение выделить в резерв ослабленную 61-ю дивизию не внушало генералу Алексееву «уверенности в том, что общий интерес стоит (у меня) выше местного».

У меня вместо 8 тысяч потрепанных штыков 61-й дивизии взяли 12 тысяч свежих штыков 3-й стрелковой дивизии и лучшую свежую 12-ю румынскую дивизию.

Такова была обстановка перед началом последнего сражения в Добрудже, которое застало меня, по причинам вышеизложенным, в периоде перегруппировки не по количеству батальонов, а в перегруппировке частей, так как я хотел постепенно к левому флангу сдвинуть 61-ю дивизию.

Вся занимаемая мною 80-верстная позиция по своему значению разделялась на три части — оба коротких фланга, прикрывающие Констанцу и Черноводы, значение которых было весьма важно, и длинного центра, их соединяющего. Фланги были мною очень прочно укреплены; хорошо укрепить центр я еще не успел. При распределении войск я отказался от своей идеи иметь сильный центр под всегдашним давлением сверху и со стороны моряков — беречь Констанцу и необходимость беречь Черноводы.

Всего к началу боя у меня было пехоты 93 батальона, численностью менее 50-ти тысяч человек. Действительно, румынские войска были совер-

¹⁾ Стрелковая дивизия, приди ко мне, была через несколько дней взята в Трансильванию, из которой обратно ко мне перевозилась уже после моего отступления.

шенно не пополнены; в 12-ти баталионах сербской дивизии состояло 5¹/₂ тысяч штыков, а в 28 русских баталионах только 16-17 тысяч штыков ополченской дивизии и только что накануне влитых пополнений.

2 октября у меня взяли стрелковую дивизию, и я донес, что после этого я на длинной позиции поневоле стою в тонкой линии.

Свои 93 баталиона я расположил следующим образом; для обороны моего левого фланга, Констанцы, чему должен был содействовать и флот, я назначил 44 баталиона, т. е. около половины своих сил; для обороны длинного центра 20 баталионов и для обороны правого фланга, Черноводского тетдепона, при содействии Дунайской флотилии, 17 баталионов. В резерве, ближе к левому же флангу, я имел 12 баталионов и 24 эскадрона.

Такое распределение сил делает, казалось бы, несправедливым поставленный мне упрек в слабой численности обороне левого фланга Констанцы (телеграмма генерала Алексеева за № 5491).

Бой начался 6 октября с раннего утра. Наступление обнаружилось на оба мои фланга, занятые румынскими войсками. Чувствовалось, что болгары нащупывают, где румыны скорее сдадут, чтобы туда и направить главный удар. В центре бой ограничивался сильным артиллерийским огнем. 6 и 7 октября болгары, выжидая, видимо, обычного перехода моего из центра в контр-атаку, не вводили в дело всех сил, но, видя, что такой контр-атаки не последовало, за полным неимением у меня свободных резервов, они с 8 октября ввели все свои силы против моего левого фланга.

6, 7 и 8 октября войска удерживали свои позиции к югу от линии Констанца—Черноводы, при этом еще 8 октября в нашей главной квартире все еще господствовала мысль, что в Добрудже неприятель только демонстрирует, подготавливая главный удар в Трансильвании. Однако решительный доклад моего начальника штаба по аппарату заставил изменить мнение, и ко мне вернули с Карпат три дивизии пехоты. Полторы дивизии должны были подойти к утру 10 октября. Я решил сосредоточить их между Меджидией и Констанцой и отбросить болгар в море.

Для этого мне необходимо было: 1) чтобы действительно ожидаемые резервы прибыли, 2) удержать к этому времени линию Меджидие—Черноводы и 3) чтобы мой левый фланг, хотя бы для вида, противостоял болгарам. Но резервы подходили со скоростью два-три баталиона в сутки, а румыны и сербы, которых я еще усилил 24-мя эскадронами русской кавалерии, на 4-й день боя окончательно сдали и с 9 октября выбыли с поля сражения, не желая драться — их прикрывала наша кавалерия.

Из всех необходимых для контр-атаки условий исполнилось только одно — я удержал линию Меджидие—Черноводы.

10 октября выяснилось не только очищение румынами Констанцы, но и такой отход их назад, который грозил мне быть отрезанным от моста Исакчи. Здравый смысл требовал прекратить бой и ночью отойти назад, чтобы потерять соприкосновение с противником. Однако я, надеясь на спасение Черновод и подход затерявшихся на румынских железных дорогах подкреплений, решил удерживать Черноводы еще сутки. Благодаря доблестным действиям генерала Рашко, мне это и удалось. С большим риском совершенно погубить 2-ю румынскую дивизию, мне удалось снять в Черноводах всю артиллерию и вывезти все запасы, но не удалось дожидаться обещанных подкреплений, которые подходили уже после сдачи мной армии генералу Сахарову.

В ночь с 11 на 12 и с 12 на 13 октября я приказал своим войскам отойти от болгар на два перехода, что они и исполнили, выйдя из соприкосновения

с неприятелем. На занятой линии войска оставались до сдачи мной армии генералу Сахарову.

Так окончилась Добруджанская операция под моим начальством. Со стороны наших врагов во главе ее поставили фельдмаршала Макензена и наследника болгарского престола; сосредоточили, по меньшей мере, 130 баталионов¹⁾, не жалея посылать сюда и немецкие войска и массу технических средств и тяжелой артиллерии. С нашей же стороны здесь командовал простой русский корпусный командир, которому дали разнохарактерные войска без органов управления и связи, без надлежаще оборудованного штаба и тыла и у которого, по мере того, как противник увеличивал свои войска, постепенно сняли с фронта три пехотных и одну кавалерийскую дивизию.

И несмотря на такое различие в силах и организации горсть русских войск два месяца боролась в Добрудже, заставив обратить врага все свое внимание на этот театр войны, и отошла от вверенной ей линии со своей всей артиллерией при такой обстановке, при которой всякая другая армия положила бы оружие.

И я протестую всем моим сердцем против вступительной фразы генерала Сахарова, нового командующего Дунайской армией, к русским войскам, которые, не щадя своего пота и крови, делали в Добрудже трудное государственное дело. Больно и незаслуженно было слышать обвинение их в спорте отступательного бегства.

Отступление с линии Констанца—Черноводы было сопряжено с неожиданным для меня стихийным событием, которое могло пагубно повлиять на отход войск.

Я говорю про сплошное бегство всего румынского населения, которому предшествовало бегство всех румынских властей. Бедствие это здесь, в Добрудже осложнилось тем, что все население скопилось в мешок, образуемый Нижним Дунаем, с двумя на нем переправами, и что отсутствие в Добрудже воды заставляло всех беженцев на почлег скопиться у редких селений, лежащих на пути движения войск.

9 октября я еще обратил на это внимание, и 10 марта моим предписанием № 417 я возложил на генерала Тальгрена руководство упорядочением движения всех беженцев и обозов, подчинив ему все гражданские власти, которые пришлось собирать с другого берега Дуная. Благодаря принятым мною решительным мерам скоро удалось урегулировать как движение беженцев, так и прекратить беспорядки среди обозов и жителей, которые, к счастью, успели выразиться единичными незначительными случаями.

Вслед за этим явилась новая привходящая и неприятная данная: в Браилово начали стекаться не только обозы отходящих частей, но также и все войска и обозы, направленные в Браилово со всех железных дорог Румынии и водою из Рени. При отсутствии каких-либо военных властей в Браилове (этот пункт не входит в район Добруджанской армии) этот сбор разных интернациональных частей со всех сторон должен был вызвать известный беспорядок, который также был прекращен в самом зародыше энергичными мерами при содействии генерала Тальгрена и данных в его распоряжение состоящего при мне префекта Комарешеску со штатом офицеров и чиновников.

События последних дней вызвали со стороны генерала Алексева ряд по моему адресу замечаний (телеграммы №№ 5605, 5603, 5626, 5551 и 5491),

¹⁾ Это обнаружено пленными.

в которых он меня обвиняет: 1) в отсутствии управления и руководства войсками, 2) в отсутствии связи с подчиненными мне генералами, основывая, видимо, это последнее на моем же донесении, что я около двух суток не имел донесений от генерала Павлова, и 3) в беспорядках в тылу и единичного случая грабежа Гирсова, оставленного между нашими и болгарскими войсками.

Я полагаю, что сами факты говорят против обвинения генерала Алексева, так как:

1-е. Если сопоставить все мои доклады генералу Алексеву в течение операций о том, что я предполагаю каждый день делать, и то, что войсками действительно было сделано, то выйдет, что это одно и то же. Следовательно, если не я, то кто-то тайный войсками управлял. Я писал генералу Алексеву 11 октября за № 419, что хочу со своими войсками отойти на два перехода и остановиться, что фактически войсками и сделано. Какой же, следовательно, может быть разговор об отсутствии управления?

2-е. Что касается до связи, то, как известно, связь является делом не командира корпуса, а начальника штаба. И я свидетельствую, что в тех невероятно трудных условиях, в которых приходилось устраивать связь, такая была устроена блестяще. Все начальники своевременно получали мои приказания, и без приказаний никто не действовал. Даже в течение двухдневного отхода назад всей армии и перемены мест штабов связи с таковыми не имелось в течение самого краткого промежутка времени. Исключение составлял генерал Павлов, который все время получал мои приказания, но не мог мне ответить иначе, как с опозданием. Причина заключалась в том, что в этот период операций единственным средством быстрой связи с генералом Павловым был радиотелеграф, причем генерал Павлов был снабжен такой слабой станцией, что он мог принимать мои телеграммы, но не мог мне отвечать, и, наконец,

3-е. Беспорядки в тылу. Беглый просмотр всего мною написанного давал право ожидать, что вся обстановка в тылу должна была разразиться катастрофой, а между тем беспорядки были прекращены в самом корне, и с 12 октября движение обозов и беженцев вошло в русло правильно урегулированного события.

Надо полагать, что это было следствием моих диктаторских распоряжений еще до телеграммы генерала Алексева от 16 октября № 5603. Особенно милостивое внимание ко мне короля после отозвания моего в Россию я и рассматриваю, как оценку его величеством самоотверженной работы моей и моего штаба в то время, когда вся военная и гражданская администрация в Добрудже растерялась.

На обвинения генерала Алексева я имел право ответить только просьбой произвести расследование «моего поведения, действий и результатов их во время операции 6—16 октября», что я и сделал моими телеграммами №№ 436 и 439.

Первый период Балканской войны для России окончился неудачно. Вся вина и перед государем и перед общественным мнением легла и ляжет на меня. Но нет ли кроме меня еще каких-либо причин нашей временной неудачи? Эта причина заключается, по моему мнению, в одностороннем взгляде на совершающиеся события на Балканах, основанном на пристрастном и превратном освещении положения на Балканах нашими местными агентами. И если я могу заслужить упрек от всех тех, кто прочитает мою переписку с генералом Алексеевым, в резкости тона и выражений, то эту резкость я применял нарочно, чтобы тем или другим способом заставить

более серьезно отнестись к моим докладам. Я не льстил себя надеждой, что мне поверят, но был уверен, что резкий тон моих телеграмм заставит прислать в Добруджу лицо нейтральное, которое воочию убедилось бы в том, что положение в Добрудже требует особого к себе внимания. К сожалению, достигнуть мне этого не удалось. Буду надеяться, что тяжелое испытание нынешнего отхода убедит в важном значении Балканского театра больше, чем все то, что мною было написано, а всеми нами, налегке кинутыми в Добруджу, испытано и претерпено.

Генерал-от инфантерии З а й о н ч к о в с к и й.

20 октября 1916 года.

К истории Потсдамского соглашения 1911 г.

Потсдамское соглашение представляет большой интерес прежде всего как попытка, — последняя перед войной крупная попытка царской России, окончательно включившейся в систему Антанты, — договориться по крупным вопросам с германским империализмом. Вместе с тем оно показывает, какое объективное значение имеют империалистские «соглашения» в процессе обострения борьбы за передел мира. Перед нами типический пример того, кто является обычно страдательным объектом империалистских соглашений, против кого они направлены. Наконец, тут раскрываются обычные методы хищнической и реакционной, по самой классовой природе своей, политики империализма.

В эпоху монополистического капитализма царская Россия перестала быть единственной и главной реакционной силой в Европе. Революция 1905 г. нанесла могучие удары царизму, и последнему, некогда являвшемуся оплотом европейской реакции в борьбе против демократического движения, самому пришлось обращаться за помощью, чтобы продлить свое существование. Помощь эта, как известно, была предоставлена Западной Европой, где, — пишет Ленин, — «вполне сложилась к этому времени международная реакция буржуазных правительств»¹⁾.

Едва оправившись от ударов революции, царизм в союзе с империалистскими государствами Западной Европы снова пытается разрешить свои внутренние противоречия за счет колониальной экспансии, пытается активно выступить на международно-политической арене, пытается создать видимость дипломатических успехов. При активной поддержке русской империалистской буржуазии, царизм заключает соглашение с Англией — соглашение, которое Ленин тогда же оценивал, как оружие империалистской борьбы против поднимающегося национально-освободительного движения азиатских народов, как крупнейший этап в перегруппировке империалистских держав на пути к всеобщей войне за передел мира. «Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус» и расширить свои владения и свои колонии, — писал Ленин в конце октября 1908 г., — затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов, — вот два двигателя всей европейской политики»²⁾. Действительно, англо-русское соглашение 1907 г., направленное в первую очередь против колониальных и полуколониальных народов, сильно обострило всю систему империалистских отношений, отнюдь не сняло противоречий между двумя договорившимися сторонами. В этом очень скоро смог убедиться и русский царизм, который при первом же, после революции, активном своем выступлении на Балканах встретил противодействие не только со стороны своей старой соперницы Австро-Венгрии, за спиной которой стояли с ультиматумом в руках представители германского империализма, но и со стороны своего вновь явленного и опасливого друга — британского империализма, за спиной которого стыдливо спряталась не

¹⁾ Ленин, Сочинения, изд. 2-е, т. XIV, стр. 112. «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию».

²⁾ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 358. «События на Балканах и в Персии».

слишком верная французская союзница, ревниво оберегавшая прежде всего свои собственные интересы. Это достаточно ярко проявилось и непосредственно в самой Персии, где англо-русское соглашение оказалось достаточно мощным политическим оружием для совместной борьбы с революцией в Азии, но не могло преодолеть развернувшегося тут империалистского соперничества. История и результаты Боснийского кризиса были учтены русским царизмом как поучительный урок. Предотвратить неизбежное дипломатическое поражение вооруженным выступлением оказалось невозможным не только потому, что международная обстановка была совершенно неблагоприятна для царской России: развязать войну — значит развязать революцию, — это Столыпин мог авторитетно заявить всеми словами. Если нельзя было воевать, нужно было договариваться, — и это заставляло царизм искать пути сближения с германским империализмом и вскоре привело в Потсдам. Путь этот, конечно, вызвал недовольство и возбуждение в руководящих кругах английского империализма: тем лучше, с точки зрения правящих кругов царской России — пусть англичане пожнут то, что они посеяли во время Боснийского кризиса, и пусть научатся быть более податливыми в отношении своих русских друзей. В связи с непосредственно надвигавшейся угрозой проникновения нового и сильного соперника в Персию — империалистской Германии, — переговоры с этой последней стали для царской России еще более необходимыми и планы русско-германского соглашения приобретали таким образом конкретное содержание.

Опубликованные ранее материалы дали возможность уяснить реальную картину экономических и политических интересов царской России в Персии ¹⁾. В дополнение к этим материалам публикуемый ниже документ выясняет подлинные мотивы, определявшие позицию царской России в ее потсдамских переговорах с Германией по персидским вопросам. По существу перед нами довольно точная инструкция Сазонову, только что назначенному управляющим министерством иностранных дел и призванному ликвидировать неудачи своего предшественника, в целях лучшего и более безопасного проведения столыпинской линии в вопросах внешней политики. Позиция, занятая царской Россией в потсдамских переговорах, давно и хорошо известна. И потому наиболее интересной в переговорах с Германией по персидскому вопросу является представленная тут аргументация и расчеты, определившие эту позицию.

С точки зрения интересов царской России самая готовность поставить в переговорах с Германией персидский вопрос означала отступление, — и притом довольно значительное. Еще незадолго до заключения англо-русского соглашения, — а именно 18 июня 1907 г., — со стороны германского империализма, стремившегося сорвать намечавшуюся новую враждебную комбинацию, сделано было предложение, возрожденное впоследствии в потсдамских переговорах. Германское правительство тогда обязывалось «не добиваться ни для себя, ни в пользу германских или иностранных подданных железнодорожных, шоссейных или телеграфных концессий в северной Персии при следующих условиях: 1) Россия, в видах соединения сети будущих железных дорог в Персии с Багдадской дорогой, озаботится сооружением в первую очередь линии, которая бы примкнула, на турецко-персидской границе, к линии Садиджэ—Ханкеен, как только эта последняя линия будет окончена, 2) на путях сообщения между Турцией и Германией не будет установлено транзитных пошлин или дифференциальных тарифов и 3) германская торговля будет пользоваться в Персии полной свободой» ²⁾.

Тогда, в 1907 г., накануне своего соглашения с Англией, царское правительство отвергло германские притязания, считая их столь далеко идущими и столь для себя невыгодными, что сочло возможным просто не отвечать на сделанные предложения.

¹⁾ См. «Красный архив», т. LIII, «Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны», т. LVI, «Англо-русское соперничество в Персии».

²⁾ Письмо министра финансов тов. министра иностранных дел от 21 апреля 1910 г. за № 291. — Архив революции и внешней политики, Перс. ст., № 4464. — Даты везде указаны по новому стилю.

Спустя три года царское правительство вынуждено было об этих условиях вспомнить и рассматривать их как возможную базу для переговоров. Но так как в связи с продвижением Багдадской железной дороги появилось серьезное основание опасаться, что Германия сделает попытку получить концессию от Ханеке на Тегеран взамен предоставления Персии займа, — то в Петербурге сначала подумали о том, нельзя ли вышибить опасного германского соперника, крепко ударив по Персии: «нам прежде всего следует, — полагал русский министр финансов, — испытать все средства давления на Персию с целью воспрепятствовать благоприятному для Германии исходу дела»¹). Предполагалось при этом в качестве «важнейшего из доступных нам способов воздействия» потребовать от Персии невозможного — прежде всего выкупа старых займов 1900—1902 гг. Правда, это было менее выгодно по сравнению с тем, что несли с собой англо-русские условия о предоставлении Персии нового займа, но все же это казалось лучшим выходом из положения ввиду «столь опасного для нас оборота немецкой политики в Персии». Необходимо было добиваться, по выражению Сазонова, «существенно важного результата, а именно, общего улучшения наших отношений с Германией»²) и потому пришлось идти по другому пути, который и привел, в конце концов в Потсдам. При этом царское правительство, которое в Персии больше проводило интересы капиталистического империализма новейшего типа, хотя военно-феодалские методы эксплуатации там также давали себя знать, — отлично отдавало себе отчет в том, какую угрозу экономическим и политическим интересам русского империализма несли с собой германская экспансия на этом театре колониальной эксплуатации. Но так как германские проекты постройки своими собственными средствами Ханекенской железнодорожной ветки, т. е. соединения Багдадской дороги с Тегераном, означали бы завоевание персидского рынка и, в частности, сферы русского влияния германскими товарами, и, более того, это означало бы создание в Персии наряду с русской и английской зонами влияния третьей зоны — германской, — то из всех зол нужно было выбирать меньшее: в данном случае приходилось ставить вопрос о том, чтобы дело постройки линии Тегеран—Ханекен взять в свои собственные руки.

«При всей своей очевидной невыгодности для нас с точки зрения наших политических интересов в Персии, — писал русский министр финансов, — такая постановка дела представляется однако для нас менее неблагоприятной, чем получение самой Германией концессии на линию Ханекен—Тегеран»³).

С точки зрения военно-стратегической эта дорога не представляла для царской России существенной угрозы, и главная задача заключалась в том, чтобы ликвидировать те неизбежные экономические невыгоды, которые несли в будущем эта дорога, облегчая германскому империализму вытеснение своего русского соперника, который опирался тут на персидское бездорожье и монополию своей военной силы. «Нужно, — в ограждение нашей торговли, — чтобы соединение Тегерана с русскими линиями состоялось раньше постройки ветки на Ханекен—Багдад, потому что иначе неминуем полный захват рынков немецкими товарами», — заявил министр путей сообщения Рухлов⁴). Но и это предприятие исторически повисло в воздухе: русский империализм оказался на это неспособным.

Интересно однако, что дариз накануне потсдамских переговоров пытался еще раз политически застраховать свою позицию, которая Столыпиным формулирована была следующим образом: «1) мы подтверждаем свое преимущественное право приобретать, когда это будет нам удобно, железнодорожные концессии в северной Персии; 2) линию Тегеран—Ханекен беремся выстроить лишь по завершении линии Энзели—Тегеран и

¹) Письмо министра финансов тов. министра иностранных дел от 27 апреля 1910 г. за № 291. — Архив революции и внешней политики. Перс. ст. № 4464.

²) См. печат. ниже журнал заседания Особого совещания по персидским делам.

³) Письмо министра финансов тов. министра иностранных дел от 21 апреля 1910 г.

⁴) См. публикуемый ниже документ.

при условии персидской правительственной гарантии»¹⁾. Если принять во внимание, что царское правительство, понимая обременительный характер этой гарантии, заранее отказывалось брать ее на себя — то понятно будет, что это означало для опустошенной казны Персии, которая и не могла до поры до времени подозревать, как дорого ей придется расплатиться за условия русско-германского соглашения.

Как бы то ни было конечные пункты отступления были уже намечены, но, чтобы до них не докатиться, решено было придать предстоящим потсдамским переговорам «лишь очень общий характер», с тем, чтобы не «связывать себя никакими определенными обещаниями».

Известно, что содержание потсдамских переговоров, протекавших в ноябре 1910 г., существенно отличается от содержания того, что называется Потсдамским соглашением, подписанным фактически в Петербурге 19 августа 1911 г. Советское²⁾ и германское издания³⁾ соответствующих документов показывают, что персидский вопрос рассматривался лишь как один из элементов в общей системе русско-германских отношений и под углом зрения основных империалистских противоречий, ведущих к вооруженному столкновению в целях передела мира. Известно, что германский империализм готов был заявить об отказе от поддержки австрийской наступательной политики на Балканах, но взамен этого требовал, чтобы царская Россия отказалась от «намерения оказывать поддержку враждебной Германии политике в случае, если бы таковой придерживалась Англия»⁴⁾.

Выйти из системы Антанты царская Россия, конечно, не могла, да и плата, предлагавшаяся за это германским империализмом, была ничтожно мала: паризм накапливал силы для империалистских захватов, а ему было предложено сохранение существующего положения вещей и роль пассивного зрителя в подготавливаемой схватке между английским и германским империализмом. Дальнейшие попытки зафиксировать сделанные Германией предложения в качестве основы для переговоров были со стороны царского правительства довольно решительно отклонены. На поверхности остался таким образом только персидский вопрос, — и тут царской России, которой, как указывалось выше, необходимо было спасать все, что можно, пришлось отступить на заранее намеченные позиции.

Уже первые сведения о содержании русско-германских переговоров по персидским делам вызвали бурное негодование русской буржуазии. На квартире у П. П. Рябушинского созвано было совещание крупных промышленников московского района совместно с рядом членов Государственной думы. На совещании, куда вызван был для ответа и дачи разъяснений представитель министерства иностранных дел Клемм, хозяин дома «сам» Рябушинский выступил с пространним докладом о значении Персии как рынка для экспорта русских товаров. Призванный лидер московских промышленников указывал на огромные размеры русско-персидской торговли и на все возрастающее значение русского экспорта, который занял в Персии первое место среди других промышленных стран, вывозящих туда свои товары. Общий оборот русско-персидской торговли достиг 393 милл. крап. 80% русского ввоза в Персию падало на хлопчатобумажные изделия. Всех этих успехов русская буржуазия добилась лишь в результате больших усилий, в результате того, что Персия согласилась на крайне невыгодные для нее и потому навязанные ей таможенные тарифные соглашения, наконец, — и это самое главное, — потому, что русская буржуазия всегда опиралась на политическое и военное влияние паризма. При таких условиях, — указывал далее П. П. Рябушинский, — развитие железнодорожного строительства в Персии и в

¹⁾ См. публикуемый ниже документ.

²⁾ См. «Красный архив», т. III, а также «Материалы по истории франко-русских отношений», М. 1922.

³⁾ См. «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette», Bd. 27, Kap. 218, 219.

⁴⁾ «Красный архив», т. III, стр. 10.

особенности соединения Багдадской железной дороги с Тегераном принесет с собой самые пагубные последствия для экспорта русских товаров, который будет уничтожен экономическим проникновением Германии. Более того, проектируемое сначала проведение железных дорог, соединяющих Тегеран с русским Закавказьем, окажется не столько орудием укрепления русских экономических интересов в Персии, сколько проводником встречного потока товаров, проникающих таким образом с юга в русскую зону влияния. Рябушинского энергично поддержал известный русский промышленник, член Государственного совета Крестовников, который при этом обрушился не только на проект русско-германского соглашения, но и на проект Трансперсидской железной дороги, имеющей в виду соединить сеть русских железных дорог с индийскими дорогами. Крестовников при этом довольно прозрачно намекнул, что если в этой дороге кто-либо действительно заинтересован, то это, во всяком случае, не те, кто представляет собою истинно русский капитал.

Русская буржуазия требовала от царизма проведения в Персии обычной политически-реакционной линии сохранения персидского бездорожья и настойчиво настаивала на том, чтобы военно-феодалская охрана обеспечила ее капиталистические интересы в Персии.

Вызванный для дачи объяснений представитель министерства иностранных дел указал, что русская буржуазия должна со своей стороны подумать об усилении своей конкурентоспособности к тому времени, когда германские товары с неизбежностью начнут проникать в больших массах на персидский рынок. Он обещал впрочем правительственную поддержку, весьма туманно ссылаясь при этом на сложность создавшегося положения.

Действительная сложность положений обрисовалась лишь несколько позднее, когда английский и французский империализм, осведомленный о русско-германских переговорах, решил захватить политическую инициативу и повел наступление, требуя от царского правительства привлечения англо-французского капитала в дело проведения железнодорожной линии Ханекев—Тегеран. И на эти переговоры царской России пришлось идти, выбирая и тут из двух зол меньшее. «Мне лично кажется, — писал Сазонов, — что Германия, встречая непреодолимое противодействие англичан, склонна отказаться от продолжения Багдадской дороги до Персидского залива и повернуть взамен этого свою магистраль в Персию. При таком положении дела нам особенно важно сохранить за собой обладание Ханекев—Тегеранской линией. Для этого необходимо будет привлечение англо-французских капиталов»¹⁾. В связи с проявлением «неосновательной нервности» английских империалистов, которые опасались и политических результатов русско-германских переговоров и возможности привлечения к русскому делу исключительно германских капиталов, Сазонов, указывая на возможность «допущения в той или иной форме помощи французского и английского капиталов», деликатно заранее пригласил разрастающиеся аппетиты своих империалистических друзей и союзников: «конечно, — добавлял он, — при непрременном условии, чтобы руководство делами осталось в наших руках»²⁾.

Но отбиваясь от слишком энергичной и неожиданной предприимчивости англо-французских капиталистов в этом вопросе, царское правительство только проводило интересы русского империализма, который требовал создания в Персии наиболее благоприятных условий для отпора надвигающейся опасности германской конкуренции. «Нам, — писал Сазонов, — необходимо считаться с нашим общественным мнением, которое настаивает на постройке нашего пути проникновения раньше создания явно вредной нам Ханекевской линии, которую оно даже считает лучшим предоставить,

¹⁾ Тел. министра иностранных дел послу в Париже Извольскому от 4 февраля 1911 г. за № 93. — Архив революции и внешней политики.

²⁾ Тел. министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу от 10 февраля 1911 г. за № 128. — Там же.

в крайнем случае, Германия»¹⁾). Царизму прежде всего потребовались капиталы на проведение железных дорог, связывающих русское Закавказье с Персией, — вопрос о постройке Ханекеи—Тегеранской дороги нужно было отложить в наиболее далекое будущее. И тут последовало более почтительное обращение к лондонской и парижской биржам, которые к этому времени, под влиянием русско-германских переговоров в Потсдаме и в результате проникших в печать сведений о согласии России не препятствовать постройке Багдадской дороги, очень быстро повернули фронт.

«Французские и английские финансовые круги, — сообщал царский посол из Берлина, — которые под влиянием своих правительств до сего дня отказывались открыто принять участие в финансировании предприятия, разразились теперь как в печати, так и в парламентах яркими нападками против руководителей внешней политики этих стран, обвиняя их в нанесении своей близорукой политикой громадных убытков отечественной промышленности и финансам. Под влиянием этих нападков и того лихорадочного интереса, который вдруг проявили денежные сферы Парижа и Лондона к Багдадской дороге, правительства этих государств предприняли энергические шаги в Берлине и Константинополе, чтобы дать возможность отечественным капиталам найти помещение не только в Багдадской, но и в целой сети проектированных дорог в Анатолии и Албании»²⁾).

В Берлине тогда же и начались переговоры между немецкими и английскими капиталистами о постройке последнего участка Багдадской дороги. Эти переговоры, как известно, надолго затянулись, приведя к парафированию соглашения накануне возникновения мировой войны. Начавшаяся война и являлась наиболее острой формой дальнейшего пересмотра этого соглашения...

Но тогда, после потсдамского свидания, когда эти англо-германские переговоры о Багдадской железной дороге только начались, они осложнились противодействием Турции, которая вовсе не согласна была удовлетворять претензии британского империализма, добивавшегося полного контроля на южном участке Багдадской дороги. Империалистские противоречия, которые в столь сложном переплетении развернулись на почве борьбы за влияние в Персии, в своем дальнейшем углублении привели, таким образом, к поискам выхода и за счет другого полукolonиального государства — за счет Турции. Англо-германская империалистская борьба за счет турецких интересов продолжалась еще долго, но попусту и прежде чем она закончилась, на другом участке империалистских противоречий интересам Турции, — и притом за ее спиной, — был нанесен чувствительный удар. Наряду с заключением русско-германского соглашения по персидским делам, царская Россия заручилась устным и совершенно секретным «обещанием Германии не строить ветвей Багдадской железной дороги в области, лежащей между этой линией и русской и персидской границами к северу от Ханекеи, а также не оказывать содействия подобным предприятиям в указанной области...»³⁾ В своем реальном выражении это означало гарантию русской концессии на турецкое бездорожье, лишение Турции возможности строительства дорог, необходимых ей в экономическом и стратегическом отношениях. Неудивительно, что означенное обязательство не было включено в текст соглашения по просьбе Германии, связавшей себя официальным обещанием перед Турцией⁴⁾. Германский империализм, попросту говоря, предал интересы Турции, которая таким образом была

¹⁾ Телеграмма министра иностранных дел послу в Париже Извольскому от 29 января 1911 г. за № 133. — Архив революции и внешней политики.

²⁾ Дешета посла в Берлине от 17 февраля. 1911 г. за № 11. — Архив революции и внешней политики.

³⁾ Весьма секретное письмо товарища министра иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Свечину от 9 сентября 1911 г. за № 651. — Архив революции и внешней политики.

⁴⁾ Там же.

принесена в жертву русско-германскому соглашению, — обычная судьба колониальных и полуколониальных народов.

Но и это соглашение, как и все попытки разрешить империалистские противоречия, имело весьма условный характер не только в том смысле, что оно достигнуто было за счет полуколониальных народов Персии и Турции. Оно в самом себе носило зародыши дальнейших антагонизмов между царской Россией и империалистской Германией. «До Багдада, — строил свои расчеты руководитель внешней политики царской России, — она (жел. дорога) дойдет очень скоро, — может быть, лет через 10—15. Ханекенский путь начнется постройкой не ранее этого срока. Таким образом мы имеем еще очень много времени на принятие мер к окончательному утверждению за собой персидских рынков»¹⁾. Но не русское согласие оказалось «чисто фиктивным», а русские расчеты. Самый факт русско-германского соглашения содействовал активизации постройки Багдадской железной дороги, а это обратным образом содействовало обострению всех империалистских и, в частности, русско-германских противоречий.

«Постройка Багдадской железной дороги, — с грустью констатировал незадолго до начала войны русский полуофицер «Новое время», — к сожалению, производится несравненно скорее, чем это рассчитывала русская дипломатия при заключении соглашения с Германией»²⁾. А между тем с русской стороны не приступили к сооружению не только Ханекен—Тегеранской линии, но и северных линий, долженствовавших обеспечить интересы русского империализма в Персии. Активизация германского империализма в Персии в непосредственно предвоенные годы происходила в условиях обостряющихся также англо-русских противоречий. В такой обстановке царская Россия оказалась неподготовленной к отпору экономическими средствами новому грозному сопернику в Персии — империалистской Германии. Узел империалистских противоречий в Персии и Турции стягивался все более туго.

Мировая война, которая представляла собою империалистскую попытку разрушить этот узел, открыла новую страницу империалистской борьбы за передел этих полуколониальных стран.

А. Ерусалимский.

Журнал заседания Особого совещания по персидским делам 15 октября 1910 г.³⁾

Председательствовал:

Председатель Совета министров статс-секретарь *П. А. Столыпин.*

Присутствовали:

Военный министр генерал-от-кавалерии *В. А. Сухоминов.*

Морской министр вице-адмирал *С. А. Воеводский.*

Министр путей сообщения тайный советник *С. В. Рухлов.*

Министр торговли и промышленности тайный советник *С. П. Тимашев.*

Управляющий министерством финансов тайный советник *С. Ф. Вебер.*

Управляющий министерством иностранных дел, в должности гофмейстера, д. с. с. *С. Д. Сазонов.*

Начальник генерального штаба генерал-лейтенант *Е. А. Гернгросс.*

Начальник морского генерального штаба вице-адмирал *А. А. Эбергард.*

¹⁾ См. ниже публикуемый документ.

²⁾ «Новое время» от 12 июня 1914 г.

³⁾ Архив революции и внешней политики.

Виде-директор первого департамента министерства иностранных дел д. с. с. В. О. фон Клемм.

По открытии заседания председателем Совета министров *управляющий министерством иностранных дел* сообщил, что он имеет предложить на обсуждение Особого совещания два дела, имеющих в настоящий момент первостепенное значение, а именно: 1) вопрос о железных дорогах в Персии в связи с постройкой Багдадской железной дороги и с урегулированием русско-германских отношений на почве возможного соглашения, проект которого направлен нашей политикой в Персии ввиду занятого этой страной враждебного к нам положения.

Первое из вышеупомянутых дел не может считаться совершенно новым. Уже в 1906 году, ввиду слухов о предстоящем англо-русском соглашении о Персии, начаты были Германией переговоры с нами с целью выяснения точки зрения России на вопрос о Багдадской железной дороге и, наряду с этим, определения границ, в пределах которых возможное германское экономическое проникновение в Персию не нарушило бы существующих в этой стране русских интересов. В феврале 1907 года министерство иностранных дел выработало основные черты возможного соглашения, проект которого и был передан германскому послу в С.-Петербурге.

Этот проект заключал в себе следующие принципы: 1) Россия не будет противодействовать осуществлению Багдадского предприятия и готова содействовать привлечению иностранных капиталов к этому делу, о чем последует особый обмен мнений между кабинетами С.-Петербургским и Берлинским; 2) какое-либо соединение Багдадской линии с будущими железными дорогами в Персии не может быть осуществлено без предварительного соглашения между обеими державами и 3) Германия объявляет, что не имеет в Персии никаких политических интересов и, преследуя лишь коммерческие цели, а равно, признавая существование специальных политических стратегических и экономических интересов России в северной зоне Персии, она не будет добиваться в свою пользу каких-либо концессий в этой зоне, точные пределы коей будут определены впоследствии.

В ответ на это со стороны германского правительства последовал контр-проект, переданный г. фон Шеном 18 июня 1907 года. Приняв без существенных изменений пункт русских предложений, касающийся отношения России к Багдадскому предприятию, Берлинский кабинет выразил готовность не добиваться концессий к северу от линии, о которой должно последовать особое соглашение. Пункт о признании за Россией специальных интересов в северной Персии, а равно об исключительно экономическом характере германских задач на Иране был выпущен, но зато в проект были вставлены три новых определенных пожелания:

1) Об обязательстве России построить соединительную линию к ветке Садиджэ—Ханекен Багдадской железной дороги, как только последняя будет готова, 2) о необходимости содействовать международной торговле на линиях, составляющих пути сообщения между Турцией и Персией, избегая мер тому препятствующих, например, установления транзитных пошлин или дифференциального обложения, 3) о признании Россией принципа экономической свободы в отношении германской торговли в Персии.

Германский контр-проект подвергнут был обсуждению в заседании Особого совещания по персидским делам 14 июля 1907 года, и, в соответствии с заключением его, выработаны были новые условия соглашения, причем приняты были во внимание пожелания германского правительства. Однако дальнейшего движения дело о соглашении не получило, и перегово-

воры прекратились. Такой результат начатого дела имеет весьма неблагоприятные последствия. В правящих кругах Германии возникло против нас заметное неудовлетворение и даже, может быть, раздражение. Это настроение не осталось в скрытой форме, а, наоборот, проявлялось при всяком к тому даже незначительном поводе. В настоящее время можно сказать, что враждебное к нам влияние Германии так или иначе чувствуется повсюду, принимая подчас крайне неприятные для нас формы. Дальнейшее продолжение таких отношений было бы весьма нежелательно, и нужно найти из создавшегося положения наилучший выход. Необходимость этого сознается теперь и государственными людьми Германии. В августе 1910 года посол в С.-Петербурге граф Пурталес в откровенной беседе с д. с. с. Сазоновым высказал, что в Германии общественное мнение чрезвычайно раздражено не только против России, но и против Берлинского кабинета, не сумевшего достигнуть разграничения русских и германских интересов в Персии. Поэтому этот кабинет весьма желал бы продолжить переговоры о соглашениях, прерванные в 1907 году, и довести их до благополучного завершения.

Вышесказанное дает твердые основания полагать, что предстоящая поездка управляющего министерством иностранных дел в Берлин и Потсдам будет использована г.г. Бетман Гольвегом и Кидерлен-Вехтером в упомянутом смысле. Ввиду этого нам надлежит заранее подготовиться к более чем вероятному обращению руководителей германской политики к д. с. с. Сазонову и установить те принципы, на которых должно, по нашему мнению, быть основано наше соглашение с Германией по персидским делам.

Затем д. с. с. Сазонов ознакомил присутствующих с проектом соглашения, выработанным в министерстве иностранных дел на основании существовавших уже по этому поводу предположений, и просил совещание высказаться по его содержанию. При этом д. с. с. Сазонов добавил, что он не имеет в виду передавать германским государственным людям этот проект в виде формального нашего предложения, а полагал бы лишь руководствоваться в общих чертах его смыслом и выяснить взгляд германского правительства на возможные соглашения. Весьма вероятно, что в этом проекте имеются, быть может, и существенные недосмотры, которые не бросаются сразу в глаза, но обнаружатся впоследствии. Поэтому управляющий министерством иностранных дел не желал бы связывать себя заранее при необходимости кратких суммарных переговорах в Потсдаме.

В заключение д. с. с. Сазонов высказал предположение, что, быть может, для нас было бы выгодно ныне же приступить к проведению тех железнодорожных линий в Персии, которые отвечают нашим интересам, а именно Джульфа—Тавризской и Энзели—Казвин—Тегеранской. Первая, протяжением около 180 верст, не представит особых технических трудностей при проведении, чего нельзя сказать о второй, часть которой пролегает по гористым местам. Средства на эти постройки вряд ли трудно найти, но, вероятно, предприниматель потребует известных гарантий.

Министр торговли и промышленности, вполне присоединяясь к мысли д. с. с. Сазонова о желательности всеми мерами стремиться к устранению шероховатостей в русско-германских отношениях, высказал, что он, со своей стороны, признает предложенный проект приемлемым, за исключением одного пункта, а именно — нашего обязательства построить Ханекенскую ветку. Эта линия, по мнению тайн. сов. Тимашева, нам чрезвычайно вредна — она будет служить исключительно интересам германской торговли и приведет в результате к полному завоеванию персидских рынков в нашей

сфере влияния немецкими товарами. Невыгодность этой линии, постройка которой потребует с нашей стороны гарантий, несомненна как при ее доходности, так и бездоходности. В первом случае, т. е., если немецкие товары двинутся по ней в большом количестве, дело скоро кончится полным вытеснением нашего торгового преобладания даже из тех местностей Персии, где оно издавна существует. Во втором — нам придется доплачивать солидные суммы по гарантии. Изложенные соображения приводят министра торговли и промышленности к убеждению, что из проекта нужно вычеркнуть наше обязательство, касающееся Тегеран—Ханекенской линии. Предпочтительно, быть может, вовсе отдать немцам право на получение означенной концессии, но зато выговорить себе поддержку Германии при приобретении нами концессий североперсидских железных дорог.

Со своей стороны, *министр путей сообщения*, присоединяясь к мнению тайн. сов. Тимашева, заметил, что он вообще не может отнестись теперь сочувственно к нашему железнодорожному строительству в чужой стране. Имеется немало линий, весьма нужных для самой России, тщетно ожидающих своего осуществления за недостатком потребных для того средств. Даже на эти линии иностранные капиталы могут быть привлечены лишь, при гарантии дохода правительством. Однако, если бы совещание высказалось за государственное значение для нас постройки персидских линий, то во всяком случае, нужно в ограждение нашей торговли, чтобы соединение Тегерана с русскими линиями состоялось раньше постройки ветки на Ханекеп—Багдад, потому что иначе неминуем полный захват рынков немецкими товарами. Обращаясь к значению линий Джульфа—Тавриз и Энзели—Тегеран, тайн. сов. Рухлов пояснил, что постройка первой обойдется недорого, но зато она вряд ли будет давать доход. Зато Энзели—Тегеранская линия, ценность коей будет не ниже 25.000.000 рублей, вероятно, окажется доходной. На постройку этой линии средства достать легче, но, конечно, при правительственной гарантии, которую Персия обеспечить ныне не в состоянии. Придется прибегнуть в той или иной форме к русской гарантии, что немислимо без соответствующего согласия законодательных учреждений. Едва ли подлежит сомнению, что последние на это не пойдут. В заключение тайн. сов. Рухлов выразил мнение о желательности прибавить в 1-м пункте проекта обязательство Германии не противодействовать получению нами концессий на севере.

Управляющий министерством иностранных дел заявил, что вполне признает вескость замечаний тайных советников Рухлова и Тимашева, но что, с другой стороны, не может закрывать глаза на действительное положение вещей в Персии и на стремление Германии известным образом урегулировать свое отношение к персидским делам. Конечно, было бы весьма желательно вовсе избежать постройки линии Тегеран—Ханекен, могущей оказаться экономически для нас вредной. Однако, если мы совсем устранимся от этого дела, то немцы, при желании, всегда добьются постройки этой линии и оставят ее у себя в руках со всеми преимуществами такого положения. С другой стороны, не надо забывать, что вопрос о соединении на Ханекен возникнет серьезно лишь тогда, когда будет готов подъездной путь Садиджэ—Ханекен. Между тем Багдадская дорога доведена только до Эрегли-Булгурлу. До Багдада она дойдет очень не скоро, может быть, лет через 10—15. Ханекенский путь начнется постройкой не ранее этого срока. Таким образом мы имеем еще очень много времени на принятие мер к окончательному утверждению за собой персидских рынков, и, если успешно идти по этому пути, то нам быть может, вовсе не будет страшна Ханекен-

ская линия. Между тем, немцы, повидимому, придают очень большое значение нашему согласию соединить сеть персидских железных дорог с Багдадской линией именно у Ханекена. Этим согласием, которое легко может оказаться при известных условиях чисто фиктивным, мы достигнем существенно важного результата — а именно, общего улучшения наших отношений с Германией. Что касается мысли тайн. сов. Рухлова о желательности включить в 1-й пункт обязательство Германии о непротиводействии получению нами концессий на севере, то д. с. с. Сазонов предпочитает не настаивать на этом обязательстве, так как это означало бы признание нами слабости нашего влияния в отведенной нам зоне Персии.

Соображения д. с. с. Сазонова встретили поддержку временно управляющего министерством финансов, который заметил, что, если нельзя во все избежать постройки линии Тегеран—Ханекен, нам безусловно вредной, то желательно, конечно, чтобы она была проведена нами, иначе мы рискуем отдать ее совершенно в руки немцев, имеющих полную возможность добиться соответствующей концессии, и создадим фактически в Персии третью зону — германскую.

По поводу мысли министра путей сообщения об обязательстве Германии не противодействовать нашим концессиям на севере и возражения д. с. с. Сазонова по этому поводу *статс-секретарь Столыпин* высказал, что в окончательном проекте можно односторонне упомянуть, что Россия сохраняет за собой преимущественное право на получение концессий на севере.

Вышеприведенным обменом мнений выяснилось, что вполне отказаться от линии Тегеран—Ханекен было бы, по всей вероятности, вреднее, чем обеспечить себе право на ее постройку, тем более, что с проведением таковой линии немцами они тем самым приобрели бы и право голоса в персидских делах. Совещанию после этого оставалось выяснить условия, в которые желательно было бы поставить весь этот вопрос.

Морской министр заявил, что вполне присоединяется к мысли тайн. сов. Рухлова о желательности проведения линии на севере ранее линии на Ханекен, и указал, со своей стороны, на возможность обещать Германии постройку Ханекенской линии лишь по завершении пути Энзели—Тегеран.

Председатель Совета министров высказал, что нам следовало бы поставить вопрос постройки персидских линий в то же положение по отношению к Персии, в которое поставлен по отношению к Турции вопрос о Багдадской железной дороге, а именно — обусловить эту постройку персидской правительственной гарантией. При этом условии отпадает опасность для нас быть вынужденными приплачивать суммы по гарантии вредной для нас дороги.

Со своей стороны, *военный министр*, отметив сравнительное стратегическое безразличие для нас Ханекенской линии, имеющей главным образом значение экономическое, присоединился к мысли статс-секретаря Столыпина о желательности получения по ней гарантии персидского правительства, а также к мнению тайн. сов. Рухлова и вице-адмирала Воеводского о необходимости предварительной постройки линии Энзели—Тегеран.

Это последнее мнение было поддержано также и *председателем Совета министров*, отметившим, что русское общественное мнение чувствительно было бы задето положением, в которое мы стали бы, приступая к осуществлению Ханекенской линии до окончательного завершения северных путей, каковым было бы твердо обеспечено наше экономическое преобладание в северной зоне Персии. Таким образом, по мнению статс-секретаря

Столышина, при переговорах с германскими государственными людьми следует поставить вопрос так: 1) мы подтверждаем свое преимущественное право приобретать, когда это будет нам удобно, железнодорожные концессии в северной Персии; 2) линию Тегеран—Ханекен беремся выстроить по завершении пути Энзели—Тегеран и при условии персидской правительственной гарантии.

Управляющий министерством иностранных дел высказал, что, как было уже упомянуто в начале заседания, он не придавал своему проекту какого-либо окончательного значения и предложил его на обсуждение совещания лишь, чтобы вполне уяснить ту руководящую нить, которой ему надлежит придерживаться при предстоящих переговорах с германскими канцлером и министром иностранных дел. В настоящее время из высказанных членами совещания мнений он усматривает, что переговоры в Берлине должны иметь лишь очень общий характер и что нам там не надо будет связывать себя никакими определенными обещаниями. Можно будет лишь высказать, что означенный вопрос обсуждался нами с самыми дружественными по отношению к Германии намерениями, но что на первых же порах в нем выяснились весьма существенные финансовые затруднения. Далее можно будет дать понять германскому правительству, что постройка наших линий в северной Персии должна непременно предшествовать какому-либо соединению таковых с Багдадской дорогой, и что, когда настанет время для последнего, мы готовы будем отдать предпочтение наменченному ими пункту такого соединения, а именно Ханекену. Что касается других пунктов проекта соглашения, против которых члены совещания не возражали, то их можно будет использовать в переговорах в видах возможного обеспечения наших интересов и внушения руководителям германской политики убеждения, что мы отнюдь не намерены нарушать принципа открытых дверей, провозглашенного англо-русской конвенцией 18 (31) августа 1907 года.

Покончив с проектом русско-германского соглашения, совещание перешло к рассмотрению вопроса о направлении нашей политики по отношению к Персии. Ознакомив присутствующих с последней перепиской с посланником в Тегеране по этому делу, *управляющий министерством иностранных дел* высказал мнение, что явно недружелюбный тон, принятый уже довольно давно шахским правительством по отношению к нам, а равно полное игнорирование наших требований вынуждают нас к принятию в отношении Персии известных репрессивных мер, выяснение коих служит ныне предметом сношений с д. с. с. Поклевским-Козелл.

Выслушав объяснения д. с. с. Сазонова по настоящему предмету. Особое совещание постановило уполномочить управляющего министерством иностранных дел принимать, в соответствии с обстоятельствами, меры репрессии, какие он признает наиболее удобными в каждый данный момент.

Временно управляющий министерством финансов высказал при этом пожелание, чтобы всякие мероприятия репрессивного характера по отношению к Персии, которые затрагивали бы интересы министерства финансов, предварительно подвергались бы совместному обсуждению с последним. Такое заявление тайн. сов. Вебера было принято к сведению.

М. Н. Катков и Александр III в 1886—1887 гг.

Печатаемые ниже документы — докладные записки М. Н. Каткова царю Александру III — не являются, строго говоря, историческими новинками: об их существовании и общем направлении было известно современникам, и содержание их было в свое время изложено другом и агентом Каткова в Париже, Ционом, в его книге «L'Alliance franco-russe». Тем не менее появляющийся ныне полный текст их будет прочтен с интересом не одними историками русской дипломатии, но также историками судьбы русского царизма и его «общественной» опоры, — панславизма.

В основном, докладные записки М. Н. Каткова составляют лишь часть начатой им в середине 1886 г. на столбцах издаваемой им газеты «Московские ведомости» кампании против традиционной ориентации царской дипломатии на дружбу и союз с Германией и за переключение ее на сближение и сотрудничество с Францией, врагом последней. В этих записках Катков не говорит ничего такого, чего он не говорил еще с большей настойчивостью и большей откровенностью в своих многочисленных газетных статьях, и ново в них было лишь то, что они были обращены непосредственно к царю, с которым некогда связывало его близкое личное знакомство, — когда Александр еще не был даже наследником, — и который, как он знал, высоко ценил его заслуги перед самодержавным тронem еще со времени польского восстания 1863 г. и прилежно читал его газету.

Что лежало в основе этой кампании, которую Катков, ярый приверженец православия и самодержавия, вел за отход царской России от полуабсолютистской, реакционной Германии и за сближение с республиканской, безбожной Францией?

Панслависты, как известно, уже с Берлинского конгресса обвиняли Германию, т. е. Бисмарка, в неудачах русской дипломатии на Балканах и довольно откровенно заигрывали с Францией. Но Катков не разделял этих установок, и лишь филиппопольский переворот 1885 г., взорвавший пресловутый союз трех императоров, толкнул и его на антигерманские позиции. Правда, не Германия подготовляла это поражение царской политики в Болгарии, а Англия и отчасти Австрия. Германия, напротив, поддерживала русскую дипломатию, сдерживала австрийскую (в частности, венгерскую), и Бисмарк открыто провозглашал, что в Болгарии он — русский. Но уже одного факта существования австро-германского союза и англо-германской дружбы, сильно стеснявших свободу действий царизма и развязывавших руки антирусским элементам в Болгарии, достаточно было, к а з а л о с ь, для того, чтобы заставить такого пламенного защитника «исторических задач» России на Балканах, как Катков, также присоединиться к врагам Германии и искать, по классическому образцу, дружбы «соседа своего соседа», Франции.

Этого факта однако было недостаточно. Сам царь и руководитель его внешней политики, Гирс, были не менее Каткова озабочены осуществлением этих «исторических задач», но, негодуя на Австрию и считая ее своим врагом, они тем не менее стояли за союз и дружбу с бисмарковской Германией не только в силу старых помещичьих и абсолютистских симпатий, но также потому, что она поддерживала русские цели на Балканах, призывала царскую политику в Болгарии и Вост. Румелии и гарантировала

России закрытие проливов против Англии. Это и выразилось в том «сообщении» в «Правительственном вестнике» от 3 декабря 1886 г., которое вызвало такое негодование Каткова и послужило ближайшим поводом к его записке от 26 декабря. Само сообщение было лишь повторением слов, сказанных царем германскому послу в Петербурге Швейницу за пару недель до этого. Об этом разговоре последний докладывал в Берлин: «то, что газета пишет про Германию, не имеет значения; это все — глупости и переменится; по то, что они говорят об Австрии, действительно, верно» («Grosse Politik», т. V, № 997). Правительственный реприманд прессе, не касаясь Австрии, брал под свою защиту позицию Германии, а это именно служило предметом протеста Каткова. Почему? Откуда такое резкое расхождение с официальной политикой такого верноподданного, как редактор «Московских ведомостей»? Как же еще были у него и у его друзей из панславистского лагеря привходящие моменты, определявшие их особенную внешнеполитическую ориентацию?

Бисмарк однажды, когда в докладе из Петербурга упоминалось о франкофильстве Каткова, сделал на полях помету: «За деньги» («Grosse Politik», т. V, № 1125). Бисмарк, конечно, знал толк в этих вещах, и нисколько не исключено, что Катков вовсе не был тем Аристомом, за которого он себя выдавал, — тем более, что упомянутый выше друг его Цион, финансовый агент русского правительства, весьма близко стоял к политическим и банковским кругам в Париже. Но даже, не сводя вопрос к такой «узкой» материальной базе, как подкуп, объяснение позиций, занятых Катковым и его единомышленниками, нужно все же искать в «деньгах» — а именно, в интересах той новой промышленной буржуазии, которая как раз тогда стала быстро расти («огражденная», — говорит М. Н. Покровский об этих годах, — чудовищными пошлинами от иностранной конкуренции, наша промышленность обнаружила чудовищную способность роста), и, встречая сопротивление со стороны Германии, делавшей всяческие и далеко не безуспешные попытки прорваться через таможенные заграждения, внесла в панславистскую неприязнь к Германии свою собственную, еще более острую и активную вражду, а заодно и свою симпатию к богатому капиталами французскому рынку.

Вот эту специфически буржуазную струю и отражал Катков, что не укрылось от его современников. В донесении тогдашнего германского поверенного в делах в Петербурге Бюлова от 31 (19) июля 1886 г. содержится передача любопытной беседы его с Гирсом, который сказал ему: «Вся наша пресса за последние два месяца совершенно вышла из границ. «Московские ведомости», которые прежде в вопросах иностранной политики придерживались здравых понятий, теперь говорят почти таким же языком, как «Новое время». Эта перемена в позиции Каткова связана с тем, что он лично заинтересован в предпринятиях и спекуляциях ультрапротекционистских промышленников, которые обозлены на Германию за то, что она не хочет допустить дальнейшего повышения наших (т. е. русских) пошлин на железо и уголь. Сам император мне недавно признавался, что политическая линия Каткова часто диктуется весьма материальными соображениями и целями» («Grosse Politik», т. V, № 1977). Вот где находились истоки антигерманской и франкофильской политики, которую так настоятельно и с таким искусством Катков рекомендовал в своих записках!

Царь, весьма благосклонно отнесшийся к мыслям, высказанным Катковым в записках, и даже пытавшийся заставить Гирса выслушать их, все же не последовал его советам: с помощью Бисмарка, который сообщил царю неизвестное до тех пор содержание знаменитых Рейхштадтских соглашений 1876 года, создавших для Австрии «законное» положение на Балканах, Гирсу удалось не только преодолеть антигерманское влияние Каткова, но и склонить царя к подписанию в июне 1887 г. знаменитого «перестраховочного» договора с Германией. Через месяц Катков умер, так никогда и не узнав, что он потерпел сильнейшее поражение. Но историк знает, что это поражение было только видимое: промышленный капитализм в России продолжал развиваться, антагонизм его по отношению к Германии нарастал, «перестраховочный» договор усту-

пил место союзу с Францией, промышленная буржуазия вновь восприняла неопанславистские установки, и так благополучно линия Каткова привела царизм к мировой империалистической войне.

Ф. Р.

Всепопд. записка М. Н. Каткова Александру III 26 декабря 1886 г. 1)

Всемилоостивейший государь.

Я не имел бы духа продолжать мою общественную деятельность при том значении, какое она приобрела, если б имел несчастье подать вашему величеству повод к сомнению в чем либо касательно моих намерений и образа действий.

Умолчание о правительственном сообщении 3 декабря 2) в моей газете могло быть представлено вашему величеству в неблагоприятном для меня свете, как легкомысленная выходка. Случай этот, кроме личного для меня значения, имеет несравненно большую важность по вопросам, с которыми он связан, а потому я прошу, как величайшей милости, выслушать мои объяснения.

Прежде всего осмеливаюсь доложить, что подобные сообщения в «Правительственном вестнике» никогда не имели обязательного характера.

1) Архив революции и внешней политики. — Документы подготовили к печати Е. Глязер и А. Попов.

2) В «Правительственном вестнике» от 3 декабря 1886 г., за № 265, было напечатано следующее «правительственное сообщение»: «Болгарские события, вызвавшие в русской публике и печати вполне понятное возбуждение, послужили, между прочим, поводом к обсуждению в наших газетах политических отношений европейских держав к России. Не ограничиваясь оценкою общеизвестных и не подлежащих сомнению фактов, некоторые газеты прибегают для выяснения означенных отношений к догадкам и предположениям, почему их суждения, основанные на столь зыбкой почве, не только уклоняются от беспристрастия, без которого немислимо сколько-нибудь верное понимание политических вопросов, но и становятся иногда в явное противоречие с действительностью.

Таким характером отличаются, между прочим, некоторые из появившихся в свое время статей, посвященных германской политике, в коих русской публике внушается, что затруднениями, препятствующими удовлетворительному разрешению болгарского вопроса, мы обязаны преимущественно негласному воздействию Германии, которая поэтому выставляется опасным врагом России, злоумышляющим против ее достоинства и безопасности.

Нельзя не пожалеть о подобных неосновательных увлечениях.

С Германиею, как с своим непосредственным соседом, Россия связана многочисленными жизненными интересами, благодаря которым отношения между обоими державами издавна упрочились и уже неоднократно выдерживали испытания. Такие отношения одинаково важны для благосостояния обоих государств, что одинаково сознается их правительствами, и нельзя не пожалеть продления этих отношений на долгие годы. Будучи твердо намерено непреклонно относиться с должным вниманием к собственно германским интересам, императорское правительство имеет полное основание быть уверенным, что и Германия, с своей стороны, будет продолжать воздерживаться от всяких действий, могущих затронуть как достоинство России, так и интересы, создавшиеся вследствие исторических отношений наших к нашим восточным единоверцам, и что влияние ее будет направлено лишь к поддержанию всеобщего мира, в котором нуждается Европа и который составляет, равным образом, предмет живейших желаний русского царя и его народа. Чем сложнее и шекотливее политические обстоятельства, тем более осмотрительности и хладнокровия требуется при их оценке, и тем, следовательно, менее можно оправдать опрометчивость и заносчивость суждений, высказываемых органами печати, голос которых далеко не лишен значения в международных отношениях».

Газетам никогда не поставлялось в обязанность перепечатывать их и не воспрещалось относиться к ним критически. Осмелось припомнить, например, целый ряд «правительственных сообщений» в конце 1885 года по питейному вопросу, которые подали повод к горячей полемике, доказавшей неверность приведенных министерством финансов данных, вследствие чего питейные правила, уже ставшие законом, потребовали некоторых существенных изменений и дополнений.

Осмеливаясь обратиться к вашему величеству, я должен говорить с полною откровенностью, безо всякой утайки и изворотов. Правительственное сообщение 3 декабря есть прискорбная ошибка нашего дипломатического ведомства. Каковы бы ни были его виды, зачем было высказываться преждевременно? Если имеется в виду продлить или заключить новый договор с Германией, если ведется с нею политический торг, то следует ли нам заранее отдавать себя в руки ей вместо того, чтобы домогаться наилучших условий, удерживая за собой возможность других соглашений, обещающих не меньшие, если не большие выгоды? Объявляя заранее, что мы обязаны оказывать должное внимание к интересам Германии, мы уже этим самым отталкиваем от себя тех, кто имеет с Германией счеты. Князь Бисмарк хорошо знает интересы своей страны и ничего не уступит из них даром, а наши услуги он постарается купить как можно дешевле, и, если возможно, оставить нас ни при чем. Политических людей такого закала, как Бисмарк, можно понудить на выгоды для нас условия не угодливиостию, а угрозой — не говорю, союза с Францией, но возможности совокупного с нею действия при некоторых обстоятельствах. Если бы даже мы окончательно вступили в обязательства с Германией, то и тут не было бы надобности спешить с заявлением, которое может только прежде времени озлобить против нас входящую в силу Францию. Видя в нас союзника Германии и не зная, как далеко идут наши соглашения, Франция, весьма естественно, будет видеть в нас врага себе и перенесет на нас всю неприязнь свою против Германии: ей ничего не останется как скорее поладить с Англией, как всегда в подобных случаях бывало. А невыгоды против нас такого сближения двух западных морских держав гораздо более весят, чем все те фиктивные выгоды, какие может при наилучших условиях предложить нам Германия.

С другой стороны, правительственное сообщение 3 декабря явило собою небывалый еще у нас пример официального и гласного вмешательства иностранных держав в наши внутренние дела. Дипломатическое ведомство, обращаясь к русской печати с увещаниями оказывать уважение германским интересам, совершенно напрасно выставило русское правительство ответственным пред другими державами за суждения русской печати, подчинив ее таким образом чужеземному контролю. Для чего было нужно такое самоунижение России? Купить ли этим благорасположение Бисмарка и через это получить от него какие-либо уступки? Напрасно. Бисмарк делает уступки только по вынуждению. Он уступает только противнику неуступчивому, который знает его ходы и умеет отвечать на них. Его не смущают крикливые голоса, но он тревожится, когда слышит голос ясного разума. Он встрепетнулся, когда я позволил себе в статье, которая наделала столько шуму за границей, сказать, что не Россия нуждается в германской дружбе, а Германия в русской, что для России всего нужнее и всего дороже удержание свободы действий, что, состоя в добрых отношениях к Германии, Россия не имеет причины не желать находиться в таких же отношениях и к другим державам, которые против нее не враж-

дуют и не злоумышляют. Этого было довольно, чтобы по мановению германского канцлера, во всех подручных ему газетах появились одна за другою статьи, в которых горячо убеждались все политические партии Германии в необходимости уступить кое в чем России ввиду возможного сближения с Францией. Но впоследствии благодаря приниженности нашей дипломатии снова изменился тон официозной германской печати. Германия, повидимому, уверилась, что Россия не вырвется из ее рук, и, чтобы запугать ее, подняты были толки о грозной против России коалиции, состоящей из Австро-Венгрии, Италии и Англии, причем давалось понять, что Россия может избавиться от опасности и выйти из затруднений, поручив себя покровительству Германии и возобновив по истечении срока договорные с нею обязательства. Ввиду важности вопросов, которых касалось сообщение министерства иностранных дел 3 декабря, я затруднялся сопроводжать его замечаниями, к которым обязывал меня долг совести, и предпочел не помещать его в своей газете, с тем чтобы потом, не касаясь его, разъяснять возбуждаемые им вопросы. Я надеялся, не входя ни в какую полемику, которая была бы в данном случае неуместна, показать своим умолчанием, что это сообщение не имеет обязательного значения и есть простая дипломатическая вежливость. Никто не мог считать меня способным на демонстрацию против воли вашего императорского величества. Это, как и другие сообщения, появившиеся в «Правительственном вестнике», никто не возводил к высочайшей воле, и если кто мог усмотреть в моем умолчании демонстрацию, то разве против назойливости иностранного вмешательства, которое благодаря бесхарактерности нашей дипломатии покушается овладеть русским общественным мнением, в то время, когда, быть может, решаются судьбы нашего отечества. Смею думать, что умаление силы этой манифестации нашего дипломатического ведомства могло послужить лишь в пользу нашего дела.

Осмелюсь при этом высказать следующее.

В России нет и тени того, что зовется обыкновенно шовинизмом. Никто, никакая печать, никакие возбуждения не в силах поднять народный дух в России кроме слова с высоты престола. Наше дело может состоять только в том, чтобы поддерживать общественное чувство на той высоте, на которую не мы, служебные и безвластные люди, можем возвести его. Когда люди патриотически настроены, легко управлять ими и совершать великие дела. Русское народное чувство, высоко поднятое, есть неопенимое благо, залог всяких успехов и внутри и вне. Опасность, напротив, начинается с упадком патриотического духа. Все дурное и разлагающее получает тогда простор и входит в силу. Ободряется и поднимает голову все враждебное государству и внутри и вне. Вот когда разнуздываются дурные страсти! При апатии и равнодушии общества к достоинству, чести и интересам государства, правительство слабеет, пугается и теряется. Не дай бог возобновления таких, уже знакомых нам времен. Из подобного состояния нелегко, и во всяком случае не нашему брату, можно снова поднять общественный дух, снова оживить в обществе государственное начало. Вот почему все мыслящие, честные и преданные своему отечеству люди обязаны дорожить, беречь и всячески поддерживать все, что питает патриотический дух в общественной сфере.

Говорят, будто в последнюю турецкую войну вовлекла Россию печать. Нет ничего несправедливее и ошибочнее этих толков. Печать играла при этом ничтожную роль. Первым началом, из которого потом развились события, неудержимо и роковым образом вызвавшие нашу войну, был

напрасно поднятый нашею дипломатией европейский вопрос по поводу незначительных смут в Боснии и Герцеговине, возбужденных австрийскою интригой, при поощрении руководителя германской политики, который был раздражен против России за то, что она в 1875 году остановила его руку, занесенную на окончательный разгром Франции. Россия находилась тогда в благоприятном положении; все искали сближения с нею. Султан Абдул-Азис был на нашей стороне. Возбуждение восточного вопроса в то время, когда Россия не помышляла об активной политике, вовлекало ее в затруднения и роняло ее с высоты, на которой она стояла. Мы имели полную возможность подавить политическую интригу в самом зародыше. Не придавая значения искусственно возбужденным смутам в Боснии и Герцеговине, мы могли уладить их удовлетворительным образом посредством соглашения с султаном, который того только и желал. Тогдашний посол наш в Константинополе, граф Игнатьев, оказавшийся впоследствии несостоятельным министром внутренних дел, но дипломат даровитый и, что всего важнее, национального направления, напрасно настаивал окончить возникшее дело наедине между Россией и Турцией, свидетельствуя, что султан готов сделать все, лишь бы избежать европейского шума и дипломатической кампании, но все было напрасно. Канцлера именно и пленяла открывавшаяся перспектива дипломатических турниров и депеш. И вот восточный вопрос упал как будто с неба. Международная консульская ревизия, потом нота графа Андраши ¹⁾, потом Берлинский меморандум, потом Константинопольская конференция и, наконец, Лондонский протокол — и затем война. Консульская международная комиссия, объезжавшая Боснию и Герцеговину, и нота Андраши зажгли эти провинции, и пламя неудержимо распространилось на Черногорию, Сербию и, наконец, на Болгарию. У нас же народное чувство заговорило потому, что оно сказалось в сферах самой верховной власти. Толпы добровольцев устремились в Сербию, как на подвиг самопожертвования во славу России, в чем убеждало всех сочувствие царя. Но, поддерживая движение и разжигая его дальнейшими дипломатическими эволюциями, мы не могли одними толпами добровольцев существенно помочь Сербии в завязавшейся борьбе ее с Турцией. Только слово русского царя могло спасти ее от окончательного разгрома. Но уже в то время начались «болгарские ужасы», о которых с возмущающими душу подробностями повествовала даже не столько русская, сколько заграничная печать, особенно английская, имевшая своих специальных корреспондентов на местах событий. К несчастью, наша политика следовала по пути полумер, которые всегда только разжигают и усиливают зло и никогда к добру не ведут. У нас стояло 150.000 войска на Пруте, в виде демонстрации, которая только помогла Турции собрать все свои боевые силы и организовать их достаточно для того, чтобы впоследствии оспаривать победы у наших войск. Мы пропустили все благоприятные моменты, чтобы нанести Турции сокрушительный удар, если хотели действовать; но не имели решимости воздержаться от бесплодной европейской суетни, если действовать не хотели. В то время, когда наша мобилизованная армия стояла на Пруте, а Турция вооружалась, мы после вызванного нами совершенно бесплодного, или, вернее, вредного Берлинского меморандума, засели в Константинопольской конференции, где сами выбросили за борт, одно за другим, все наши требования, начиная

¹⁾ Граф Андраши Ю. — министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1869—1879 гг., впоследствии член верхней палаты.

е весеннего занятия Болгарии и кончая турецкими жандармами. Нам было во всем отказано, конференция разошлась безуспешно, и война началась после того, как Турция, уже достаточно вооруженная и ободренная другими державами, презрительно отказалась принять из наших рук известный Лондонский протокол, в котором мы объявляли ей, что отказываемся ото всех требований и предоставляем ей самой устроить свои дела. Причем же тут была русская печать? Она, конечно, не могла оставаться равнодушною ввиду событий, которые затрагивали и наше пародное и просто человеческое чувство, от царской семьи до крестьянской избы. Моя газета молила только о том, чтобы прекратили дипломатическую игру, которая сопровождалась такими страшными расплатами со стороны населения Балканского полуострова, за которые мы вступились. Вообще же в нашей печати, за исключением каких-нибудь двух органов, господствовало в то время направление скорее растлевающее, нежели возбуждающее патриотизм. Народный энтузиазм не ослабевал единственно потому, что всеми чувствовалось, что, при всем слабодушии нашей дипломатии, царь чувствует высоко и что занесенный им меч России опустится, наконец, для сокрушительного удара. Ультиматум его величества, прекративший сербо-турецкую войну, и многознаменательные сильные слова, сказанные во всеуслышание в Московском Кремле, вот что поднимало в народе дух, вот что наполняло всех уверенностью в неизбежности решительных событий, а не газетное разжигание страстей, чего вовсе не было.

Русский монарх едва ли может сам вполне представить себе, каким могуществом обладает его слово.

Ответ вашего величества на телеграмму бывшего князя болгарского произвел на всех потрясающее действие, которое трудно описать. Вот что в последнее время подняло у нас народный дух далеко выше обычного уровня! Но дальнейший ход дел в Болгарии не мог не волновать и не оскорблять столь высоко настроенного в обществе чувства. Каждый день бросал в русскую публику массу телеграмм из Софии, из Вены, из Берлина, из Лондона. Ежедневно, как бы насильно вторгаясь в уши каждого, слышались слова вражды к России, поругания ее чести, лжи, угроз, даже со стороны тех самых правительств, с которыми мы состоим в союзе. Могло ли русское чувство оставаться спокойным? Я не имел духу помещать в своей газете иные из подобных телеграфных сообщений, что однако не мешало им появляться во всех других газетах. Дорожа патриотическим чувством в обществе и боясь всего, что могло уронить его, я насколько мог давал отпор вражде во имя истины, интересов и чести России. Для того, чтобы отвлечь общественное внимание от оскорблявших его болгарских событий, я воспользовался возникшим экономическим вопросом, хотя не маловажным, но второстепенным, о нормировке свеклосахарного производства, постарался придать ему интерес и размеры патриотического все-российского вопроса и радовался, что возбужденное патриотическое чувство нашло себе удовлетворение в правдивых царских решениях, полагавших конец ухищрениям своекорыстной агитации.

Вначале было всеобщее ожидание оккупации Болгарии, но потом, когда стало положительно сведомо, что военного занятия не предполагается, я прекратил об этом всякую речь и возбудил вопрос о возможности движения в самой Болгарии против крамолы, захватившей в ней власть, причем имел счастье доводить до сведения вашего величества о решимости укрывшихся в России преданных ей болгарских офицеров возвратиться

на родину в надежде поднять болгарскую армию. Это был наилучший или, вернее, единственный остававшийся для нас исход. И справедливость и политика равно требовали, чтобы верным приверженцам России был прежде всего оказан радушный прием, привет и даже некоторый почет, чтобы поднять их дух и их примером подействовать на их товарищей в Болгарии. Перед государем я должен говорить с полною откровенностью. Осмелюсь сказать, что и в этом случае исполнители воли вашего величества были далеко не на высоте задачи. Офицером уже заслуженным, в том числе питомцам наших военных академий, русским по духу и языку людям, жертвовавшим не только выгодами своего положения, но и самую жизнь в интересе России, был оказан пренебрежительный прием. С ними обращались, как с людьми опасными, их честили революционерами и мятежниками. Мятежники против верховной власти Стамбулова и Муткурова ¹⁾. Приходилось собирать по дворам подаяния, чтобы даже прокармливать этих людей. Обращение с ними подало болгарским правителям, которые имеют своих шпионов в Петербурге основание ставить в своих газетах на вид их товарищам в болгарской армии, как мало Россия ценит своих приверженцев и как презрительно к ним относится. Вместо того, чтобы искавшим убежище в России офицерам широко открыть ряды русской армии, им дается чувствовать, что в них видят элемент вредный и что их примут неохотно, с опасением, на невыгодных условиях. Капитан Кождхаров, один из офицеров, находясь теперь в Петербурге, изъявил желание слушать лекции в Военной юридической академии и встретил затруднение ²⁾. Другой капитан — Каракановский ³⁾, которого брат состоит врачом при русском посольстве в Константинополе, желал поступить в Артиллерийское училище; ему было отказано. И это в то время, когда требовалось привлечь к России офицеров болгарской армии! Если бы план движения удался, то Россия действительно вышла бы с полным торжеством из затруднений, которые причиняют ей столько забот и грозят ей новыми осложнениями в будущем. Для достижения этой цели нельзя было щадить ни средств, ни усилий, но наша администрация действовала в этом, как и во многом другом, более согласно с видами наших противников, нежели с интересами нашей политики. Мы не только не привлекали к себе, но с удивительным усердием отталкивали от себя верных России людей, известных и пользующихся всеобщим уважением на родине, даже между своими противниками, которые ничего не пожалели бы, чтобы привлечь их опять на свою сторону. В то время как русский посол в Вене почтил приемом и визитом депутацию враждебной нам части Болгарии, от представителей ее верной части в Петербурге, от таких почтенных людей, как майор Груев ⁴⁾, находящийся теперь в Петербурге, власти презрительно отвертываются. Дипломатическая администрация, вместо того, чтобы сосредоточить все свои усилия и не щадить средств на дело, признанное верховною властью, как наилучший исход из затруднений, относится

¹⁾ Стамбулов — председатель народного собрания в 1884—1887 гг., министр-президент Болгарии в 1887—1894 гг.; Муткуров — член временного правительства Болгарии.

²⁾ Сейчас слышу, что по чьему-то усиленному ходатайству он, наконец, допущен к слушанию лекций. (Примечание в подлиннике).

³⁾ Уехал в Одессу. (Примечание в подлиннике).

⁴⁾ Офицер болгарской армии — организатор низвержения Александра Батенбергского.

к нему украдкой и более старается замять его, нежели дать ему ход, чтобы не рассердить Бисмарка¹⁾.

В военном министре²⁾ ваше величество имеее верного слугу, русского по чувству, но никто не решится сказать вполне то же самое обо всех влиятельных в военной администрации лицах, мнения которых своим авторитетом, не всегда основательным, могут более или менее легко пере-лажививать собственное мнение министра.

Незгоды не охладили однако решимости честных людей, искренно преданных России болгарских офицеров, русских по духу и образу мыслей, какими я знаю их. Судя по письму капитана Бендерова³⁾, только что полученному из Букурешта, они не отчаиваются в успехе, хотя трудности дела усилились, особенно после того, как охрана русских подданных и приверженцев России перешла к германским консульствам.

Что касается специально германской политики по отношению к болгарскому движению в пользу России, то вот характеристический факт: в тот самый момент, когда барон Каульбарс⁴⁾, по объявленной ему воле вашего величества, принялся усердно, как мог в своих трудных обстоятельствах, поддерживать болгарское движение, — в самом близком органе германского канцлера «Norddeutsche Allegemeine Zeitung», где иногда появляются заметки, им самим диктованные, на барона Каульбарса вдруг посыпались язвительные порицания; он выставлялся эмиссаром какой-то панславистской партии, а шайка болгарских узурпаторов восхвалялась, как серьезное и разумное правительство. Если бы политика германского канцлера была доброжелательна к России, он не имел бы причины злобствовать против болгарского движения в ее пользу, и если бы не содействовал ему, то оставался бы, по крайней мере, нейтральным.

Руководитель германской политики, очевидно, менее всего желал бы видеть возвращение Болгарии ее собственным движением под сенг России. В его расчеты не входит, чтобы Россия вышла из затруднений своими способами или в силу естественных связей, соединяющих ее с болгарским народом; ему нужно, чтобы она возложила все свои надежды на Германию, хотя помощь ей Германии в этом деле может быть лишь чисто фиктивная, состоящая только в том диктаторском авторитете, который приобрел ее голос благодаря ничему иному, как ее союзу с Россией. Бисмарк великодушно признает те права, какие Россия уже имеет, и посоветует болгарским узурпаторам покориться тяжким обстоятельствам и наружно поладить с Россией. Но если бы Германия оказала нам и более действительную помощь для восстановления наших прав в Болгарии, то в этом отнюдь нельзя было бы видеть благоприятный для России исход. Это вывело бы из хлопот наше дипломатическое ведомство, но не Россию из ее затруднений. Это было бы то же самое, что в финансовом управлении благовидное сведение цифр, не соответствующее действительному положению хозяйства в стране и достигнутое мерами изнурительными, поражающими самые источники финансового процветания. Восстановление авторитета России в Болгарии по чужой милости, как бы благодаря покровительству другой державы, не даст результатов надежных и прочных. От одного этого, еще

¹⁾ На полях против конца этого абзаца помета Александра III: «Все это совершенно неверно. Ложь».

²⁾ Ванновский П. С., ген.-ад., ген.-от-инф., военный министр в 1881—1898 гг., министр нар. проsv. в 1901—1902 гг.

³⁾ Офицер болгарской армии — один из участников низвержения Александра Баттенбергского.

⁴⁾ Каульбарс А. — русский генерал, военный министр Болгарии в 1882—1883 гг.

более, чем от вражеской смуты, обаяние величия России может только умалиться как в Болгарии, так и на всем Востоке и в самой России.

Некоторое право на суждение о политических делах дает мне непрерывное в продолжение тридцати лет наблюдение за их ходом. Я имел время изучить политических деятелей и партии нынешней Европы, их ходы и стратagemы. С князем Горчаковым, который во все минувшее царствование управлял иностранными делами империи, я сблизился еще в 1863 году. Это был год польского мятежа, европейской коалиции, общественного у нас брожения после реформы 19 февраля 1861 года и, что хуже, предательских доктрин в самих правительственных сферах. Бог помог мне тогда сказать слово убеждения и правды, которое дошло до престола. Дело это было нелегкое. Почти ежедневно, с выходом почти каждого номера моей газеты, являлся я ослушником правительства и как бы мятежником. Цензура запрещала мои статьи; повинуюсь высшему долгу, я печатал их и заранее покорялся всем последствиям. Злоба кипела и надо мною и вокруг, но не смела коснуться меня, потому что мое запрещенное слово встречало одобрение государя. Правда раскрывалась перед его величеством неумолчно, каждый день, и скоро оказала свое действие на направление наших дел. Путь слабодушия, который неизбежно вел нас к разгрому, был покинут, наступавшим на нас державам дан был отпор в их требованиях; против мятежа были приняты решительные меры; в Вильну послан был Муравьев ¹⁾; патриотическое чувство охватило все слои общества; постыдные доктрины умолкли; брожение, вызванное крестьянскою реформою, утихло, и все слилось в народном энтузиазме, благодаря которому облегчилось в дальнейшем ходе исполнение крестьянской реформы. Со всех сторон, ото всех сословий, ото всех общественных групп неслись к престолу изъявления преданности и готовности всем жертвовать на защиту отечества. Во всей России был истинный народный праздник. Я ли был тому виновником? Мне принадлежит только заслуга бестрепетного свидетельства правды перед государем. Мое слово осталось бы бессильным и бездейственным, если бы русское чувство, которого я был только проводником и выразителем, напрасно искавшим вокруг себя более способных и сильных союзников, не сказалось в сердце и разуме царя. Торжество России, ее победа над коалицией, над мятежом, грозившим целостности государства, наконец, этот благодатный патриотизм, укрепивший правительство и облегчивший все дела, все это было делом государя, который, отбросив советы слабодушия и коварства, последовал ничему иному, как своему сердцу и разумению. Если бы не великодушное решение царской совести, то мое слово замерло бы в своем ничтожестве и осталось бы только в архивах для будущего историка, как курьезный факт. Покойный канцлер, после успеха, который он приписывал главным образом слогу своих депеш, упоенный славой, принял меня с распростертыми объятиями, но я всегда оставался с ним в отношениях простого знакомства, не добиваясь чести быть его поверенным и еще менее органом его политики, а также не имел в виду навязываться ему с своими советами. Что я чувствовал и думал, то я высказывал с совершенною независимостию публично. Свой долг и свою совесть я полагал всегда в том, чтобы служить хозяину, а не слугам его, но усердно способствовал им, когда убеждался в их верности интересам хозяина.

¹⁾ Муравьев М. Н. — вилениский генерал-губернатор в 1863—1865 гг., прославившийся жестокими расправами с польскими повстанцами. («Муравьев-Вешатель»).

В последний раз я виделся с князем Горчаковым почти накануне объявления войны и был поражен легкомыслием, чтобы не сказать хуже, руководителя русской политики в этот критический момент. Наш канцлер был тогда в ожесточенной вражде с германским по вопросу о том, кто из двух канцлеров более великий человек. Нашей поддержке Германия была обязана своими громадными успехами, своим политическим преобладанием в Европе — и что же? В роковую минуту, когда нам необходимо было обеспечить свой фланг и испытать дружбу Германии, руководитель нашей политики перебранивался с Бисмарком и избегал всяких с ним объяснений по делам государства, чем и дал потом Бисмарку право сложить на нашу дипломатию ответственность за то, что со стороны Германии, в трудные минуты, мы не встретили того, чего могли ожидать. «Я не знал намерений России и не мог быть более русским, чем сами русские», говорил он. Когда поднимался восточный вопрос, с которым соединяются самые важные интересы России, наш канцлер вдруг зачем-то вспомнил о Франции, о которой забыл в 1870 году. Никто не поверит, что накануне событий столь великой для России важности руководитель ее политики думал не о крови, которая должна была пролиться, а о том, как бы не повредить интересам папы и его тогдашней борьбе с Бисмарком. «Я не хочу вступать в объяснения с Бисмарком: он, я знаю, потребует, чтобы я пожертвовал ему папой, а для меня свобода совести выше всего», задальчиво сказал князь Горчаков, после чего мне осталось только раскланяться с ним.

Думают, что я находился в некоторой солидарности с министерством иностранных дел в его нынешнем составе. Считаю долгом засвидетельствовать перед вашим величеством, что это неверно. Я знаком с министерством иностранных дел, как и со многими из правительственных лиц, но вовсе не близко и не думаю, чтобы мог сойтись с ним в образе и тоне моих мыслей. Ближе знаком я с начальником азиатского департамента ¹⁾, но и к нему отношения мои не идут далее пределов доброго знакомства. При встречах мы не могли не касаться вопросов, равно интересовавших нас и всех. Это ревностный сотрудник министра, вполне солидарный с ним во взглядах. Между нами не возникало споров, но из сношений с ним я все более и более убеждался, что меня разделяет с ним существенное разномыслие касательно задач и способов политики, требуемой интересами России. Ни он, ни министр, ни кто-либо иной в дипломатическом ведомстве никогда и не пытались навязывать мне свои воззрения или оценки. Ни одна статья в моей газете не была писана по внушению из министерства иностранных дел. В интимные виды нашей дипломатии меня никто не посвящал, и я знакомился с ними только из хода событий. Иногда при свиданиях сообщались мне известия о некоторых текущих событиях, какие могли доходить до меня и другим путем. Доставлялся мне для прочтения ничего не значащий бюллетень, составляемый в канцелярии министра и рассылаемый в литографированных оттисках к нашим дипломатическим представителям за границей. Раз только я получил из министерства сообщение, которым воспользовался для газеты, именно о замысле принца Александра Баттенберга вступить в брак с дочерью германского кронпринца. Вот и все. Но то, что было бы мне действительно полезно принять своевременно к сведению, утаивалось, несмотря на мои расспросы, и узнавалось мною впоследствии другим путем. Когда нынешний министр иностранных дел вступал в должность, только и слышно было, что о неизбежности войны с Германией. Невозможно было

¹⁾ И. А. Зиновьев.

представить себе более бессмысленной агитации в то время, когда Россия сама не имела и не подавала с своей стороны ни малейшего повода к войне с Германией. Нужно было отрезвить общественное мнение от толков, которыми могли пользоваться только дурные партии. Поляки уже составляли планы, как воспользоваться ожидаемым столкновением. Агитация была тем опаснее, что наше общество находилось тогда в состоянии взбудораженном, ежедневно ожидая каких-либо сюрпризов. Я считал своим долгом высказаться самым энергическим образом против агитации, которая, конечно, к войне привести не могла, но держала умы в бессмысленном возбуждении. Я высказывался сочувственно ввиду стараний министерства иностранных дел устранить оставшиеся после покойного канцлера недоразумения между обеими соседними державами, и сам в своих статьях побуждал к тому нашу дипломатию. Мои статьи нашли себе благодарный отголосок в Берлине. Но что я высказывал тогда, то могу сказать и теперь. Как тогда, так и теперь, я не имею ничего враждебного на уме относительно Германии. Как тогда, так и теперь считаю благом для обеих держав установление между ними добрых, ясных, правдивых отношений. Вот почему я высказывался с сочувствием о Скерневичском свидании в полной уверенности, что дружеская встреча трех монархов прекратит чуждые толки о войне, которая будто бы должна была неминуемо и немедленно вспыхнуть. Меня только тревожила мысль, не имелось ли в виду воспользоваться благоприятным моментом дружеских изъявлений, чтобы выманить у нас в обеспечение мира, будто бы кем-то угрожаемого; возобновление Тройственного союза или заключение иного договора в этом роде. Не раз спрашивался я тогда и после в наших дипломатических сферах: не имеются ли в виду или не заключены ли какие-либо обязательства с Германией и Австрией? Мне говорили самым решительным образом, что ничего связывающего свободу действий России ни написано, ни подписано. Я тем охотнее верил этому, что, на основании некоторых данных, был убежден, что ваше величество, не имея в виду начинать политику действия, не видели надобности в сепаратном договоре с Германией и не желали возобновления договора 1881 года, который был только подписан в начале царствования вашего величества, а проектирован и выработан при конце минувшего царствования. Тогда дипломатия спешила заключением этого договора, который связывал новое царствование прежде, чем могла сказать его мысль и обозначиться направление. Заключение этого договора представлялось как бы уплатою долга минувшего царствования. Та же дипломатия в 1884 году, когда мысль царствования уже достаточно обозначилась, поспешила воспользоваться благоприятным моментом, чтобы угодить нашим друзьям, и обставила дело так, чтобы Тройственный союз был возобновлен еще на три года. Содержание договора стало мне известно впоследствии помимо министерства иностранных дел. Тут я понял, почему от меня скрывалось самое существование этого документа.

Нет однако худа без добра. В последнее время мы на деле извели плоды этой удивительной комбинации. Теперь всякий видит, как обеспечил этот Тройственный союз наши интересы на Востоке. События последних лет свидетельствуют красноречивее и убедительнее всяких рассуждений. Несчастливая война не могла бы причинить нам больший ущерб, чем этот союз, заключенный для обеспечения мира. Шаг за шагом, мы вытеснены с Балканского полуострова и видим себя в тяжких затруднениях. Сербия почти стала вассальным владением Австро-Венгрии. Сама Черногория волею или неволею поворачивается туда же. В Румынии и Греции авторитет и

кредит России упал. Что происходит в Болгарии, всем известно. Для чего же был нужен нам этот союз? Кому послужил он в пользу? Можно было утешать себя надеждою, что заключение Тройственного союза послужит полезною комбинацией на то время, пока Россия, по своим соображениям, не считает удобным выступать активно для разрешения восточного вопроса, что этот союз может служить полезною задержкой этого вопроса, пока мы не готовы. Мы теперь видим, кому эта комбинация оказалась полезной; мы видим, что Россия придется современем не то что итти далее, но вновь завоевывать то положение на Востоке, которое уже было куплено ею столь тяжкими жертвами. Восточный вопрос уже эскамотируется, и дело будет неоправдимо, если мы так или иначе, снова вступив в ту же комбинацию, дадим связать себя.

В чем заключается сущность этой неслыханной комбинации? В обязательстве согласоваться с интересами, заведомо и во всех пунктах нам враждебными, при посредстве и арбитраже третьего лица, заведомо солидарного с нашим противником, который хочет нас выжить из нашего достояния и занять наше место; еще в обязательстве дружить нашему противнику и нашему мировому посреднику в случае столкновения с кем-либо того или другого и таким образом навлекать на себя вражду их врагов. Зато дается нам право воевать с Турцией и проливать сколько угодно нашу кровь, если Турция пособит нашему врагу вломиться к нам в дверь. Самое существование такой комбинации, самый акт вступления в нее есть уже как бы развенчание великой державы. Лучше просто покинуть места нашего влияния на Востоке, чем давать выживать себя из них таким образом. Мудрено ли, что после тройственного договора 1881 и 1884 гг. Россия утратила естественное к себе уважение среди единоверных ей народов, которые ей обязаны своим политическим существованием?

Обращаясь к прошлому, нельзя не заключить, что самые толки о войне с Германией возбуждались в интересах бисмарковой политики и имели, как и теперь имеют, тот смысл, чтобы понудить Россию войти в эту убийственную комбинацию мира, более пагубную, чем война.

Впрочем Бисмарк, теснимый обстоятельствами, при теперешнем положении Европы, не прочь предложить нам и сепаратный союз помимо Австрии. Если б он был помоложе и нашел бы с кем говорить, он был бы непрочь пожертвовать Габсбургскою империей. Наше столкновение с нею было бы в его видах, причем, не двигаясь с места, он львиную долю рассчитывал бы удержать за Германией, предоставляя нам весь риск борьбы и как можно менее выгод успеха. Ваше величество, за три года пред сим, сколько мне известно, мудро уклонились от сепаратного договора с Германией. Россия не была готова тогда выступить с активной политикой. Не то ли же самое и теперь? Если не предполагается действовать немедленно, то к чему послужило бы нам сепаратное соглашение с Германией ввиду борьбы с Австрией? Такое соглашение могло бы казаться для нас выгодным, если бы мы стояли наготове и искали бы только случая нанести удар противнику. Но и в этом случае сепаратное соглашение с Германией было бы бесполезно, так как она, ввиду вооруженной Франции, и без того не могла бы двинуться и была бы сама собою вынуждена оставить Австрию под нашими ударами. К чему же это соглашение, которое, в сущности, ничего бы нам не давало, а нас не только обязывало бы какими-либо весьма реальными услугами, но и компрометировало бы наше положение в Европе? В борьбе нашей с Австрией, несомненно, приняла бы участие Англия, наш вечный и неутомимый враг, морские силы которой находят себе противовес только в мор-

ских силах Франции, которая нашим тесным союзом с Германией была бы поставлена прямо в неприязненные к нам отношения.

Если же не предполагается начинать в скором времени активную политику на Востоке для окончательного разрешения восточного вопроса, то сепаратный союз с Германией, будто бы развязывающий у нас для этого руки, не только утратит смысл, но и обратится нам прямо во вред. В течение нескольких лет состояние Европы изменится, появится новая группировка держав, политика германского канцлера, если он будет здравствовать, будет неутомимо действовать в своем смысле, при обеспечении со стороны России. Кто знает, что может случиться не только через десять лет, но и через три года? Верно только то, что во всей Европе не будет ни одной державы, от которой могли бы мы ожидать действительной помощи в случае надобности. Прикованные к Германии, мы очутимся в изолированном положении. Она будет пользоваться всеми выгодами бесплодного, изолирующего нас союза с нею, мы же похеем все его невгоды и будем во всех жизненных интересах наших в тягостной, изнурительной и опасной зависимости от чужой политики и от чужого хозяйства.

Бисмарк неоднократно говорил как в дипломатической корреспонденции, так и в парламенте, что ему неизвестно, чего Россия хочет, желая сказать этим, что Россия сама не знает, чего хочет. Действительно, мы сами еще не знаем, чего мы хотим. Мы действуем лишь инстинктивно, и потому выходит такой разлад между нашими воззрениями и действиями и вследствие этого столько недоразумений, столько роковых ошибок, столько напрасных жертв. Давно ли в наших умах начали просвечивать здравые понятия об основных началах нашего государственного устройства? Давно ли не только на профессорских кафедрах, но и в высших правительственных сферах, предпринимаются и приводятся в исполнение обширные реформы, — мы безумствовали, отрекаясь от своей истории, от самих себя, и сами налагали на себя руки?

Если мы еще неясно понимаем себя самих, то мудрено ли, что у нас нет ясной программы в международных вопросах? Мудрено ли, что мы не знаем, чего хотим на Востоке, не знаем, что нас связывает с этим Востоком, к которому мы инстинктивно тяготеем с первого момента нашей исторической жизни? Какой же торг возможен между двумя сторонами, из которых одна очень хорошо знает, чего она хочет, а другая может ежеминутно изменить себе, сама того не замечая? Где тот министр, который, при господстве у нас чужих понятий, при неустановившейся русской точке зрения, мог бы войти в подобный торг с таким дельцом, как Бисмарк, в точности знающий, что ему надобно, и так отлично умеющий пользоваться недоразумениями и слабостями людей?

В настоящую пору для России, не расположенной действовать, всего проще и всего выгоднее не вступать ни с кем в обязательства, не имеющие определенной цели. Оставаясь свободными, мы будем сильнее, чем при союзе такого свойства, какой может, при наилучших условиях, предложить нам Бисмарк, союзе, заключаемом про запас, а не для совместного действия ввиду ясно определенной цели. Германия боится нашего союза с Францией, но мы не нуждаемся в союзе с Францией, подобном тому, какой Германия желала бы заключить с Россией. Но настоятельно требуется, чтобы Россия находилась в столь же добрых отношениях к Франции, как и к Германии. В этом не было бы ничего угрожающего для Германии, этим она была бы только поставлена на свое правдивое место в европейской системе. Наши равно дружеские отношения к обеим, неприязненно одна к другой настроен-

ным державам, могли бы быть полезны для обеих. Россия, во всяком случае может быть более бескорыстным посредником, более честным маклером между ними, чем Германия в нынешнем Тройственном союзе между Россией и Австрией. Свободное положение России несравненно лучше обеспечило бы европейский мир на долгое время; оно лучше обеспечило бы повсюду и наши интересы. Россия могущественная; опирающаяся на себя, а не состоящая под покровительством другой державы, вернее поднимет свой авторитет и на Балканском полуострове, и там снова заставит уважать себя. Ее достойное положение в Европе поднимет дух и в ней самой, внесет в нее новую жизнь, укрепит власть и разъяснит пути в ходе наших дел к лучшему; между тем как положение приниженное и подчиненное, под чужой опекой, будет неизбежно сопровождаться упадком духа и болезненными явлениями. Нет ничего обманчивее политики отвлеченных принципов. Для русских государственных деятелей обязательен только один принцип, единственно верный и плодотворный: сама Россия. Тут все сказано: и наша вера и наше самодержавие. Русская политика в пути не ошибется, если, не развлекаясь ничем, будет заботиться лишь об интересах и достоинстве России. Этим послужим мы и к укреплению православной церкви и к возвеличению монархического начала вернее, чем союзами в ущерб России под обманчивою фирмою монархических.

Августейший дед вашего величества, император Николай, как скажут, говаривал: «Я понимаю республику, но не понимаю лжи конституционных монархий». В самом деле, не лучше ли простое отсутствие монархического начала в стране, его лишившейся или до него не дошедшей, нежели его лживое подобие? Для нас монархическое начало истинно и свято лишь в том значении, какое сообщается ему нашею восточною церковью и историческими судьбами России.

Францию нельзя вычеркнуть из судеб мира, она имеет в них слишком большое значение. Страна эта пережила много кризисов. Кто скажет, как она выйдет из нынешнего, и что далее будет? Но нельзя сомневаться, что дружелюбные отношения к ней России будут иметь благодетельные для нее последствия. К России обращаются ее симпатии, и в настоящее время только к России может она тяготеть. Это тяготение не есть искусственно подготовленное дело; это не есть политический маневр. Это народный инстинкт, который обнаруживался в разные времена, при всех формах правления и вопреки политике. Вследствие политических причин оба народа нередко сталкивались, но после борьбы противники расходились друзьями, и в народном чувстве ни с той ни с другой стороны не оставалось озлобления. Дело в том, что у обоих народов нет соприкасающихся интересов. Им не в чем делиться между собой. Они никогда не въедались друг в друга. Они идут слишком разными путями и потому могут относиться один к другому без задних мыслей и корыстных расчетов. Есть, правда, один важный интерес, который политически сталкивал оба эти народа, именно на Востоке. Франция есть главная римско-католическая держава, она старшая дочь западной церкви. Ее правительства ставили своим долгом ратовать за интересы папства; на Востоке же мы беспрерывно сталкиваемся с наступающею на нас папской пропагандой, которая пользуется в своих видах всякой возникающей против нас враждой. Но, как нарочно, Франция находится именно теперь в разгаре борьбы с папством. Прискорбно то, что этой борьбой овладело современное неверие, сообщая ей ожесточенный характер вражды против религии, что, надо надеяться, минует. Ту же борьбу видим мы и в Италии; та же борьба, под именем культурной,

недавно кипела в Германии, сопровождаемая аналогическими явлениями. Свойство западной церкви, организованной политически и одержимой властолюбием, таково, что она повсюду находится в соперничестве с государственною властью, то воюя с нею, то устанавливая договорные с нею отношения. В настоящее время мы можем быть, по крайней мере, уверены, что Франция не будет на Востоке руководиться клерикальной политикой, чего нельзя было бы с уверенностью сказать в случае монархической реставрации во Франции, при воцарении Орлеанской династии, к тому же породе инойся с королем фаптагической Польши.

При естественном тяготении к нам Франции, тяготении, в которое невольно вовлекаются более или менее все ее элементы, каждый по-своему, будет тем хуже, если мы оттолкнем национальное чувство великой нации в его естественном влечении. Обращенные вспять народные симпатии переходят в ожесточенную ненависть. Наше свободное сближение с Францией, конечно, более, чем сближение с Англией, поднимет в ней государственный дух, ободрит лучшие силы, усилит консервативные элементы, само собою поможет установлению прочного правительства, между тем как оттолкнутая нами страна эта, при всякой другой комбинации, неизбежно будет игрой политическими интриг и очагом смут. Благодаря свободному сближению с Россией Франция займет в Европе свойственное ей почетное место, и ее раздраженное самолюбие успокоится вернее, чем под задором угроз вооруженного противника.

С нашей стороны требуется только всячески остерегаться, чтобы не затронуть национального самолюбия, не вмешиваться во внутренние дела страны, не связываться ни с какой партией и не упускать никакого случая доказывать на деле наше доброе к ней расположение поддержкою ее политики в справедливых требованиях, какими нельзя не признать, например, ее интересы в египетском вопросе. А наконец, если б оказался общий у нас и у нее враг, почему не могли бы мы тогда согласить с нею наши действия? С нашей стороны требуется только, чтобы иностранные дела наши были ведены способно и твердою рукой и чтобы министерство иностранных дел никогда не становилось иностранным министерством русских дел.

Общий враг и теперь уже обозначается, если только мы ошибочной политикой не заставим Францию поладить с ним. Этот враг — Англия, в борьбе с которою только Франция во всей Европе могла бы нам быть полезным союзником. Уже одна серьезная и близкая к осуществлению возможность совокупного действия России и Франции может всякую вражду смирить или раздавить в самом зародыше.

Со стороны Англии мы можем ежеминутно ожидать всякой злой выходки. Грозное предостережение Турции в газете лорда Солсбери, новая интрига с принцем Баттенбергом, быть может, предвещают с этой стороны новые осложнения в болгарских делах.

Теперь, смею думать, было бы делом своевременным дать чем-нибудь почувствовать нашему врагу твердость нашей политики. По воле вашего величества, я поднял в моей газете вопрос о парижской декларации. Заявление о ее для нас необязательности было бы теперь добрым для Англии предостережением. Что же последовало за возбужденным вопросом? Возражений в печати не появилось, но, сколько мне известно, было в министерстве иностранных дел совещание по этому предмету, в котором оратор министерства, профессор Мартенс, слепой поклонник чужих доктрин, вопреки неоспоримым доводам и убеждениям здравого смысла, высказался за обязательность парижской декларации, и вопрос был замят. А между

тем Англия, ввиду возбужденного в русской печати вопроса, поспешила ради демонстрации завербовать Японию, уговорив ее приступить к парижской декларации. Вот чем нередко кончаются возбуждаемые с русской точки зрения вопросы: оставаясь без последствий для нашего дела, они только расшевеливают наших противников и побуждают их принимать свои меры.

Я высказался пред вашим величеством без утайки, со всею откровенностью верноподданного, исполняющего по совести свой долг. Я мог высказаться лишь вкратце, но на все могу дать самые точные и полные разъяснения. Я далек от дерзкого помысла склонять волю вашего величества к тому или другому решению. Вся моя забота только о том, чтобы дело величайшей важности для славы вашего царствования и для блага отечества, окруженное западнями, было видимо со всех сторон и во всех его изгибах, так, чтобы ничего неясного или сомнительного не оставалось для вашего величества. Затем поступите, государь, как скажет вам сердце ваше. Что оно скажет, то и будет свято, а затем — что бог даст.

Вашего императорского величества верноподданный

Михаил Катков.

26 декабря 1886 г.

Всеподд. записка министра внутр. дел гр. Д. А. Толстого Александру III
28 декабря 1886 г.

По поводу возвращаемой у сего записки Каткова позволю себе высказать пред вашим императорским величеством несколько мыслей о нашей иностранной политике, потому что она имеет сильное влияние на наши внутренние дела, а эти последние, в свою очередь, на нее.

Не бывши никогда дипломатом, я не почитаю себя в праве судить безошибочно о наших внешних сношениях, тем более, что о самых важных в настоящее время дипломатических актах, именно о секретных конвенциях с германским и австрийским правительствами, знаю только по слухам, самих же конвенций не видал и не читал. Но, просто как русский человек, я не мог не обдумывать, в каком положении желательно и возможно, чтобы Россия находилась к другим державам с выгодою для нашей страны.

В этом смысле мне предоставляются, как и Каткову, нынешние международные связи как бы временными, только удерживающими окончательное решение главнейших затрагивающих их вопросов: для Германии — решительный расчет с Францией, для России — разрешение восточного вопроса. В этом смысле и в это время дружественные отношения наши с Германией и Австрией могут быть для нас только выгодными потому, что мы пока не готовы к европейской войне ни по укреплению нашей западной границы, ни по финансовым средствам. Но если взглянуть в самую сущность союза трех держав, то нельзя не признать его противуестественным: конечная цель Германии не может быть иная, как поглощение немецкой части Австрии, вместе с Веною, без чего нет единства Германии, как не было создано единство Италии, пока она не овладела Римом; в этих видах, вытеснив Австрию из Германского союза, князь Бисмарк толкнул ее на Восток; здесь же наши интересы, как в политическом, так и в религиозном отношении, диаметрально

по с нею противоположны. Может ли быть прочен и долговечен союз, основанный на таких ненормальных началах? Поэтому, кажется, при таком, так сказать, временном положении дел, еще более тесный союз с Германией, в форме сепаратного с нею акта, едва ли может быть желательным. Давно уже Бисмарк мечтает о том, чтобы Россия поручилась за неприкосновенность германской территории со стороны Франции, давно желает он разгромить ее окончательно и, под этим условием, готов был бы, вероятно, предоставить нам полную свободу действий на Востоке. Но, при иных обстоятельствах, не создавая под боком нашим могущественнейшей державы, мы могли бы получить такую свободу действий и без него, не жертвуя нашими добрыми отношениями с Францией. Конечно, теперь не может быть и речи о сближении с нынешним французским правительством, но в случае европейских осложнений оно, пожалуй, сделается неизбежным, особенно ввиду вызывающих и задорных действий Англии, этого исконного врага России, с которой и Франция имеет свои счета по Египту. По этим соображениям, мне кажется, нельзя не разделять мнения Каткова, что Россия должна сохранить за собою свободу действий, не связывая себя невыгодными для нее сепаратными трактатами.

Иногда, стоя далеко от известного рода дел, видишь их довольно ясно, именно потому, что смотришь на предметы не пристально, а в некотором отдалении; вот почему только вовсе чуждый дипломатии осмеливаюсь представить эти взгляды на благоусмотрение вашего императорского величества.

Граф Дмитрий Толстой.

Всепопд. записка М. Н. Каткова Александру III 8 января 1887 г.

Всемиловейший государь.

Ввиду особенной важности дела, не терпящего ни огласки ни промедления, осмеливаюсь непосредственно повергнуть на благоусмотрение вашего императорского величества прошение майора болгарской службы Груева.

Я уже имел счастье свидетельствовать пред вашим величеством о преданных России болгарских офицерах и деле, которому они самоотверженно обрекли себя. Майор Груев занимает между ними первое место. Авторитет его бесспорно признается всеми. По своим нравственным качествам он пользуется в Болгарии всеобщим уважением. Мало сказать, что он — искренний приверженец России, он — вполне русский по чувству и образу мыслей и притом замечательно умный, образованный и политически зрелый человек. Я хорошо разузнал его, так же как и многих единомышленников с ним его товарищей, и говорю с полным убеждением. По письмам из Букурешта от его ближайшего друга и единомышленника, пользующегося особым авторитетом в болгарской армии, капитана Бендерова, приспело время начать решительные действия. «В Букурешт, — пишет он, — прибыли почти все офицеры эмигранты из России, исключая немногих, которые остались в Одессе. Все прибывшие распределены по разным пунктам и в непродолжительном времени разовьют кипучую деятельность. Мы решились употребить все усилия, истощить всю энергию для успеха

дела. Мои надежды расчитаны на смелость, храбрость и честность наших эмигрантов. Если наше дело не увенчается успехом, то мы, по крайней мере, умрем с чистой совестью, что все сделали для спасения нашего отечества от позора, который причинили ему нынешние болгарские правители, отклонившие Болгарию от ее естественного пути в единении с ее освободительницей». По сведениям майора Груева, дело облегчается тем, что болгарское лжеправительство нашлось вынужденным за недостатком сколько-нибудь порядочных офицеров, снова принять на службу в армию многих из тех офицеров, которые были смещены за сочувствие к России. Масса резервистов, как офицеров, так и солдат, готова к восстанию и вместе с некоторыми гарнизонами составит ядро, к которому, как можно надеяться, присоединится и вся болгарская армия. Власть негодяев, заполонивших Болгарию, основана только на обмане, терроре и иностранном пособничестве: власть эта рухнет сама собой без кровопролития, при решительной демонстрации, во главе которой будут находиться такие люди как Груев, Бендерев, Радко Дмитриев ¹⁾ и другие. Ваше величество изволили оценить всю важность возвращения Болгарии ее собственным движением к России. Лишь подобный исход мог бы считаться вполне удовлетворительным для России. Ничто так не подвело бы ее авторитета и на Востоке и в Европе. На подобное дело нельзя было бы жалеть и очень больших трат. Но Груев, от имени своих товарищей, испрашивает лишь необходимое и, смею полагать, по важности дела незначительное пособие. Оно необходимо для того, чтобы экипировать и содержать более или менее значительное число резервистов. Дело это однако такого свойства, что вести его официальными путями невозможно, оно неизбежно будет замедляться и затрудняться разными формальностями и так или иначе огласится прежде времени, как это уже и было при первой попытке. Если ваше величество изволите признать дело это заслуживающим поддержки, то для успеха необходим особый прием. В Букуреште, к счастью, находится в настоящее время представитель России, способный повести дело живой рукой. Требовалось бы только, чтобы кто-либо из приближенных к вашему величеству лиц, имеющих полномочие объявлять высочайшую волю, дал ему знать, что ему предоставляется, в виде личного поручения, независимо от его официального положения, заботиться об успехе предпринятого Груевым и его товарищами дела в соглашении с ними. Сам Груев немедленно отправится туда же, чтобы стать во главе движения. Чем менее посторонних лиц будут знать об этом деле, тем вернее можно рассчитывать на его успех.

Успех же этого дела важен и в другом отношении. Кто бы ни был выбран в князья Болгарии, только на этих людей, только на преданный России военный элемент, может надежно опереться будущее болгарское правительство. Все эти политиканы, которых наплодила в бедной Болгарии навязанная ей конституция, — не только Стамбуловы, Каравеловы ²⁾ но и Цанковы ³⁾ — люди испорченные, никуда негодные, истинная язва Болгарии. Их надо обратить в ничтожество и отнять у них всякий доступ к власти. Но это может быть сделано только при помощи лучших и влиятельных элементов армии. Кого бы ни послать на управление Болгарией, нельзя вдруг изменить или отменить ее фальшивую конституцию, а хорошо управлять страной при этой конституции и с этими партиями нет возмож-

¹⁾ Офицер болгарской армии — один из участников низвержения Александра Баттенбергского.

²⁾ Каравелов Л. — министр-президент Болгарии в 1884—1886 гг.

³⁾ Цанков Д. — министр-президент Болгарии в 1883—1884 гг.

ности. Но правительство, составленное из преданных России военных элементов, может, опираясь на весь народ и армию, направить народное собрание к искоренению зла и к установлению правильного порядка, против чего ни с какой стороны не может быть протеста. Вообще наше внимание главным образом должно быть направлено на армию. При будущем устройстве Болгарии необходимо так поставить болгарскую армию, чтобы служба в ней была сравнена со службой в русской армии по чинопроизводству, эмеритуре и другим правам, чтобы ряды русской армии были широко открыты для болгар, причем было бы желательнее, чтобы офицерский чин приобретался болгарам преимущественно по отбытии повинности в русских войсках. Это было бы в Болгарии понято как великая льгота, а России это обеспечило бы верную добавочную военную силу. Предоставляя Болгарии полную автономию в ее внутреннем управлении, мы должны озаботиться упрочением ее естественных связей с Россией, ко благу самой Болгарии. Внутренняя связь, соединяющая ее с Россией, есть церковь, и для поддержания этой связи мы должны заботиться о воспитании болгарского духовенства, всеми мерами способствовать его влиянию в народе, стараться, чтобы народное просвещение в Болгарии не уклонялось от церкви и ограждать его от пропаганды католической и протестантской. Политическая же, самая надежная связь утвердится посредством военного объединения. Для этого не требуется посылать в Болгарию массу русских офицеров. Достаточно, — и это необходимо, — дать болгарской армии военачальствующих лиц, до полковых командиров включительно. Все же остальное офицерство должно состоять из природных болгар. Присылаемые из России офицеры далеко не все равного достоинства, и иные несравненно менее русские, чем всякий неиспорченный болгарин. Между русскими офицерами есть и поляки и всякие другие инородцы. К тому же присылаемые из России офицеры будут неизбежно вносить с собой рознь и более разобщать, нежели сближать болгар с Россией. Требуется, напротив, чтобы русские патриоты выработывались из самих болгар, чтобы русскими людьми были сами болгары, что и видим теперь на лучших болгарских офицерах и в чем я мог убедиться даже на тех из них, которые никогда до сего времени не были в России. Воспитанники софийского юнкерского училища, под руководством Груева, ни по языку, ни по образу мыслей ничем не отличаются от коренных русских. Болгарин, прошедший военную школу, служа в болгарско-русской армии, будет чувствовать себя заодно и болгариним и русским. При объединении армии, при даровании чином болгарской армии чести, прав и выгод русской службы, присяга при поступлении на военную службу в Болгарии должна непременно быть приносима прежде всего императорскому величеству и затем князю.

Последние заявления князя Бисмарка в германском рейхстаге и толки, к которым речи его подали повод в Европе, обязывают меня дополнить те соображения, которые я имел счастье изложить во всеподданнейшей записке моей от 26 декабря.

Бисмарк, отвечая своим оппонентам, дает знать, что, если он не уверен в возобновлении союзного договора с Россией, то уверен в нейтралитете на случай войны Германии с Францией. Все поняли это так, что Россия обязывается в этом случае оставаться нейтральной. Прилагаемые при сем вырезки из газет «Times» и «Journal des Débats» прямо толкуют заявление Бисмарка именно в смысле обязательства, данного Россией. Но такое обязательство, заранее принятое, хотя бы и не в форме договора, ничем, в сущности, не разнилось бы от союзного договора. Великая держава может обя-

зываются лишь в виду определенной цели, если того потребуют ее хорошо взвешенные интересы. В данном же случае обязательство или обещание соблюдать нейтралитет значит со стороны России все то же, что обязательство помогать Германии в ее войне на Рейне. Германия есть страна нам соседняя, а потому обязаться перед ней соблюдать нейтралитет значит обеспечить ее тыл и дать ей возможность бросить все ее вооруженные силы на противника, что было бы почти равносильно выставленному нами в помощь ей более или менее значительному контингенту. Нейтралитет, обеспеченный обязательством, в этом случае будет, очевидно, содействием одной стороне против другой. Если такого содействия нет в видах нашей политики, то не должно быть заранее данного обещания соблюдать непременно нейтралитет при европейской войне, от которой может зависеть и равновесие Европы и наши интересы. Такое обещание сразу поставит нас в антагонизм с одной стороной и в зависимость относительно другой. Свобода действия требует, чтобы ни та, ни другая сторона не имела права заранее рассчитывать на то положение, какое при их столкновении примет Россия. Свобода действия требует, чтобы образ действия России не был predetermined, но в каждый момент зависел бы единственно от усмотрения вашего величества. Вступит ли Россия в действие или не вступит, это должно в данный момент определяться интересами России, а не политикой Бисмарка. При значительных войнах нейтральные державы, ввиду возможных случайностей, находят нужным усиливать свои вооружения и придвигать войска к своей границе, что, не нарушая нейтралитета, не дает которой-либо из воюющих сторон считать свой фланг или тыл совершенно обеспеченным к невыгоде другой. Обязавшись заранее соблюдать нейтралитет, мы уже тем самым нарушим его и пожертвуем нашей свободой, а с ней и нашим великим преимуществом при нынешнем положении Европы. Мы утратим талисман, заставляющий обе стороны, на которые распадается теперь Европа, искать благоволения вашего величества и сообразоваться более или менее с интересами России. Обязавшись нейтралитетом, Россия естественно навлечет на себя неприязнь той стороны, которой обязательство это явно обратится во вред, между тем как другая сторона уже не будет иметь побуждений снискивать то, чем уже владеет, а направит свои усилия лишь к тому, чтобы извлечь для себя новые выгоды и развлечь силы Франции сомнительным нейтралитетом соседних ей государств — Италии, Испании, наконец, Англии. Обещанием нейтралитета Россия явится союзницей Германии и ни в одном из своих интересов не может уже рассчитывать на содействие и доброжелательство Франции. Столкновение между Германией и Францией, быть может, вследствие этого не последует, но Россия утратит свое выгодное положение и снова очутится на буксире у Германии, солидарной, в сущности, с Австро-Венгрией.

Если бы ваше величество имели намерение предпринять в настоящее время политику действия, ввиду вопросов великой важности для вашей державы, которые могут быть разрешены только мечом, то единственно выгодный активный союз для нас может быть только с Францией. В этом не может быть сомнения. Если же активная политика теперь не предполагается, то достоинству и интересам, при нынешнем положении Европы, может соответствовать только полная и чистая свобода действий, не допускающая никаких заранее заключенных обязательств или обещаний, в какой бы то ни было форме данных. Это также вне всякого сомнения, что бы ни говорила дипломатия, направляемая политикой Бисмарка.

Бисмарк, в своей изворотливости, прельщает нашу дипломатию взаимным обязательством держать нейтралитет в случае нашего столкновения

с Австрией. Но всякое в этом смысле обязательство Германии будет лишь фиктивное. Имея во фланге Францию, Бисмарк будет давать нам то, что мы уже имеем. С другой же стороны, политика Бисмарка сумеет найти средства, при наружной коррективности нейтралитета, повредить нашим успехам и помешать слишком решительному торжеству нашего оружия посредством вмешательства Англии, интриг в Константинополе, каких-либо поддержанных им, в крайности, сделок Австрии с Италией. Бисмарк обладает обильным арсеналом подобных средств, и уследить за ним наша дипломатия едва ли сможет.

Вашего императорского величества верноподанный

— Михаил Катков.

8 января 1887 г.

Всеподд. записка М. Н. Каткова Александру III 31 марта 1887 г.

Всемиловитвейший государь.

Во исполнение воли вашего императорского величества я был у г. министра иностранных дел. Так как он в то время был занят, то, оставляя свою карточку и свой адрес, я просил доложить ему, что буду у него во всякое по его назначению время, если он пожелает меня видеть. На другой день посетил меня начальник Азиатского департамента, из слов которого я мог заключить, между прочим, что Н. К. Гирс затрудняется видиться со мною и вступать в объяснения, находя себя слишком оскорбленным мною. Я поспешил объяснить г. Зиновьеву, что я не имел и не мог иметь и тени повода к какой-либо личной неприязни к Н. К. Гирсу, что в своих суждениях, каковы бы они ни были, я никогда не руководился лицепритием, и что, как свидетельствует моя долговременная общественная деятельность, я в интересе общего дела с радостью подавал руку своему недоброжелателю и не колебался сказать правду лицам, самым близким мне, когда убеждался в их ошибках во вред делу; что резкость моих суждений заключается лишь в раскрытии ошибочной мысли или ошибочного шага, что в таком раскрытии я вижу долг и смысл своего суждения, и что то же самое и, быть может, еще сильнее делалось мною и по отношению к другим правительственным ведомствам и лицам, и что я, наконец, без всякого колебания готов признать свою ошибку, если меня убедят в ней. Впрочем, — присовокупил я, — если министр иностранных дел затрудняется видиться со мною, то я не стал бы просить о том, если бы не была на то воля его величества. Этим кончилась моя попытка, и до сих пор я не получал никакого отзыва из министерства иностранных дел. Впрочем, смею думать, что, если бы и состоялось мое свидание с министром, то едва ли бы оно могло увенчаться удовлетворительным для меня результатом. То, что я услышал бы от министра, немногим бы разнилось от того, что уже было мне известно и что подтвердилось мне в последнем объяснении моем с г. Зиновьевым, который был верным выразителем воззрений министра. Между прочим вопрос коснулся германских консулов, которым была поручена охрана русских интересов в покинутой нами Болгарии. Мой собеседник на мои доводы должен был сознаться, что германские агенты лишь формально и внешним образом исполняли принятые ими на себя обязанности, в сущности

же служили видам не русского, а своего правительства, которое явно не доброжелательствует движению болгар в русском смысле и видит в русской партии бунтовщиков, а в болгарских жерегентах нормальное правительство. Тем не менее мой собеседник, говоря от имени министерства, находил это правильным и отстаивал справедливость того резко порицательного выговора, которому подверглась, под видом правительственного сообщения, русская печать за свой отзыв о германских консулах, которые, служа верно своему правительству, заботились об укреплении и охране захвативших власть врагов России в их борьбе с ее приверженцами, как то прямо высказывалось наиболее влиятельными и уполномоченными органами германской печати.

Распространенное мнение, что Россия имеет две политики, идущие врозь, одну царскую, другую министерскую, кроме некоторых фактов, подавших повод к такому заключению, основывается, главным образом, на заявлениях самого министра иностранных дел и других влиятельных представителей этого ведомства. Наша дипломатия, следуя торным путям, на которых она служит более проводником чужой политики, нежели органом политики своей страны, старается очистить себя во мнении своих иностранных союзников, ссылаясь на замешательство, которое будто бы вносится в дела проявлениями личного усмотрения вашего величества. То, что поднимало дух в России и смущало ее врагов, что было ярким светом, мгновенно озарившим пути нашей политики, то, по толкованию дипломатов, было пертурбацией правильного течения дел, было их порчею и вело к неудачам, причем не договаривается, что причиною порчи и неудач было, напротив, двусмысленное отношение дипломатии к тому, что должно было одушевлять ее всею силою руководящего начала. Ваше величество, при самом начале болгарских смут, тотчас после румелийского переворота ¹⁾, непосредственно из Копенгагена, где ваше величество изволили тогда находиться, выразили самым решительным образом порицание этому коварному и вражескому действию и поставили требование возвратиться к прежнему порядку. Я сам слышал, как наши дипломаты сетовали на это мудрое прозрение обмана, который надеялся лукаво озадачить Россию как бы исполнением ее желания и вынудить у ней же вознаграждение за дело, умышленно устроенное ей во вред. Устояла ли наша дипломатия на этом царском решении? На первых шагах она отказалась от восстановления *status quo ante*, согласилась на компромисс, который показал только нетвердость русской политики и поколебал ее авторитет, ни в чем, как показали последствия, не облегчив затруднений, в которые ввела ее коалиция держав под видом европейского концерта, в котором приходилось участвовать и России. Во время глубокого кризиса, который переживала в то время Болгария, наша дипломатия вовсе не имела там уполномоченных органов. Ни в Софии, ни в Филиппополе не было в то время генеральных консулов, и русские интересы находились в руках секретарей, лиц молодых, неопытных, лишенных всякой инициативы и оставленных без всяких указаний. Когда наши приверженцы, не без ведома министерства иностранных дел, предприняли изгнание принца Баттенберга, наши дипломатические агенты не знали, как отнестись к делу, и, не считая себя в праве решиться на что-либо и не получая никаких указаний из Петербурга, смутили и привели в уныние болгарских руководителей движения. Вместо того, чтобы держаться в Софии и дать отпор шедшему из Филиппополя Муткурову, который

¹⁾ С целью соединения Восточной Румелии с Болгарией, 6 сентября 1885 г.

действовал по наущению и указанию английского консула, наши приверженцы по настоянию нашего военного агента и консульства, грозившего опустить флаг, очистили Софию и отступили в Кюстендил, чем главным образом было проиграно их дело. Нет сомнения, что Баттенберг возвратился в Болгарию с согласия держав, не только нам откровенно враждебных, но и союзных, под предлогом «восстановления своей офицерской чести», причем наша дипломатия успокоилась обещанием, что он добровольно отречется от престола. При вести о возвращении Баттенберга, нашим консульским агентам в Болгарии было от министра телеграфировано только то, чтобы они держались спокойно и с достоинством (*conduite calme et digne*), вследствие чего молодой чиновник, управлявший рущукским консульством, счел своим долгом встретить возвратившегося принца в парадной форме, что наших приверженцев привело в крайнее смущение и довершило торжество противного нам дела. Рассчитывалось, что телеграмма принца, исполненная льстивых изъявлений преданности, произведет благоприятное для него впечатление на ваше величество. Вышло иначе. Дипломатия ошиблась в расчете. Сердце царя в своем собственном чувстве не могло ошибиться. Ответ Баттенбергу был самый решительный. Он обрадовал всю Россию кроме ее дипломатии. Министр, сколько мне известно, выражал сожаление, что телеграмма вашего величества была дана в его отсутствие, и тем как бы слагал с себя ответственность за эту пертурбацию дипломатических расчетов. Мягкий ответ на телеграмму Баттенберга узаконил бы его в Болгарии, и дело разыгралось бы согласно с расчетами наших противников и союзников. Воля вашего величества была ясна, но она призывала министерство иностранных дел к напряжению всех сил, чтобы развить согласно с нею целую систему действий. Дипломатия должна была озаботиться принятием всех необходимых мер к тому, чтобы предупредить все последствия, какие могли уронить руководящую мысль и дать делам противный ей оборот. При отречении Баттенберга она должна была энергически протестовать против присвоенного им себе права назначать регентство и организовать министерство. Отрекаясь от власти, он не мог, не совершая вопиющей аномалии, оставлять в Болгарии свое правительство, которое не могло не относиться враждебно и к России и к верным России болгарам.

Министерство иностранных дел позволяло себе и продолжает до сих пор отрекаться от миссии генерала Каульбарса, порицая ее в один тон с отзывами иностранной печати. Но может ли министерство отделять себя от своего государя? Его обязанность — свидетельствовать пред государем со всею правдою о положении дел и предохранять его от решений, в каком-либо отношении ошибочных. Но оно не должно ни в каком случае выгораживать себя и быть исподтишка критиком решений, которых должно быть только верным исполнителем. Мысль, руководившая вашим величеством, соответствовала, напротив, положению дел. Коль скоро было решено избежать оккупации, то ничего не оставалось, как послать туда уполномоченное лицо, чтобы объявить всем болгарским партиям истинную волю русского царя, именем которого обманно действовали наши враги. Если барон Каульбарс сделал с самого начала некоторые неловкости, которыми воспользовались наши противники, то упрек в том должен падать не столько на него, сколько на дипломатическое ведомство, не давшее ему должных наставлений, которые не формально только, но по существу соответствовали бы воле государя и интересам русской политики. Вместо таких инструкций его снабдили только кредитивным письмом к незаконному и непризнаваемому нами правительству, чем с самого начала было испорчено положение рус-

ского уполномоченного в Болгарии. Вместо того, чтобы помогать ему и направлять его, наша дипломатия смотрела на него, как на постороннего и неудобного ей деятеля, и умела только негодовать на него за то, что он раз или два осмелился телеграфировать непосредственно вашему величеству.

Если бы министерство прониклось волею вашего величества касательно внутреннего движения в самой Болгарии против лжеправительства, если бы оно усвоило себе эту мысль, если бы оно так же принимало к сердцу русские интересы, как сказались они в чувстве вашего величества, то оно нашло бы способы, с полным расчетом на успех, организовать и подкрепить это движение. Успел же в своем направлении английский агент капитан Джонс, хотя его задача была гораздо труднее! Лучше не начинать дела, нежели повести его нехотя и не обставив его должным образом, не приняв всех мер, какие могли бы обеспечить его успех, не вложив в него весь свой ум и всю свою душу. Элементы для успеха русского дела в Болгарии всегда были, они есть и теперь; но для того, чтоб они могли приобрести силу и иметь успех, необходимо не ограничиваться только формальным исполнением дела, слагая с себя всякую ответственность за него.

Ваше величество благосклонно выслушали голос преданного вам русского чувства, вызванного событиями и нынешним политическим положением Европы. Русское чувство не могло не соответствовать вашей воле и вашим намерениям, государь. Записка, в которой я осмелился изложить свои соображения, заслужила, как мне было объявлено, одобрение вашего величества. Излагая свои соображения, я был одушевляем единственно убеждением, что они соответствуют интересам России и видам вашего величества. Я был свободен от всякого другого мотива и старался только о том, чтобы приблизиться к тому, в чем я мнил видеть волю ответственного перед богом вождя русского народа. Прежде всего требуется, чтобы Россия возвратила себе свободу действий и затем определила бы свои отношения к другим державам с точки зрения своих интересов и задач. С таким взглядом, конечно, не могли согласоваться виды некоторых держав, овладевших напешю дипломатией. Что же делает наше министерство иностранных дел? Посылаются из Петербурга официозные корреспонденции в два специальные органа, где таковые обыкновенно появляются, и безо всякой надобности разглашается политика, какой предполагает держаться императорский кабинет, возвещается, какое положение примет Россия в случае европейских осложнений, заявляется решимость удерживать за собою свободу действий и сторожить события на Западе, — и все в таком тоне, чтоб ополчить то, что выдавалось за будущую политику России, возбудить агитацию в противных лагерях, вызвать возражения, крики и уличные пересуды. Затем было сочтено нужным опровергнуть собственное заявление, притом необыкновенным способом. В незначашей и никем, вероятно, не прочтенной редакционной статейке ближайшего органа министерства «*Journal de St. Petersbourg*» были вставлены три-четыре строки, не имеющие существенного отношения к предмету статьи, вынуты из нее по напечатании и разсланы телеграфом во все концы мира в виде важного сообщения, которым опровергалась та самая политика, которая только что была оглашена уполномоченными органами самого министерства, — оглашена именно как бы для того только, чтобы отречься от нее. Что же могла означать эта странная и двусмысленная уловка, которая подтвердила замечаемое всеми странное двойство в политике России?

Наконец, всем стало известно, что ваше величество не имеете намерения возобновлять так называемый трехимператорский договор, и вот в официоз-

ном органе нашего министерства иностранных дел, газете «Le Nord», уже объявляется, что это решение не будет иметь никакого значения, что если и не будет возобновлен писанный договор между тремя империями, то отношения между ними останутся те же самые, в прежней силе, что Россия оставит Германию расправляться с Францией, а Германия взамен того предоставит России расправляться с Турцией. Если это не имеет смысла, то однако этого достаточно, чтобы подействовать самым неблагоприятным образом на единственную страну, которая не участвует в заговоре против нас и старается о сближении с нами, готовая во всем действовать с нами заодно. Что касается до Турции и вообще до Балканского полуострова, то Германия, очевидно, не может ни помешать, ни пособить нам активно, если бы мы захотели там действовать. Нам на Востоке опасным противником во всех наших видах может быть только Англия, при ее морских силах, против которых оказать нам серьезное содействие может только одна равносильная Англии морская держава, та самая Франция, которую, по суждению официальной газеты нашего министерства, Россия должна оттолкнуть от себя и снова своим благоволительным авторитетом помочь Германии разгромить ее и разрушить последние устои европейского равновесия.

Свобода действий есть в настоящее время первая необходимость для России. Но свобода хороша, когда употребляется с пользой. Чем менее мы расположены действовать в настоящее время вооруженной рукой, тем с с большею заботливостью, прозорливостью и энергией должна действовать дипломатия своими способами. Не вооружениями только государство достигает своих целей и охраняет свои интересы, но также своими отношениями к другим державам. Обстоятельства меняются, и в каждый новый момент требуются новые соображения и новые ходы. Задача политики состоит в том, чтобы в каждый данный момент избежать его невыгод и воспользоваться его выгодами. Пока мы готовимся, другие готовятся также, и готовятся не одними вооружениями, но и заключениями союзов и коалиций. Пока мы находимся в выжидательном положении, события не медлят и могут вызвать нас к действию прежде, чем мы сочтем себя готовыми, застигнут нас врасплох и вынудят нас к тяжким для нашего достоинства и для наших интересов уступкам или же к тяжелой борьбе. Чтобы поддерживать наш авторитет, восстановить наши права, усилить и возвысить наше международное положение, дипломатия должна предотвратить или обессилить всякую опасную для нас группировку держав. Союз с Германией ставит нас неизбежно в подчиненное положение и ослабляет нас как внутри, так и вне. Если мы хотим сохранить наше достоинство, уберечь наши интересы, приобрести должную силу в Европе и добавочный России авторитет на Востоке, не прибегая к силе оружия, то нам ничего не остается в данное время, как оборонительное соглашение с Францией. В этой комбинации перенесенное, несомненно, останется за Россией, она будет занимать командующее положение. Если другие составляют коалиции к охранению мира, то почему же Россия не могла бы прибегнуть также к коалиции для обеспечения себе почетного и достойного мира? Оборонительный союз с единственною в Европе великою державой, которая вообще, и особенно в данный момент, не сталкивается с нами ни в каком интересе, такой союз обеспечивает столько же наш мир, сколько и мир Европы. В оборонительном соглашении с Францией мы приобретаем могущество, которое обеспечит нас от всякого посягательства с какой бы то ни было стороны. Мы сразу же приобретаем достойное в Европе положение; никакая коалиция не может быть нам страшна. Россия не имеет никаких завоевательных видов в Европе, мы не помышляем

переделывать ее карту, и потому могущество, которое Россия приобретает вследствие своего оборонительного сближения с Францией, может только всех успокаивать, никого не тревожа. Можно смело сказать, что при таком европейском созвездии не раздастся в Европе выстрела против воли России. Честолюбия отрезвятся, все придет в свои естественные отношения, все займет подобающее себе место. Победоносная война не могла бы так возвысить авторитет России, как подобная комбинация в данный момент, при данных обстоятельствах. Стремиться к этому, искусно расчистить для этого путь, установить эту комбинацию должным образом — вот задача, достойная чуткой, истинно национальной русской дипломатии в настоящее время, которая одним этим может обеспечить мир, охранить все наши интересы и восстановить все наши права. Нам не нужно будет прибегать к чужой помощи в каких-либо наших затруднениях. И султан в Константинополе и Стамбулов с Муткуровым в Софии иначе отнесутся к требованиям России, когда увидят ее свободною и могущественною, не в подчиненном, но в первенствующем положении. Слово России приобретет тогда ту магическую силу, какая приписывается теперь Германии, командующей везде именно вследствие той грушировки держав, которая образовалась благодаря добровольному подчинению, в каком находилась Россия относительно Германии. Мирное, чисто оборонительное сближение России с Францией образует могущество, против которого невозможна никакая наступательного свойства коалиция Европы, и уже само по себе способно восстановить ослабевший авторитет России на Востоке, смирить ее врагов, отрезвить ее соперников и оживить надежды на нее единоверных ей народов, ее естественных союзников, ныне коварно отторгаемых от нее. Ничто не могло бы так повредить и достоинству и интересам России на Востоке, как всякое соглашение, которое предало бы эти освобожденные народы чужим, хищнически напирającym на Балканский полуостров державам.

Простая фактическая ложь может быть невинного и безвредного свойства, а формальная корректность служит иногда обманчивым прикрытием внутренней неправды, состоящей в ложном представлении существа дела. Дипломаты для государства то же, что поверенные или адвокаты в частных делах. Вопрос в том, насколько они понимают интересы своего доверителя, убеждены ли в силе его прав и не мыслят ли одинаково с поверенными противной стороны.

Осмеливаюсь коснуться одного важного обстоятельства, тесно связанного с прекращением Тройственного союза.

Во время Берлинского конгресса, как известно, князь Горчаков и граф Андраши подписали отдельный необнародованный протокол, в силу коего Россия соглашается на занятие австрийскими войсками Новобазарского санджака в случае надобности.

Не был ли протокол этот уничтожен в 1881 году и заменен соответствующею статьею в срочном договоре, заключенном в том году между Россией, Германией и Австрией? Если так, то принятое Россией обязательство было превращено из бессрочного в срочное и должно пасть вместе с прекращением договора. Это было бы единственно полезным последствием Тройственного договора. Наши союзники не успели достигнуть своей цели во время его действия, надеясь на его продление. Не возобновляя договора, ваше величество освобождаете себя от обязательства, принятого Россией в неудобную пору Берлинского конгресса.

Давно уже ходили слухи, что Россия дала свое согласие на окончательное присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии, взамен чего Австрия

обещала согласиться на соединение Восточной Румелии с Болгарией. Но соединение произошло вопреки России и во враждебном ей смысле, что и было усмотрено вашим величеством при первом известии о румелийской революции. Поэтому Австрия не имеет никакого права на условленное вознаграждение и не может претендовать, чтоб это условие было возобновлено по истечении срока договора. По прекращении договора останется лишь в силе статья Берлинского трактата касательно временного занятия Боснии и Герцеговины Австрией, и обязательства России ограничатся этой статьей, наравне с остальными державами, подписавшими Берлинский трактат.

Вашего императорского величества
верноподданный М и х а и л К а т к о в .

**Всеподд. записка министра иностр. дел Н. К. Гирса Александру III
3 апреля 1887 г.**

Осмеливаюсь повергнуть вашему величеству чувства глубокой моей признательности за оказанное мне высокое доверие сообщением возвращаемой у сего записки Каткова.

Не касаясь политических взглядов автора этой записки, не могу умолчать, что изложенные в оной факты совершенно искажены, чему имеются самые неопровержимые доказательства.

Г и р с .

Большевизация фронта в предъюльские дни 1917 г.

Соглашательский угар, которым были охвачены в начале Февральской революции солдатские, т. е. в большинстве крестьянские, массы, быстро проходил.

Меньшевики и эсеры, лакействуя перед буржуазией и помещиками, кормили рабочих и крестьян лишь звонкими обещаниями, на деле проводя империалистическую политику на фронте мировой войны и политику предательства революции и интересов трудящихся масс внутри страны. «На деле правит Россией, — писал В. И. Ленин в 1917 г., — блок двух блоков, союз двух союзов. Один блок есть блок кадетов с монархистами-помещиках... Этот блок поддерживает помещиков, капиталистов-локаутчиков. Другой блок есть блок эсеров и меньшевиков, обманувший народ пустыми обещаниями¹⁾. Основные вопросы крестьянской массы: земля и мир оставались нерешенными, рабочий класс изнемогал под тяжестью империалистической войны, разрухи, голода, безработицы.

Партия большевиков, настойчиво разоблачая контрреволюционную сущность Временного правительства и предательскую роль меньшевиков и с.-р., мобилизовала массы вокруг своих лозунгов.

Отход масс от соглашателей в столице ярко выразился еще на апрельской демонстрации.

К началу июля этот отход и мобилизация рабочих и солдат вокруг партии большевиков охватывают не только столицу и крупные пролетарские центры, но и подавляющее большинство солдат фронта. Внутри солдатских масс рабочие и крестьянская беднота получают руководящую роль и под руководством партии большевиков ведут успешную борьбу за вытеснение из солдатских комитетов (полковых, армейских и пр.) меньшевиков и с.-р.

Именно эту картину рисуют нижепубликуемые документы.

Справка верховного главнокомандующего в Могилеве получала ежедневно телеграммы, сводки, сообщения о политическом настроении частей со всех фронтов.

Когда правительство Керенского повело следствие об июльских событиях, были скопированы наиболее интересные сообщения, относящиеся к предъюльским дням. Таким путем получилась сводка о политическом настроении всех фронтов в этот период, которую мы здесь публикуем. Сводка эта является интереснейшим документом, в котором генералитет и комиссары Керенского указывают на свое бессилие задержать большевизацию солдатских масс.

Вера Владимировна.

¹⁾ Ленин, Соч., т. 20, ст. «Как и почему крестьян обманули». Напечатано 1 (14) июля 1917 г.

Политическое настроение армии на фронте в конце июня и начале июля 1917 года по донесениям в ставку верховного главнокомандующего¹⁾.

Секретное.

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА.

1917 года, сентября 21—24 дня, г. Могилев. Управление генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем. Судебный следователь Гродненского окружного суда по важнейшим делам, в присутствии нижеподписавшихся понятых и лиц, произвели осмотр дела № 3 о политическом настроении на фронте и в тылу и об эксцессах.

Цель осмотра — установить случаи отказа подчиниться приказам о наступлении, случаи братания и т. п., а также причины этого.

При осмотре оказалось следующее:

Дело № 3 «Политическое настроение на фронте и в тылу, эксцессы» состоит из нескольких частей, заключенных в отдельные обложки. Часть I дела начата 11 июня 1917 года и закончена 6 июля. Часть II начата 29 июня и закончена 15 июля 1917 года, части III и IV обнимают сведения с 15 июля 1917 года. Осматриваются лишь части I и II, заключающие сведения до 15 июля 1917 года. Дела эти состоят из телеграфных донесений и еженедельных сводок, делаемых в управлении на основании этих донесений. Листы этих частей пронумерованы. В дальнейшем при осмотре делаются выписки лишь те, которые могут иметь отношение к делу, причем пропускаются номера корпусов, дивизий, полков.

Дело № 3, часть I.

1) В телеграмме с румынского фронта от 9/VI между прочим сказано: «... N дивизия — настроение улучшилось, но по словам начальника дивизии, «безусловной уверенности в исполнении приказа о наступлении все же попрежнему нет...» В N корпусе последнее время заметно усилилось влияние большевиков, чему способствует широкое распространение газеты «Правда». «...Налаженная в некоторых частях с большим трудом правильная жизнь и служба разрушается в несколько дней прибывшими с пополнениями агитаторами». 7 июня 1917 г. № 142610/п. Подписано: Головин (л. 1—2).

2) Телеграмма с румынского фронта, принятая 11/VI 1917 г., такого содержания: «Делегация посетила N стрелковый полк N дивизии, отказавшейся выступить на позицию. После нашего выступления единогласно решили исполнить гражданский долг перед родиной и свободой. Голликов» (л. 3).

3) Телеграмма из Пскова от 16 июня, № 3021/Б, за подписью «Вахрушев». В ней между прочим сказано: «Отношение частей войск к намеченным наступательным действиям пассивно, а в некоторых частях раздаются голоса и против этого наступления; предпринятая перегруппировка войск в некоторых корпусах проходит не совсем гладко: приходится убеждать целые полки и даже дивизии в необходимости выступить и занять новые позиции и районы» (л. 25).

4) Телеграмма от западного фронта, полученная 16/VI 1917 г., за подписью «Соколов, Сахойло». В ней между прочим сказано: «... В N Сибирском

¹⁾ Центр. Архив Октябрьской революции, фонд № 8, дело № 12, 1917 г. — Документы, за недостатком места, печатаются с сокращениями.

стр. полку не выполнен приказ о сформировании штурмовых частей. Солдаты отказались от назначений, ссылаясь на то, что в полку все роты и без того штурмовые... Быть уверенным, что полки исполнят приказ о наступлении, нельзя. Наряду с резолюцией 2 батальонов N полка о необходимости наступления, вчера, 14/VI, в № полку на митинге высказались против наступления и говорили, что приказы правительства для них обязательны. По сообщению председателя дивизионного комитета N дивизии, в N полку действует небольшая часть, в том числе и дезертиры, прибывшие недавно в полк. По заявлению командира полка, положение гораздо серьезнее, так как солдаты говорят, что если и будет наступление, то в случае неудачи они расправятся с офицерами... В N полку N дивизии солдаты избили фельд-фебеля, говорившего за войну...»

Телеграмма эта составляет доклад копии донесения штарма 10 (л. 32—34).

5) Телеграмма из юго-западного фронта от 14/VI, за подписью Гутора. В ней между прочим сообщается: «... В N армии настроение заметно улучшается, все более растет сознание необходимости наступления... В N корпусе настроение хорошее, лишь вносят рознь пополнения из украинцев, часть которых бежит из полков... В N корпусе наблюдается улучшение, но созданию боеспособной армии мешает пропаганда большевиков и прибывшее пополнение... Братания прекратились, и лишь в N полку два солдата вышли для братания, но были арестованы своими товарищами... Во всех армиях наблюдается некоторый подъем духа, но, по словам черноморцев, нельзя ручаться, что такое настроение продержится долго, так как агитация большевиков сильна. №262363» (л. 35—40).

6) На листе 64 имеется типографированная резолюция общего собрания полковых комитетов 169 пехотной дивизии от 15 июня 1917 г. дословно такого содержания: «Обсудив внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства, соединенное заседание комитетов 169 пехотной дивизии признает ее вредной для революционной демократической России, требует немедленного созыва снова переизбранных на демократических началах равным и тайным голосованием представителей действующей армии, дабы они, совместно с Советами рабочих и крестьянских депутатов, приняли власть в свои руки». «Наступление революционной русской армии в настоящее время, при существовании договоров, заключенных старым правительством с империалистическими правительствами союзников, есть измена лозунгам, провозглашенным нашей революционной демократией. Вместе с тем это шаг, могущий, при незаконности организации армии, недостаточности ее демократизации, повлечь за собой переход власти в руки контрреволюционных сил, а потому в настоящее время наступления быть не может». Председатель общего собрания [подпись]. Секретарь [подпись].

7) Телеграмма от 15 июня 1917 года № 142805/п. с румынского фронта за подписью Сытипа. В ней между прочим сообщено: «... Если под влиянием ораторов-агитаторов и представителей союзных армий и создается временный подъем настроения, то этот подъем столь же быстро пропадает... В N дивизии настроение ухудшилось, причина — возвращение делегатов со съезда... С маршевыми ротами прибывают большевики. Во второй роте морского полка ведутся проповеди ненужности наступления. Вынесено, еще не полученное, «недисциплинированное постановление»... «В I морском полку идут слухи, якобы солдатские делегаты от тыла требуют отказа от наступления, дабы не перебить и лучших, находящихся в окопах, так как тогда благами воспользуются дезертиры и другие худшие элементы...»

В N дивизии: вредно влияют ленинцы маршевых рот, в армию посылали делегатов с просьбой заменить начальников. Повидимому, растет сознание своей силы; пехота требовала, чтобы артиллерия не стреляла... В N дивизии настроение ухудшилось. В этой дивизии имеет большой успех проповедь большевиков, все оперативные приказания исполняются с большими тренингами».

8) Телеграмма № 0866 от 22/VI из ставки от утенкварверха на имя министра председателя и военмин. В этой телеграмме передана копия телеграммы наштазап, в которой между прочим сообщалось: «20 июня в 19 часов прибывшие в 703 полк члены Исполнительного комитета Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов присяжный поверенный секретарь Соколов, солдаты Вербо, Розенберг и Ясайтис, как говорившие за наступление, избиты и арестованы. Последнее сделано с целью спасти их жизнь...» (л. 79).

9) На листе 83-м имеется копия секретного рапорта командира 675 пехотного полка полковника Маевского от 15 июня с. г., за № 615, из действующей армии на имя начальника N пехотной дивизии. Из этого рапорта видно, что 13 июня, после долгих прений, комитет полка постановил: «1) Не доверяем Временному правительству, проводящему политику буржуазии, а министрам-социалистам предлагаем выйти из состава министерства или же перестать себя именовать социалистами дабы не вводить народ в заблуждение. 2) Требуем перехода власти в руки советов солдатских, рабочих, крестьянских, батрацких и прочих депутатов», но после выступления офицеров, депутатов полкового комитета, решено было обеудить это постановление на полковом митинге, который был назначен на 14 июня в 13 часов. Для митинга была построена вышка и вывешен плакат: «Долой Временное правительство и буржуазию! Да здравствует мир и народное право!». Когда фельдшер Ярошенко высказался за наступление, то его избили и постановили забрать рядовым в 3-ю роту, что и исполнили. «На митинге офицерам не было возможности говорить, говорили только солдаты, и исключительно большевики». Резкая перемена в настроении полка объясняется тем, что последнее время полк читает исключительно газету «Правду», читать другие газеты не желают. «К рапорту приложена резолюция, принятая на митинге 675 пехотного Конотопского полка. В резолюции имеются те же два пункта, которые изложены в рапорте. Между прочим в 5-м пункте требуется уравнивание жалования солдат и офицеров: прапорщику — 25 р. и прибавки по 5 р. на каждое повышение чина; в п. 6 требуется возвращение старого начальника дивизии и привлечение его на службу в нестроевую роту 675 пех. полка, в п. 9 заключается требование пересмотра и исправления договоров, заключенных старым правительством и союзниками, и в 10 пункте говорится так: «Наступления никакого быть не может, а должна быть только оборона» (л. 84).

10) На листах 91—94 имеется доклад прикомандированного к штабу западного фронта генерального штаба полковника Костяева от 15 июня 1917 г. за № 7 (в копии, заверенной подполковником Новиковым). Из доклада видно, что полковник Костяев 9 июня выехал в часть N Кавказского армейского корпуса для успокоения полков и объезжал их с представителями Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Блюманом и Ромашкиным и рабочими петроградских заводов — Никитиным и Егоровым. В N Кавказском корпусе отказались выполнить боевой приказ о занятии исходного положения N Кавказская гренадерская и N дивизии; в последней 3 полка приказ частью исполнили; в N Сибирском корпусе —

№ и № Сибирские стрелковые полки и №-я Сибирская стрелковая дивизия... В № Сибирском стрелковом полку, после отдачи приказа 4 июня о занятии исходного положения, обнаружилось полное неподчинение своим офицерам. На беспрерывных митингах выносились самые резкие резолюции против офицеров и командира полка, причем на частичном собрании солдат было решено командира полка и 3 офицеров повесить, а с остальными офицерами разделаться в зависимости от их взглядов на наступление... Докладчик, обращаясь к истинным причинам, приведшим армию к такому состоянию, считает долгом службы высказать, между прочим, следующее: «Глубокое моральное разложение, выражающееся в нежелании наступить, объясняется психологией малосознательных масс. Полученная свобода и обещанная земля и другие блага сделали массы очень чуткими к сохранению своей жизни. Обращает на себя внимание, что специальные войска — артиллерия, саперы, кавалерия и даже специальные команды пехотных полков, укомплектованные более развитыми людьми, ничего против наступления не имеют, что отчасти объясняется и более легкими задачами, которые приходится решать в бою специальными войсками и командами. Чувство самосохранения в темных массах сильно развивается и поддерживается крайними левыми течениями, особенно большевиками и анархистами. Почти в каждом полку есть группа большевиков... Острота чувства самосохранения под влиянием агитации достигла такого напряжения, что от одного слова «наступление», произносимого начальниками, происходили эксцессы».

11) Телеграмма от северного фронта 25 июня, за подписью П. П. Вахрушева, такого содержания: «По приказанию главкосева сообщая о затруднениях, происшедших в № дивизии, для движения в новый район. Бутырский полк отказался сменить часть № дивизии. Кроме того 22 июня в № дивизии нейшлотцы группой в 500 человек с одним офицером и плакатом «Долой наступление» явились в № полк, избили двух офицеров, требовавших исполнения приказов о наступлении, и склоняли к отказу от наступления. По поводу последнего случая главкоसेвом приказано произвести расследование» (л. 100).

12) Телеграмма от западного фронта от 25/VI 1917 г., за подписью Маркова. В ней между прочим сказано, что наштарм третьей телеграфирует, что в ночь на 17 июня № полк, во исполнение боевого приказа комкора, должен был стать на позицию, сменив часть другой дивизии. Вследствие агитации одного из полков № дивизии, находившегося в резерве и сильно зараженного большевизмом, полк этот отказался от исполнения боевого приказа (л. 112).

13) От юго-западного фронта 26/VI 1917 г., за подписью Духонина, поступила телеграмма, в которой, по приказанию главкоз, сообщено для доклада, что в 10 гренадерском Малороссийском полку обсуждался принципиальный вопрос о выполнении всех боевых приказов во избежание могущих быть при проведении в жизнь раздвоений. Группа солдат до 500 человек, во главе с подпоручиком Максимовым и прапорщиком Нилльвинским [?] откололась от полка и высказалась против наступления.

14) Телеграмма от западного фронта, принятая 25/VI 1917 г., за подписью Довбор-Мусницкого, Добрышина и Самойло. В ней сообщается о крайне тяжелом положении офицеров, на которых направлено все недовольство солдат, считающих, что предстоящего наступления добиваются только офицеры. Угрозы о том, что если будет неудача, то солдаты грозят расправой с офицерами, раздавались уже не только в частях № дивизии.

но и в частях N (другой) дивизии; в последней договорились до того, что к офицерам будет применена казнь Игоря (л. 128, 129).

15) Телеграмма от 22 июня с румынского фронта, за подписью Сытина. В ней между прочим сказано: «N армия. В настроении войск существенных перемен нет. Прибывшие укомплектования вносят разлагающее начало, распространяя учение большевиков» (л. 130).

16) Телеграмма от 25 июня, за подписью Вахрушева, с северного фронта о том, что, ввиду наличия в V армии случаев неисполнения некоторыми войсковыми частями приказаний по передвижению и сменам, связанным с подготовкою предназначенной боевой операции, комиссар Временного правительства получил приказание передать командарму 5 повеление Временного правительства принять все меры, до вооруженной силы включительно, чтобы заставить неповинующихся исполнить боевой приказ (л. 142).

17) Телеграмма от северного фронта, 25 июня, за подписью Вахрушева, о том, что арест и обезоружение частей N дивизии, не выполнившей боевого приказа, протекает, не встречая сопротивления (л. 144).

18) Телеграмма от 23/VI, за подписью Вахрушева, содержащая доклад командарма V, в котором он сообщает, что войска этой армии «по внутреннему их состоянию и брожению» нельзя признать готовыми к наступлению. В этой телеграмме, между прочим, сказано: «Настоять на осуществлении приказов нет возможности, ибо против наступления ведется жестокая агитационная работа, идущая, по видимому, с тыла и главным образом из Петрограда. С оздоровления тыла должна начаться работа по оздоровлению армии. Д а н и л о в». «В дополнение к тому наштарм пять сообщил мне по аппарату же следующие некоторые подробности тех условий, при которых протекает перегруппировка для операции: в N корпусе не исполнили приказа, в N дивизии, отказавшейся удлинить фронт влево, на позицию выступили отдельные роты N полка, а 1067 человек отказались выступить; в N полку отказался выступить батальон. В остальных полках положение такое же напряженное, и беспорядки в них надо ожидать, когда до них дойдет очередь смены... В N полку приказ не выполнен 5 ротами; все без исключения офицеры выступили. N и N полки выставили караулы и не пустили на позицию своих офицеров и желающих солдат... Находящиеся в резерве N дивизия и полк N (другой) дивизии и эти части отказываются продвигаться вперед. В N корпусе, под влиянием агитации N дивизии, один батальон N полка откололся от полка и остался на месте в составе около 400 человек. В N корпусе N дивизия отказалась от своего штаба и артиллерии, собралась около N полка, выбрала, по донесению начальника N дивизии, свой революционный штаб и высылает агентов в другие части для пропаганды... В некоторых полках 36 дивизии заявляют, что для них, кроме Левина, нет других авторитетов. Настроение армии значительно ослаблено влитием в нее N и N корпусов, которые привезли с собой плотно устроенные большевистские организации. С в е ч и н». Далее сообщается: «После доклада вышеизложенного главкозев приказал командарму пять распоряжений для наступления не отменять и энергически продолжать воздействие на солдат. В то же время главкозев просит главковерха телеграфировать в Петроград о безотлагательной высылке в 5 армию комиссаров Временного правительства и делегатов Съезда или Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов для агитационной деятельности в противовес подпольным и явным агитаторам ленинского направления...» (л. 173, 177).

19) Телеграмма по западному фронту от 29 июня, за подписью Деникина. В ней между прочим сообщается: «Приказываю: снять с фронта армии 2-й Кавказский корпус в составе N и N Кавказских гренадерских дивизий и N пехотной дивизии и отвести его в тыл, в район Молодечно. Дальнейшая участь этих частей, изменивших родине, будет решена Временным правительством...» (л. 180).

20) Телеграмма от 29 июня 1917 г., за подписью командира Одесского запасного пулеметного батальона капитана Лостовецкого, о том, что избранный украинский голова прапорщик Андрус, натравливая солдат-украинцев на весь кадровый офицерский состав батальона, 28 июня собрал митинг, и, по его предложению, был заменен весь офицерский кадр батальона несмотря на неоднократно выраженное мне украинцами доверие» (л. 181, 182).

21) С юго-западного фронта 29/VI 1917 г. поступила телеграмма, за подписью доктора Готлика [?], в которой он сообщает, что корпусный съезд комитетов частей 32 корпуса, состоявшийся 27 июня, считает недопустимым дальнейшее пребывание в своих рядах провокаторов, изменщиков и лиц, призывающих к неповиновению и неисполнению боевых приказов, и требует от всех полковых комитетов немедленного ареста всех этих лиц и предания суду; что же касается 625... [?] полка, допустившего пребывание в своих окопах австрийцев и поддерживавшего тесную дружбу с ними, а также 627 Шуйского полка, заявившего вместе с 625... [?] полком, что они не только не пойдут в наступление, но и не поддержат своих товарищей, то считать эти полки предательскими и изменниками революционному делу. Из телеграммы видно, что Готлик состоял председателем корпусного съезда (л. 194, 195).

22) Телеграмма от 29 июня, переданная по приказанию главнокомандующего румынским фронтом, на основании допесения командующих армиями, за подписью Судрули-Балясного. В этой телеграмме, между прочим, написано: «Были случаи отказа в полку N от занятий под влиянием ленинцев братьев поручика и прапорщика Серебряковых, ликвидировано... N дивизия — настроение изменчивое, нет определенного курса, назревающие эксцессы ликвидируются, много толков вызвала большевистская резолюция N полка... В N дивизии N полк, под влиянием агитаторов, относится к наступлению отрицательно и даже вынес постановление: «На каком основании Брусилов перешел в наступление?» В N же дивизии настроение значительно ухудшилось, дисциплина отсутствует, печати солдаты верят только большевистской, которая проникает в войска в огромном количестве...» (л. 214).

23) Телеграмма с северного фронта от 30/VI, за подписью Клембовского, начинается так: «Только что вернулся из Двинска, где принял подробный доклад командарма, членов следственной комиссии и комкор N. Всего арестовано до 3000 солдат и 10 офицеров. Неповиновение является результатом агитации большевиков»... Далее говорится о распределении арестованных на категории. Заканчивается телеграмма: «Подготовка плацдармов идет медленно, к 5 июля закончена не будет (кроме N корпуса), однако откладывать наступление далее 5 июля крайне нежелательно, ибо польза от этого (законченность плацдармов) не окупится вредом (дальнейшая агитация)...» (л. 226, 229).

24) Копия выдержек рапорта командира X армейского корпуса на имя командующего армией, от 7 июня 1917 г., за № 574. В рапорте этом он

доносит, что N дивизия «как боевая единица, не существует». В этом рапорте, между прочим, имеются такие места: «Желая поближе ознакомиться с душой N полка, я назначил на особый день беседу с ним, из которой вынес впечатление, что полк находится под гипнозом большевистских (германофильских тоже) идей. Подле меня стояли обыкновенные, добродушные солдатские фигуры, но среди них выделялось несколько до крайности озлобленных солдат, которые имеют исключительное, неотразимое влияние на массу, так как играют на наиболее чувствительной струнке—переутомлении войной и разрухе в тылу... Имел беседу и в N (другом) полку и вынес то же впечатление, что и в N (предыдущем) полку, причем мне откровенно заявлено было, что наступать они не будут, что если Керенский призывает к наступлению, то и ему верить не надо... Если же прикажут наступать, то они сначала перебьют всю буржуазию или заставят офицеров идти на проволоку впереди всех, и когда их перебьют, то разойдутся по домам... «Из изложенного видно (продолжает доклад), что, будучи вообще неустойчивою, как дивизия 4-й очереди, эта дивизия, благодаря продолжительной стоянке в резерве, подпала под сильное влияние... большевизма, имеющего успехи среди массы наших солдат... Во всяком случае, насколько я мог наблюдать солдат этих полков, я твердо убежден, что они, как и вся наша армия, в самой глубине души здоровы, но находятся под сильным гипнозом большевиков...» (л. 231, 232).

25) Из рапорта командира Кавказского армейского корпуса от 10 июня 1917 г., за № 992/200, на имя командующего X армией, за подписью командира корпуса ген.-лейт. Чеглокова и начальника штаба ген.-майора Федорова (имеется в деле лишь копия рапорта), видно, что, когда 4 июня был отдан приказ о наступлении в ночь на 7 июня на позицию от д. N трех дивизий с целью обороны этого участка и подготовки к поставленным задачам, то от начальников дивизий стали поступать донесения: 1) от N дивизии, что N и N полки отказались исполнить приказание о выступлении для постановки на указанные им участки, выставляя причиной неуккомплектованность рот до штатного числа штыков, преждевременность перехода в наступление до окончания Стокгольмской конференции и др. основания. Это было донесено 4 июня, а 5 июня от той же дивизии поступило донесение, что приказ о выступлении полками не выполнен, и они остаются в своих районах. Отказ мотивируется некомплектом штыков, нежеланием воевать за буржуазию, необходимостью ожидать решения Стокгольмской конференции, неуверенностью, что все распоряжения исходят от Совета рабочих и солдатских депутатов, отсутствием притока маршевых рот и многими другими причинами. Рапорт заканчивается заключением о том, «что в настоящее время вверенный мне корпус в отношении осуществления активных операций небоеспособен» (л. 233—237).

26) В телеграмме от юго-западного фронта, от 3/VII, за подписью Духонина, между прочим сообщается о таких настроениях в воинских частях: «В N корпусе N Финляндской дивизии настроение упало, идет сильная агитация против войны... В N дивизии все полки временно небоеспособны, что объясняется прибытием укомплектований из Петроградского округа... В N корпусе проповедь большевизма продолжается, но успеха крупного пока не имеет... В N корпусе улучшения в настроении пока не заметно. Пополнения ненадежны. В общем настроении солдат заметно колебание. Прибытие укомплектований, а особенно из Петроградского округа вносит в часть всегда брожение. Проповедь отрицания войны находит себе много приверженцев...» (л. 245—250).

27) На листе 259 имеется телеграмма от 6/VII из ставки от утенквар-верха... полковнику Якубовичу в Петроград такого содержания: «Сведения о событиях, происходящих в Петрограде, достигают до армии и ставки с большим запозданием, нерегулярно и недостаточно подробно, что создает, во-первых, возникновение всевозможных предположений, во-вторых, благодарную почву для самых невероятных, а зачастую и злонамеренных слухов. И то и другое вредно отражается на спокойствии войск, возбуждает страсти и нарушает работу начальствующих лиц и комитетов по поднятию наступательного духа в армии. В то же время раздаются отовсюду нарекания на ставку в малой ориентировке фронтов и армий в петроградских событиях...» В дальнейшем заключается просьба о том, как осведомлять ставку по этому вопросу (л. 259).

28) В телеграмме за подписью Балясного, указанной в п. 22 настоящего протокола, между прочим, сказано так: «20 июня по телеграмме члена армейского комитета солдата Колесника, направленной непосредственно в полки 65 дивизии, собран огромный митинг; на этом митинге выступал приехавший с представителями армейского комитета Колесником и Каменским член Исполнительного комитета Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов Мостовенко, который произнес речи, по словам присутствовавших, направленные против наступления. Свою речь он закончил вопросом: «Могу ли я передать, что вы все большевики?» — «Можете» — последовали крики из толпы. И дивизия, бывшая до митинга наиболее устойчивой частью, теперь, после речи Мостовенко, переменялась...» (лл. 214, 215).

Всего в I части пронумерованных 264 листа.

Дело № 3, часть II.

29) 3/VII дана была телеграмма за подписью Громыко такого содержания: «Гв. гренадерский полк отказался идти на позицию и в то время, когда 1 гвардейский корпус двинулся для занятия участка на фронте, гв. гренадерский полк пошел в обратную сторону и отошел на 20 верст на восток. Никакое увещевание депутатов и даже военина успеха не имело. Пришлось применить вооруженную силу и заставить полк выдать зачинщиков, которые в числе нескольких офицеров и около 130 солдат арестованы и преданы суду. Полк не расформировался, но наступать отказался и отведен в тыл до оздоровления. — № 049. Г р о м ы к о» (л. 29).

31) Телеграмма 7/VII о настроении в частях 10 армии, за подписью Маркова. В ней, между прочим, сообщается: « $\frac{1}{2}$ батальона N, столько же N и часть N полков отказываются наступать... 9 рот N полка отказались наступать... Сибирская стрелковая дивизия N и N наступать отказываются...» (лл. 131—133).

32) Телеграмма, за подписью полкового командира Реко, с румынского фронта, от 8/VII такого содержания: «7 июля пятая и седьмая роты самовольно оставили позицию; восьмого июля первый батальон отказался выполнить боевой приказ: убеждения, увещевания недействительны» (л. 136).

33) Телеграмма, за подписью полкового командира Реко, с румынского фронта, полученная 7/VII, о том, что 4 июля 8 рота полка отказалась заступить на позицию для наступления, и лишь после долгих увещеваний и убеждений полк заступил в ночь на 6 число 8 ротами с неполным числом стрелков (л. 137).

34) Телеграмма 7/VII с румынского фронта, за подписью временно командующего полком подполковника Ростиславского. В ней сообщается, что в июле сего года роты 2 батальона вынесли письменное постановление, в котором заявляют, что они здесь, в горах Румынии, в наступление не пойдут и что в случае артиллерийской подготовки оставят окопы. Мотивируют это тем, что нет уверенности, что другие полки окажут в нужную минуту помощь, что ряды рот слишком малочисленны, что плацдарм для наступления не разработан (л. 139, 140).

36) Телеграмма от 10/VII из Молодечно, за подписью Маркова, со сводкой сведений о настроении частей к 10 июля. В ней, между прочим, указано: «N полк отказался сменить N полк (другой)». «Первая рота (N полка) отказалась сменить другую N (другого) полка». «2-я и часть 4-й рот 7 июля, забрав амуницию, стали уходить с позиции, где остались лишь офицеры». «Ротные комитеты N полка вынесли постановление немедленно прекратить стрельбу, не приносящую пользы отечеству, а уносящую не одну жертву, и, если наша артиллерия не прекратит огня, то они силою заставят замолчать». «В N и N (двух) гренадерских полках настроение снова падает под влиянием известий о волнениях в России».

[37] д) N пехотный полк: «Полк, под влиянием агитаторов большевиков и прибывших на пополнение из запасных частей унтер-офицеров, не бывших в боях, категорически отказался от наступления» (л. 158).

е) N и N пехотные полки 6 июля отказались от продолжения походного движения и категорически отказываются от наступления (л. 158).

ж) «30 июня шесть рот N пехотного полка и десять рот N полка отказались выполнить боевой приказ по дивизии о переходе в район д. N и N. Несмотря на увещевание начальствующих лиц, делегатов всех комитетов, роты продолжают упорствовать в неисполнении приказа» (л. 158).

з) «В N полку полковой комитет, собравшись на совещание по поводу получения телеграммы командира корпуса и речи военного министра, нашел, что они — изменники и что за эти слова надо их бить». О какой телеграмме и речи военного министра говорится, неизвестно (л. 158 об.).

и) N полк: «Из донесений усматривается, что настроение полка ухудшается, недовольство войной, офицерами растет все больше. Офицерам первого батальона солдаты 3-го батальона заявляют в лицо, что их ожидает кровавая расправа. Первого июля солдаты седьмой роты пытались устроить вооруженный митинг с плакатами «Долой войну!», «Долой министров-капиталистов!», «Долой Государственную думу и Государственный совет!» (л. 158 об.).

л) 20 июня сего года солдаты N пехотного запасного решили выставить изложенные в 19 пунктах требования и поручить своему представителю отстаивать их перед Всероссийским съездом советов р. и с. депутатов. В протоколе отмечаются следующие из этих требований. 1) В пункте 1-м: «Требуем скорейшего прекращения войны и заключения народного мира без аннексий и контрибуций на самоопределении народностей». 2) В пункте 2-м: «Отказываемся от всех грабительских договоров, заключенных с союзниками, и требуем немедленного их опубликования». 3) В пункте 10-м: «Немедленно реквизируйте все запасы зерна и скота у всех помещиков и крупных землевладельцев, а также реквизируйте все монастырские богатства, направив все для боевой мощи армии, нужной для доведения революции до победного конца». 4) В пункте 15-м: «Все крупнейшие и наиболее важные для государства фабрики, заводы, также все крупные банки

должны быть объявлены общегосударственными и переданы под контроль рабочих». 5) В пункте 16-м: «Все эти необходимые для спасения России меры можно будет действительно проводить в спешном порядке, если вся власть перейдет в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». 6) В пункте 19-м: «Мы, солдаты 8 пехотного запасного полка, с болью в сердце за судьбу России и дело пролетариата, констатируем то гибельное колебание, которое проявляет как Всероссийский съезд р. и с. депутатов, так и Петроградский совет по вопросу о переходе всей власти к советам р. с. и к. депутатов. В настоящий момент не может быть проволочек. Только определенная, ясная и твердая власть рабочего, солдатского и крестьянского пролетариата может в корне подрвать все контрреволюционные попытки, главным оплотом коих является Государственная дума. Выбранному своему делегату мы поручаем твердо заявить Петроградскому совету и съезду, что все усилия, направленные к переходу в их руки правительственной власти, будут нами поддержаны, если это понадобится, силой штыков революционной армии. Если пролетариат, взяв власть в свои руки, потребует решительных действий, то мы смело пойдем против всякого врага, грозящего русской свободе. Да здравствует власть Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!».

Сводка эта подписана вр. и. д. генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями западного фронта генерал-майором Самойло (л. л. 157—160).

38) В телеграмме от 8/VII переданы донесения, по приказанию главному, за подписью Сытина. В ней, между прочим, сообщается: ... «В N дивизии улучшения не наблюдается. В одном из полков большевики потребовали разрыва с союзниками, но прочие полки запротестовали... Представляю копия донесения командира N корпуса: пехотные части корпуса в периоде полного разложения, дисциплины нет, настроением заправляют толпы большевиков, забирающие все большую и большую силу... Об активных действиях не допускают даже мысли и с угрозой требуют не только не производить демонстраций, но не усиливать огонь артиллерии, дабы не вызвать ответный огонь, угрожают переколоть артиллеристов и начальников и бросить позицию. Особу военного министра поносят, считая его другом буржуев, приказов его слушать не хотят. Все умы и помышления наполнены лежучениями «Правды» и «Социал-демократа», почему ничему не верят. На митингах высказывают пожелание мира на каких угодно условиях и какой угодно ценой, необходимы меры общегосударственные в широком масштабе... В N корпусе настроение несколько улучшилось. Прибывающие пополнения, особенно кадровые запасных полков, являющиеся худшим элементом пополнения, стараются ввести разложение в солдатскую среду своей пропагандой о бесполезности наступления, но пропаганда эта успеха почти не имеет... В N корпусе командир корпуса считает, что оздоровление в частях корпуса идет крупными шагами, но развитие наступательного духа задерживается слабой присылкой пополнения и литературой большевистского направления, которая рассылается в избытке в библиотеки комитетов...» (л. л. 161—165).

39)

40) В копии рапорта командира 37 армейского корпуса от 2 июля 1917 г., за № 1783, на имя командующего N армией, в котором, между прочим, сказано: «N дивизия. С началом революции дивизия была отведена в резерв армии в Ригу, где она подверглась сильнейшей обработке большевиков из Новолодожского полка, выделившего из своей среды поручика

Хаустова, издателя «Окопной правды» и оскорбителя (заочного) военного министра Керенского во время пребывания его в Риге. С прибытием дивизии на побережье Рижского залива физиономия определилась ясно: комитеты — почти сплошь большевики, ярая проповедь вражды к офицерам и особенно генералам («кровопийцы в погонах с зигзагами»), погром помещичьих усадеб, осуществленный на пути следования полков из Риги, эмблемой чего служили надписи на красных знаменах «Мир хижинам, гибель дворцам!».

Рапорт этот значится подписанным генерал-лейтенантом Сулькевичем и начальником штаба генерал-майором Хитрово (л. л. 189—190).

41) Телеграмма от 12 июля, за подписью Балуева, с юго-западного фронта такого содержания: «По воле и доверию начальства я принял 11 армию. Прибыв, я немедленно отправился в расположение корпусов на фронт боя, решившего участь нашей обороны на Тарнопольском участке. Ознакомившись с настроением войск, я — в ужасе от этого позора и гибели, которые грозят России и революции. Многие части представляют собою необученные недисциплинированные вооруженные толпы, не только не оказывающие никакого сопротивления противнику, но зачастую разбегающиеся от одного намека на его присутствие. Натиск же небольшой части противника заставляет отходить целые полки и дивизии. Таким образом 10 и 11 июля армия потеряла всю местность между реками Серетом и Гнезна к югу от Тарнополя, а в ночь на 12 июля гвардейские полки от одного намека, что их обходят, очистили Тарнополь. Н корпус, который должен был быть на левом фланге армии, буквально разбежался, не имея даже против себя сколько-нибудь значительных сил противника, и до настоящего времени не собран. В общем армия бежит. Где удастся остановить противника, трудно даже предугадать. Весь командный и офицерский состав бессилен что-либо сделать за исключением подвига самопожертвования... Трагизм высшего командного состава заключается еще в том, что вместо того, чтобы преданные долгу части обращать против врага, он должен их направлять для умирения взбунтовавшихся полков и целых дивизий в тылу и для прекращения мародерства и грабежей. Необходимость опереться для восстановления порядка на ряды войск и на части, верные долгу, приводят к междоусобию в среде армии, что постепенно превращается в новый вид разложения ее. Как преданный сын России, положивший всю свою жизнь на служение родине, я считаю себя обязанным заявить правительству, что демократия России и революция гибнут. Я считаю безотлагательно необходимым объявить на время армию беспартийной, воспретить войскам всякие митинги и обсуждение политических вопросов, восстановить дисциплинарную власть начальников в полной мере и военно-полевые суды с применением смертной казни. Нахожу отмену последней в действующей армии неправильной: если правительство посылает на смерть от пуль врага, то почему оно дает возможность избежать этой смерти предателям и изменникам? При этих мерах, если будет прекращено наступление на всех фронтах и если наши доблестные союзники отвлекут от нас внимание противника, еще можно надеяться спасти армию, привести ее в порядок и подучить, но при условии суждения военно-полевым судом всех агитирующих в войсках против войны и наступления, призывающих к неповиновению. Литература должна быть допущена в войсках только та, которую признает возможным допустить Совет рабочих и солдатских депутатов и комитеты фронтов и армий. Хотя эти меры и отменяют некоторые свободы, дарованные гражданам-воинам, но это есть единственное средство восстано-

вить до некоторой степени порядок в армии и тем спасти родину от гибели, а вместе с нею и революцию. Кременец. 12 июля № 4443. Балугев» (л. 192—197).

42) В телеграмме со сведениями о настроении в частях N армии к 8 июля, за подписью Маркова, полученной 9/VII, между прочим, сообщено: «В N Сибирском корпусе категорически отказались наступать N сибирский полк в полном составе, 2¹/₂ роты N полка, до 300 человек N полка»... «Полки N дивизии, ввиду целого ряда эксцессов и полного нежелания их не только наступать, но вообще исполнять какие бы то ни было приказы, решено было разоружить и расформировать...» (л. 198 и 199).

43) Телеграмма с юго-западного фронта от 8/VII такого содержания: «В роковые и трагические дни, переживаемые Россией, когда единственный путь спасения свободы и революции — твердая власть, Искомитисз, посылая на фронт своих представителей, требует от них и от всех начальников не останавливаться на полумерах и применять вооруженную силу против частей, уклоняющихся от выполнения боевых приказов против отступающих без приказа дезертиров. Как революционная власть Искомитюз настаивает на исполнении этого требования. № 746. И. о. председателя Дешевов» (л. 206).

44) 8/VII 1917 г. получена телеграмма такого содержания: «Военмин. Исполнительный комитет. Таврический дворец. Петроград. Копия главковерх. По донесениям комиссаров Филоненко, Кириенко и помощника комиссара Григорьева, а также по моим личным наблюдениям, поведение лиц командного состава, за редчайшими исключениями, во время боев неизменно доблестно свидетельствует о преданности их свободе и беззаветной любви к родине. Было бы весьма желательно отметить это поведение в особом приказе, что, несомненно, послужит к необходимому укреплению доверия солдат и офицеров. По мнению комиссара Кириенко, неудачи 11 армии происходят главным образом благодаря существовавшей в этой армии сильной «большевистской» агитации и отсутствию чувства ответственности в солдатах. Вся коллегия комиссаров пришла к заключению, что революционная власть в армиях не проявляется в достаточно осязательных формах и что в войсках нет революционной дисциплины, каковую дисциплину надлежит ввести, не останавливаясь ни перед какими мерами. № 8017. Комиссарюз Савинков» (л. 209 и 210).

45) Телеграмма на имя военмин такого содержания: «К № 8017 комиссара Савинкова. Всемерно поддерживаю ходатайство комиссаров, обращая ваше внимание на то, что без введения самой суровой дисциплины армия погибнет, а с ней погибнет и свобода, завоеванная народом. 8 июня 1917 года. Брусилов» (л. 211).

48) 13/VII 1917 г. из Житомира в ставку, за подписью губкомиссара Вязлова, прислана такая телеграмма: «Проходивший Житомир, направлявшийся Коростень, Шепетовку, Проскуров... эшелон N пехотного стрелкового полка распространяет отпечатанное 2 июля в Туле воззвание ко всем трудящимся России явдо преступного большевистского содержания, вызывающее к перемирию на всех фронтах, к прекращению бойни и пр. Разъясняя, что полк идет на фронт не для поддержания бойни, а для прекращения. Воззвание подписано председателем общего собрания солдат полка прапорщиком Уваровым, унтер-офицером Игнатьевым, солдатом Парамоным. Сообщаю для сведения» (л. 315).

49) 17/VII, с румынского фронта, от вр. командующего N стрелковым полком полковника Александра поступила телеграмма о том, что

14 июля четыре роты и команда разведчиков отказалась выполнить приказание — выступить на поддержку разведчиков, находившихся на оставленной противником N высоте. Отказ свой мотивировали нежеланием наступать (л. 320).

50)

Всего во II части пронумерованных листов 345. Многие из осмотренных документов имеют надпись «Секретно». Некоторые телеграммы были переданы в зашифрованном виде.

И. д. судебного следователя В. Сцепуро.

Понятые: Штабс-капитан [подпись].

Штабс-капитан [подпись].

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1917 года, сентября 25 дня, г. Могилев. Судебный следователь Гродненского окружного суда по важнейшим делам, приняв во внимание, что осмотренные 21—24 сего сентября документы из секретного дела № 3, части I и II, особого делопроизводства, о политическом настроении на фронте и в тылу, имеют значение для дела, а потому, руководствуясь 371—372 ст. у. у. с., постановил: отдельные эти документы, упоминаемые в пятидесяти пунктах указанного дела, приобщить к делу в качестве вещественного доказательства.

И. д. судебного следователя В. Сцепуро.

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА.

Секретное.

1917 года, сентября 25 дня, г. Могилев. Судебный следователь Гродненского окружного суда по важнейшим делам, в присутствии нижеподписавшихся понятых, произвел осмотр в управлении генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем дела № 3, часть III, особого делопроизводства, о политическом настроении на фронте и в тылу и об эксцессах.

Цель осмотра указана в протоколе от 21—24 сего сентября, равно как и способ его. Там же имеется и краткий обзор этого дела.

Настоящим осмотром устанавливается следующее на основании имеющихся в деле документов:

1) Телеграмма от 15/VII с северного фронта, за подписью Данилова. В ней, между прочим, говорится следующее о причинах неуспеха штурма 10 июля: «Неудачи заключаются в отсутствии порыва пехоты, как результат злостной пропаганды большевиков и общего длительного разложения армии» (л. 5).

2) Телеграмма с юго-западного фронта от 16/VII, за подписью Духовина, о настроении в армиях с 1 по 9 июля. В этой телеграмме, между прочим, сказано: «... В N полку среди прибывших на пополнение солдат сильно распространены идеи большевизма... В N полку настроение возбужденное, полк отказывается выступать на позицию; в N и N полках отрицательное отношение к наступлению, в N — частичные случаи братания и отказа от работ и смены в окопах...» (л. 13—17).

3) В телеграмме от 16/VII, с северного фронта, за подписью Вахрушева, сообщается о настроении войск за время после 4 июля и констатируется, что оно в N и N армиях ухудшилось. «... N Сибирский полк

Н сибирской дивизии совершенно разложился и вынес резолюцию об исполнении боевых приказов при условии осуществления большевистских лозунгов... В 1-й латышской бригаде полное разложение, продолжается братанье и обмен с немцами газетами... В N полку полное разложение, продолжаются эксцессы и братанье... N полк N дивизии снят с фронта под давлением большевиков, угрожавших активными действиями против артиллерии... Прибывший на пополнение N корпуса большевистский запасный полк осложнил положение, пришлось отказаться от пополнения N дивизии, дальнейшая присылка запасных, зараженных большевизмом, может вызвать кризис... Большевизм из открытого принял более тайный характер» (л. 41—45).

4) Телеграмма от 24/VII, за подписью Маркова, основана на донесении командира Попехонского полка о том, что 178 запасный полк, квартирующий в Старой Руссе, совершенно распропагандирован большевиками и не может дать полезных для армии солдат. Прибывшие из означенного полка маршевые роты сразу нарушили порядок в полку и несмотря на протест армейского комитета арестовали бывшего командира полка ген.-майора Свистунова и увезли его в Петроград в Совет рабочих и солдатских депутатов. Прибывшие вновь 24 июня роты воспротивились выборам в дисциплинарные суды и формированию штурмовой роты, предъявили требование отмены военной цензуры, категорически заявили, что в наступление не пойдут, ибо не доверяют военмину Керенскому, в ночь на 30 июня агитировали об убийстве командира полка и некоторых офицеров. Прибывают роты из этого полка совершенно необученными солдатскому делу и вообще элемент никуда негодный» (л. 141—142).

5)

6) Телеграмма от 22 /VII 1917 г., за подписью Сытина, со сведениями с 8 по 14 июля. В ней, между прочим, сказано: «Резко выделяется N корпус, настроение которого считаю далеко неспокойным под влиянием контрреволюционной агитации большевиков» (л. 198).

7) На листе 222 имеется телеграмма от 30/VII за подписью прокурора ген.-майора Балясного, в которой сообщается, что «принадлежность Мостовенко к Петроградскому Совету р. и с.-д. была удостоверена комиссаром Тизенгаузеном, выдавшим ему пропуск», и что «из донесения... [?] кор. 26 усматривается, что, по показанию лиц, бывших на митинге, депутат Мостовенко, выступивший с речью, назвал себя представителем Совета р. и с. д. и своей речью он призывал против наступления, к необходимости обсуждать все приказы на митингах, говорил о недоверии к офицерам, большинство которых притворяется; себя называл большевиком, речь его имела большой успех и последствия. Для более достоверного установления сущности события я просил генкварм 9 произвести расследование через особое доверенное лицо. № 144341. Прокурор ген.-майор Б а л я с н ы й» (л. 222).

Более ничего существенного для дела в документах осмотренного дела № 3, ч. III, не обнаружено.

Всего в деле пронумерованных листов 324. Некоторые из телеграмм были при передаче зашифрованы и передавались как секретные.

И. д. судебного следователя В. С ц е п у р о.

Поняты: Штабс-капитан [подпись].

Штабс-капитан [подпись].

Справка. Вещественные доказательства хранятся в управлении генерала-квартирмейстера верховного главнокомандующего.

Московское студенчество и профессура накануне Февральской революции.

В первые годы после революции 1905 г. высшая школа представляла как бы оазис среди окружающей русской действительности. «Только несколько шагов отделяло, например, Московский университет от манежа — этой эмблемы неизблемости status quo, а между тем всякий перешагнувший порог высшей школы на Меховой попадал в совершенно новый, свободный мир, регулируемый своими собственными законами»¹⁾. После разгрома революции 1905 г. наступила эпоха самой разнузданной черносотенной контрреволюции. Реакция вступила в свои права. В этих условиях автономная высшая школа стала постепенно возвращаться к своему первобытному состоянию. Временными правилами 11 июня 1907 г. было уничтожено общестуденческое представительство в виде центральных органов и советов старост. Вслед за переворотом 3 июня 1907 г., приведшего к укреплению дворянско-буржуазного блока, либеральная буржуазия, ранее поддерживавшая студенческое движение, отвернулась от него и стала крайне враждебно относиться ко всем студенческим выступлениям. «Студенческое движение должно совершенно прекратиться после 17 октября 1905 г., — писал один из кадетских идеологов Изгоев. — До этого времени русское общество и русский народ могли и должны были все прощать своему студенчеству за ту огромную положительную роль, которую оно играло в жизни страны. Теперь со студенчества эта непосильная для молодых плеч задача снята, и общество требует от него другого: знаний, работоспособности, нравственной выдержки»²⁾.

В 1910 г. дворянско-буржуазный блок, приспособиться к которому звали «Вехи», дал заметные трещины. В стране вновь поднималось оппозиционное настроение, усиливалось и студенческое движение. Кадетская пресса заговорила совсем другим языком. Так, даже «Речь» по поводу студенческих демонстраций против смертной казни писала в декабре: «Дети, наши дети опять борются за что-то иное, чем мы в 3-й Думе. Можем ли мы им сказать, что все нам и им необходимое мы сделаем без них и за них?»

Студенческие выступления 1910 г. вызвали крупные репрессии со стороны министерства народного просвещения, запрещение студенческих собраний и организаций в высшей школе и ряд других мер, повлекших за собой уход московского ректора и видных профессоров. Мимо студенческого движения не могла пройти и Госуд. дума. Речи правых и левых в Госуд. думе сделали многое для уяснения происхождения и значения студенческого движения. Совершенно ясной стала связь университетского вопроса со всей внутренней жизнью страны. Левое студенчество вело борьбу не только «за себя», но за права культуры, за самое существование высшей школы, за сохранение авторитета профессорских коллегий против министерских циркуляров. Тем не менее либералы не только осудили студенческое движение, но, в лице прогрессивной профессуры, в самый разгар движения объявили войну студенчеству. Предста-

¹⁾ «Путь студенчества», сборник статей, 1916 г., стр. 20.

²⁾ «Вехи», сборник, Москва, 1909 г., стр. 200.

витель Москвы в Госуд. думе Маклаков ставил себе в заслугу, что он не подписал ни одного запроса о высшей школе. Маклаков не сомневался, что мероприятия против высшей школы исходят «из желания пользы России, из забот о науке, из благожелательного отношения к молодежи». Вся энергия красноречивого московского депутата была направлена на разъяснение того, что виноваты во всем «подстрекатели», которые старались использовать «естественное, быть может, законное» возбуждение молодежи — в политических целях. Но борьба прогрессивной профессуры со студенческим движением не спасла и ее самое от разгрома. Торжествующая реакция поспешила очистить высшую школу от негодных ей профессоров. Неменьший разгром пережило и студенчество. Было исключено из высшей школы свыше 3 тысяч студентов. Сотни студентов были высланы из университетских городов и сосланы в северные губернии. Студенческие организации были навсегда изгнаны из стен высшей школы. Запрещены были всякие студенческие собрания. Но не прошло и двух лет, как стало ясно, что самые свирепые репрессии не в силах убить деятельность демократических групп студенчества. В 1912 г. возродилась студенческая пресса, сохранившая, как тогда выражались, радикально-демократические заветы своих предшественников. Этим же демократизмом пронизаны и студенческие выступления 1913—1914 гг. по поводу реформы Военно-медицинской академии, чествования памяти Шевченко, Ленских событий и т. д. В 1914 г. в Петрограде даже стал выходить марксистский студенческий орган «Утро жизни», направления рабочей газеты «Правда», т. е. орган студентов-большевиков. В начале войны, когда либеральные газеты приветствовали патриотические демонстрации, которые в Москве привели к разгрому немецких магазинов, когда либеральные «Русские ведомости» назвали эти демонстрации «светлыми манифестациями молодежи», московское революционное студенчество протестовало и в выпущенной листовке с упреком писало: «Сколько поколений студенчества было авангардом в народной борьбе против прусско-татарской клики, называвшей себя русским правительством! А вы носите с портретом окровавленного безумца и братаетесь с градоначальником. Вы, учащиеся на гроши народа, голодного, забитого и полуграмотного, чему вы научились? Что вы скажете народу, если он спросит вас? Какой вы ему укажете путь?» и т. д. Посланные в прессу протесты организованного студенчества появились в «усеченном виде». «Студенческие годы, студенческий орган, выступил также против травли немцев и резко полемизировал с Ник. Морозовым, идеализировавшим войну. «В годы тяжчайших испытаний народных масс, когда воистину мир готов захлебнуться в слезах и крови, где наше место, если не вместе с народом? Всюду, где стонут и бьются в тисках нужды и страдания народные массы, всюду, где трепетно ищет выхода мысль миллионов, — там наше место, там наш — молодой дехократии — священный боевой пост» (№ 15, 1915 г.).

Начиная с 1910 г. революционное студенческое движение все теснее смыкалось с рабочим движением, и со страниц студенческих изданий не раз раздавался призыв: «Прислушайтесь к голосу пролетариата, спешно строящего свои ряды в боевой порядок. Выходите на арену активной общественной деятельности. Покажите, что вы попрежнему верны старым, не урезанным лозунгам». (т. е. лозунгам большевиков). И, как мы видим из ниже публикуемых документов, эти призывы не были призывами в пустое пространство. В годы всеобщего ренегатства, в годы войны, как и раньше в годы реакции, левое студенчество пошло с пролетариатом, и, как тогда, так и теперь либеральная профессура пошла на службу самодержавию и, охранке.

Публикуемые ниже материалы дают возможность установить как размах, глубину и принципиальную сторону студенческого движения г. Москвы в 1916 г., так и ту роль, какую в нем играли большевики. Одиночки из народнически и меньшевистски настроенных студентов иногда пытались стать в революционную позу, но повести за собой массы революционного студенчества они никогда не смогли. Только большевики, оставшиеся верными интернационализму и революционному марксизму, раз-

вернувшие решительную борьбу с ренегатами разных мастей и ведущие пролетарские массы на штурм самодержавия под старым знаменем революционного марксизма, только они были вожаками передовой части московского студенчества. Публикуемый материал устанавливает, в известной мере, и персональный состав руководящих кадров этого движения.

Активная большевистская деятельность сильно беспокоила ректора Московского университета М. К. Любавского, являвшегося активным осведомителем градоначальника и попечителя учебного округа «о всем происходящем в университете». В собственноручно составленных им донесениях он то и дело писал: «Донесу вашему превосходительству о нарушении порядка в университете...», и, давая картину происшедшего, делал выводы, что «какие-то подпольные силы во что бы то ни стало хотят поднять учащуюся молодежь, прибегая ко всякой агитации». Призывом к охранному отделению — лучше смотреть за подпольными силами — ректор университета не ограничивался, а шел дальше: он весь служебный аппарат университета превратил в агентуру охранного отделения, а полицию то и дело вводил в стены университета. Любавскому казалось, что власти недостаточно ему помогают в искоренении большевистской заразы, и он «покорнейше просил господина московского градоначальника... оградить университет от проникновения в него таких подозрительных личностей, как бывший студент-естествовик Николай Владимирович Маноцков» (18/X 1916 г. № 9745). Даже в день февральского переворота (28/II 1917 г.) Любавский остался тверд на своем сторожевом посту профессора-охранника. В этот день, когда студенты «зачем-то сняли железные ворота»... «затем отправились для участия в демонстрации»..., а «группа студентов намеревалась устроить нечто вроде перевязочного пункта», Любавский обо всем этом «имел честь донести»...

Еще более славными подвигами в этом направлении отличался помощник прокурора Модестов, действия которого не только вызвали возмущение студенчества, выразившееся в выпуске соответствующих листовок, но даже привели к двухдневной забастовке протеста.

«История высшей школы еще не знала более безотрадных моментов, как переживаемые годы», — писало «Студенческое дело» (№ 16, 1914 г.). «И материальная и духовная сторона наших университетов в самом жалком состоянии. Кафедры пусты, а если и заняты, то профессора не пользуются ни научным авторитетом, ни уважением со стороны слушателей... Дамоклов меч висит на свободе мысли и свободе преподавания». В течение двух лет войны положение высшей школы еще более ухудшилось, и к началу революции 1917 г. «перешагнувший порог высшей школы на Моховой» уже не попал в «совершенно новый, свободный мир, регулируемый своими собственными законами», а оказывался в полицейской атмосфере, под недремлющим оком ректора-охранника, и лишь Октябрьская революция, выбросив из высшей школы разных мастей полицейских охранников и представителей мракобесия и безграмотности в науке, вывела высшую школу на новый светлый путь.

Публикуемые здесь материалы взяты из фондов: а) канцелярии военного прокурора Московского военно-окружного суда (дело 1916 г., № 38, лл. 10—20, 76); б) Московского охранного отделения (дела 1916 г., № 52, лл. 3—7; № 62, л. 190; № 892, лл. 23—28; № 77, л. 13; № 17, л. 88) и в) канцелярии по студенческим делам Московского университета, хранящихся в Архиве революции и внешней политики.

Ив. Меницкий.

Заключение военного прокурора Московского военно-окружного суда по делу студенческой с.-д. организации «Группа марксистов».

В декабре 1915 года в городе Москве Отделением по охранению общественной безопасности и порядка были получены сведения о том, что

после ареста в ноябре того же года членов Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии некоторые наиболее деятельные члены этой партии, заведомо поставившей себе целью ниспровержение существующего в России политического строя и введение в России демократического образа правления—республики, организовались в особую группу по восстановлению Московского комитета РСДРП. Деятельность этого преступного сообщества проявилась в выпуске за своей подписью листовки в память «9 января», обращенной к рабочим и получившей значительное распространение.

В этой листовке, один из экземпляров коей был найден на консервном заводе Кольберг в г. Москве (л. дела 71 об.), упоминается рабочим о 9 января 1905 года, когда рабочие, «измученные бесправием и нуждой, пошли просить милости и правды у царя» и «ответом на это были тысячи убитых и раненых»; далее в той же листовке содержится призыв всем рабочим России объявить всеобщую забастовку на 9 января в виде протеста против пролития крови и войны; заканчивается листовка словами: «Долой войну», «Долой царское самодержавие», «Да здравствует демократическая республика» (л. дела 156, 72).

В состав этой организационной группы входили между прочим, по показанию свидетеля ротмистра Ганько, производившего розыск и дознание по настоящему делу, крестьянин Адриан Филиппов Рындич и мешанка Матильда Ицкова Черняк; по показанию того же свидетеля, членам организационной группы удалось создать Московский комитет РСДРП, который однако после возникновения продолжал служить лишь орудием в руках организационной группы, которая и выпустила фактически сама, но за подписью комитета, листовку к рабочим к 7 марта, т. е. ко дню суда над трамвайными рабочими, содержащую в себе призыв к рабочим устроить всеобщую забастовку 7 марта и заканчивающуюся обычными партийными призывами к ниспровержению существующего в России политического строя. Одна из этих листовок была найдена 7 марта вывешенной в уборной для рабочих завода «Динамо» в городе Москве (л. дела 73, 154).

Одновременно с сим, по сведениям того же Отделения, подтвержденным на следствии свидетелем, ротмистром Ганько, среди студентов императорского Московского университета и других высших учебных заведений возникли особые студенческие социал-демократические группы, из коих особенно проявила себя в жизни группа Московского университета, именовавшая себя «Группой марксистов», выпустившая от своего имени несколько размноженных на ротаторе листовок, содержащих в себе призывы к ниспровержению существующего строя, озаглавленных «К созыву Думь», «Страна в опасности» и др., почти совершенно не получивших распространения среди рабочих.

Далее из показаний того же ротмистра Ганько видно, что, по агентурным сведениям, добытым на дознании, по возникновении Московского комитета у членов организационной группы появилась мысль ввести в Московский комитет членов от студенческих социал-демократических групп, которые как более интеллигентные явились бы в роли пропагандистов в рабочих районах.

По показаниям, данным ротмистру Ганько одним из заподозренных в участии в этой преступной организации, потомственного почетного гражданина Виктора Вознесенского, вполне подтвержденным данными наружного наблюдения, связь между организационной группой и студенческой группой марксистов должна была быть установлена на собрании членов.

этих групп, состоявшемся 21 февраля с. г. на квартире члена группы марксистов студента Митрофана Владимировича Гаек, в городе Москве, в д. № 23, по 1 Знаменскому переулку; на этом собрании по показанию Вознесенского присутствовали кроме него, Вознесенского, член организационной группы Матильда Черняк, которую он по поручению студенческой группы привел на собрание, и члены группы марксистов—студенты Петр Чхенкели, Ефрем Эшбая и хозяин квартиры Гаек; на собрании по показанию Вознесенского Матильда Черняк заявила, что она является представительницей организационной группы по восстановлению Московского комитета РСДРП и что она пришла на собрание, чтобы предложить студенческой марксистской группе избрать своего представителя в вышеназванный комитет, по вопросу этот остался на собрании нерешенным ввиду возникновения прений по другим вопросам и вследствие затянувшегося доклада Черняк по вопросу об отношении социал-демократии к войне. По утверждению того же Вознесенского, ему, Вознесенскому, было известно и ранее о существовании в университете социал-демократической группы от студента — вышеназванного Эшбая, игравшего в группе руководящую роль; по словам Эшбая, он, Вознесенский, знал, что означенная группа выпустила листовку «К созову Думы», каковую листовку Эшбая просил его распространять среди студентов, но он однако уклонился от исполнения этого предложения; в студенческом книгоиздательстве, где Эшбая служил, последний показал ему, Вознесенскому, значительное количество этих листовок (л. дела 115, 116 и 167).

В ночь на 2 марта в целях пресечения преступной деятельности вышеназванных преступных организаций были обысканы и арестованы входившие, по сведениям Отделения по охране безопасности, в группу марксистов вышеназванные студенты: Гаек, Эшбая и Вознесенский и кроме того студент Московского университета Михаил-Болеслав Владислав Осельский, также входивший в ту же группу; кроме того в ту же ночь были обысканы и арестованы как участники в организационной группе по восстановлению Московского комитета РСДРП вышеуказанные Адриан Рындиц и Матильда Черняк; 25 апреля был арестован вышеназванный студент Чхенкели; при обыске у Вознесенского, Черняк и Чхенкели не было обнаружено никаких документов, имеющих отношение к обвинению их в участии в преступных сообществах. При задержании все вышеуказанные лица отрицали всякое свое участие в каких-либо преступных организациях.

При осмотре на предварительном следствии документов, листовок и различных изданий, найденных при обыске в квартирах у некоторых из вышеперечисленных лиц, оказалось, что у студента Осельского были найдены:

1. 13 экземпляров листовок за подписью «Группа марксистов», озаглавленных «К созову Думы», выполненных на пишущей машинке и воспроизведенных с помощью мимеографа; местом выпуска листовки обозначена Москва. В первой части листовки в общих чертах обрисованы в мрачных красках результаты современной войны и политика правительства по отношению к рабочему классу, Государственной думе, а также Земскому и Городскому союзам, экономическое положение страны и полный хаос народной жизни. Затем автор листовки задается вопросом, чем можно ожидать в такое время от Государственной думы, и вслед за этим дает следующий ответ: «Российская буржуазия боится военного разгрома; она трусит за свои богатства, добытые трудом рабочих; она боится невыгодных торговых договоров. И потому она претендует на власть для организации победы и осуществления своих захватных планов. В силу этого прогрессивный

блок поставлен в необходимость конфликта с самодержавной властью. Во главе платформы, на которой сошлись политические деятели от Савенко (правый националист) до Милюкова (к.-д.), стоит требование министерства из людей, пользующихся общественным доверием, желание, чтобы власть из рук правящих сфер перешла в руки блока. И в этой борьбе двух враждебных ему сил российский пролетариат поддержит буржуазию. Блок требует ухода правительства, протестует против роспуска Думы. Эти требования поддержит и рабочий класс, но он будет бороться с буржуазией против ее захватных планов и разоблачать ее антидемократическую политику». Оканчивается листовка следующими возгласами: «На знамени русского пролетариата стоит созыв Учредительного собрания и борьба за мир. Да здравствует свободная Россия! Да здравствует интернациональный мир!» (л. дела 102, 103, 107).

2. Рукописная резолюция, как видно из ее содержания, марксистского студенческого коллектива, исполненная на листе почтовой бумаги химическим карандашом и печатными буквами. Резолюция эта гласит дословно следующее: «Лозунг гражданской войны предполагает, что в известный момент организованный пролетариат в союзе с городской и сельской демократией, при содействии армии, открыто выступит для свержения существующего общественно-политического строя и учреждения демократической республики. Для захвата власти демократией необходима будет организация боевых дружин, которые однако могут поспособствовать успеху революции лишь тогда, когда за их спиной будут стоять организованные массы, проникнутые идеей борьбы с самодержавием, когда эти боевые дружины явятся авангардом организованной демократии. Всякое же вооруженное выступление для поддержки организованных масс в целях партизанской войны с царизмом будет нелепо, так как поведет лишь к самоистреблению, к разгрому существующих организаций, к усилению реакции не только правительственной, но и общественной. Принимая во внимание все вышесказанное и учитывая всю слабость пролетарских организаций, а также необходимость ясного представления пролетариатом задачи текущей революции, находим, что основной обязанностью марксистского студенческого коллектива является пропагандистская и организационная работа в рядах пролетариата, создание же боевых дружин должно быть передано всецело на усмотрение местных руководящих учреждений РСДРП» (л. дела 107).

3. Две тождественные по содержанию рукописи, исполненные на листах писчей бумаги, одна красными чернилами и почерком, следовательно неизвестным, другая — черными, рукою обвиняемого Осельского, как это установлено произведенной на следствии экспертизой сличения почерков (л. дела 218 об.). Рукописи эти представляют собою резолюции, как видно из их содержания, «демократического студенчества, стоящего на точке зрения революционного марксизма», по вопросу о задачах пролетариата ввиду происходящей ныне европейской войны. Сущность этих резолюций сводится к следующему: 1) задачей международного пролетариата является неотложная борьба за прекращение войны; 2) борьба эта в данный момент может принять лишь формы международной гражданской войны пролетариата с господствующими классами Европы; 3) социалистические рабочие партии должны немедленно отозвать своих представителей из состава буржуазных правительств, выразить последним свое недоверие, хотя бы в виде отказа вотировать военные кредиты, резко отмежеваться от буржуазного национализма и стать во главе интернациональной гражданской войны; 4) участие рабочего класса России в обороне страны и в организациях,

созданных для военных целей (военно-промышленные комитеты) является изменой демократическому знамени и международному социализму; 5) задачей всей демократии России является: а) неотложная революционная борьба за свержение царского самодержавия и учреждение демократической республики и б) солидарное выступление с демократией других стран в деле ликвидации войны; 6) задачами демократического студенчества, стоящего на точке зрения революционного марксизма, являются: всестороннее разъяснение истинных причин войны и ее действительного значения для трудящихся масс, самоорганизация в целях борьбы за прекращение войны и за созыв Всенародного учредительного собрания, развитие классового сознания и организация пролетариата» (л. дела 107 об. и 108).

4. Рукопись карандашом на листе писчей бумаги, написанная рукой обвиняемого Осельского, как это было установлено на следствии экспертизой (л. дела 218 об.), но скорописью, т. е. с сокращением окончаний и отдельных слов, с многочисленными поправками, вставками, исправлениями и зачеркнутыми местами. Почерк ее неразборчивый, так что некоторые слова совершенно не поддаются прочтению. По содержанию своему она, по-видимому, представляет черновик речи, доклада, статьи и т. п. Гласит она дословно следующее: «Товарищи, реакция свирепствует во-всю, тысячи томятся в Сибири. Провокация действует во-всю. Рабочие организации разбиты. Подпольная жизнь расстроена арестами, но (следует неразборчивое слово) оптимистически смотрят на надвигающиеся добытия, они говорят, что революция вспыхнет сама по окончании войны. Они жестоко ошибаются. Вот вам пример 1905 года, к нему деятельно готовились целыми десятилетиями. Теперь этого нет. Необходимо мобилизовать, угрожая реакции, наши силы. И неизвестно, кто победит в предстоящей борьбе. Может реакция победить и отбросить Россию назад, которой она была до 1905 года. Студенчество всегда шло первым по глаголу революции и только за последнее время оно отстало, ушло в свои личные дела и науку. Это объясняется многими причинами. Но, товарищи, довольно спать. Пора приниматься за дело. Я повторяю, что данный момент так важен, что даже сейчас (следуют неразборчивые слова) в партийных организациях о блоке между левыми течениями, включая сюда даже анархистов, чтобы общими силами таранить ту стену, за которую прячется правительство. Совместная работа может заключаться в бросании массы летучек в армию. Я еще раз повторяю, что война каждый день может кончиться, а у нас ничего не будет готово, так как сейчас не имеется никаких связей с деревней, нет связей с провинцией, армией. И вот тут-то студенчество могло бы сыграть (неразборчиво) роль. Если бы землячества были объединены в один коллектив, то можно было бы при помощи их рассылать нелегальную литературу в провинцию, для этого тоже нужны работники. Так, когда предположили издавать нелегальную газету, то первый вопрос встал, сможем ли мы ее распространять. На это пришлось ответить «нет». Конкретное предложение выбрать 3, которые вошли в (следует неразборчивое слово, которое можно прочесть и как «качество» и как «комитете»)). На этом рукопись обрывается (л. дела 108 об.).

5. Разрывная снаряженная граната, с ручкой и запальной трубкой к ней, из гремучей ртути, по заключению эксперта-пиротехника Порфирьева, военного образца, принятая однако не в русской армии и вполне пригодная к действию (л. дела 138).

У студента Эшбая были обнаружены:

1. Три экземпляра летучки, озаглавленной «К созыву Думы», за подписью «Группа марксистов», совершенно тождественных и по содержанию

и по внешнему виду с вышеописанной летучкой, найденной в количестве 13 экземпляров у Осельского (*л. дела 110, п. 1*).

2. Один экземпляр, исполненный чернилами и от руки печатными буквами на вырванном из ученической тетради полулисте графленой в мелкую клетку бумаги, представляющей из себя, по удостоверению свидетеля ротмистра Ганько, по своему содержанию оригинал летучки Московского комитета РСДРП по поводу предстоящего 7 марта суда над трамвайными рабочими, один из экземпляров коей, как выше указано, был найден на заводе «Динамо». По содержанию своему летучка эта представляет тенденциозную критику отношения правительства к рабочему классу даже в кровавые дни войны. В частности в ней указывается, что теперь хотят расстреливать рабочих, сохранив видимость закона, на законном основании, так как в понедельник 7 марта состоится военный суд над трамвайными служащими и рабочими только за то, что они вынуждены были забастовать, чтобы добиться увеличения своего нищенского заработка. Далее в ней говорится: «Но мы должны и не можем больше молчать. Мы должны громко протестовать. Мы должны бороться за свои права, за свою жизнь, сомкнув дружно пролетарские ряды, мы потребуем к ответу царских палачей и дюрянско-буржуазных лакеев. Мы заявляем, что с ними пролетариат не может объединиться. Им, своим внутренним врагам, он объявляет гражданскую войну — войну против царского самодержавия, против буржуазии и дворянства, войну против международной бойни». Оканчивается летучка следующим призывом: «Товарищи, объединитесь, протестуйте, боритесь и 7 марта всеобщей забастовкой заявите свой протест, высоко поднимая интернациональное пролетарское знамя, начертан на нем: «Долой войну! Долой царское самодержавие! Да здравствует международное братство рабочих! Да здравствует вторая русская революция! Да здравствует Всенародное учредительное собрание! Да здравствует РСДРП!» (*л. дела 100, 110, 157*).

3. Два исполненных на пишущей машинке и воспроизведенных при посредстве какого-то множительного аппарата экземпляра известного «Циммервальдского манифеста» социал-демократической партии (*л. дела 110 об.*).

4. Три экземпляра исполненной на пишущей машинке при посредстве переводной бумаги «Декларации Петербургской организации социал-демократов меньшевиков», изданной, как это значится на каждом экземпляре, «СНБ инициативной группой с.-д. меньшевиков». По содержанию своему декларация эта представляет обращенный к русским рабочим призыв примкнуть к позиции международного совещания социалистов, недавно состоявшегося в Швейцарии. Основные тезисы декларации заключаются в следующем: русский пролетариат, как и мировой, желает разрешения сложных вопросов современности не на полях битвы, а путем мирного соглашения свободных народов. Его лозунгом во внешней политике является мир, обеспечивающий свободу самоопределения всех наций, а во внутренней — свержение самодержавия, которое больше всего мешает борьбе пролетариата за такой мир (*л. дела 110 об.*).

5. Рукопись на листе писчей бумаги с заголовком «Резолюция коллектива представителей московских студенческих организаций по поводу призыва в ряды армии студентов евреев», содержащая в себе резкую критику действий правительства по поводу призыва студентов и заканчивающаяся требованием, чтобы студенты еврей призывались в ряды армии на общих основаниях (*л. дела 110 об., 111*).

6. Один экземпляр, исполненный на пишущей машинке, подписанного двумя представителями Центрального комитета РСДРП — Зиновьевым и Лениным проектом резолюции по вопросу о всемирной войне и задачах социал-демократии.

У студента Гаека было найдено:

1. Один экземпляр исполненной на пишущей машинке и воспроизведенной с помощью мимеографа листовки-летучки, озаглавленной «Страна в опасности» и снабженной подписью «Группа марксистов». Время и место выпуска не указаны. Основная тема этой листовки, изданной, как видно из ее содержания, ввиду происходящей ныне войны, изложена в вышеприведенном ее заголовке, а также в следующих заключительных словах: «Спасение России в борьбе демократических сил за немедленный созыв Учредительного собрания», коим предшествуют фразы: «Только народ, сознавший огромную историческую опасность, создавшуюся для России, только новое, свободно избранное на основании всеобщего, прямого, тайного и равного голосования избирательного права. [?] Представители его в Учредительном собрании могут сказать решающее слово о войне и мире. Передовые элементы народа, в особенности рабочего класса, должны отбросить все происходящие споры и разногласия, проникнуться общим чувством опасности и общими силами ее предотвратить» (л. дела 98).

2. Один экземпляр № 41, от 1 марта 1915 года, издающейся в Женеве газеты «Социал-демократ», центрального органа РСДРП (л. дела 98).

У крестьянина Рындича было отобрано:

1. Два тождественных экземпляра исполненной на пишущей машинке и воспроизведенной с помощью мимеографа листовки, снабженной эпиграфом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» за подписью «Московский комитет РСДРП». По содержанию своему листовка совершенно тождественна с вышеуказанным оригиналом, отобранным у студента Эшбая, будучи составлена по поводу предстоящего 7 марта суда над трамвайными рабочими (л. дела 100).

2. Исполненное чернилами, от руки, печатными буквами, на листе почтовой бумаги анонимное воззвание, представляющее из себя, по объяснению свидетеля, ротмистра Ганько, оригинал предположенной к выпуску листовки с заголовком «Товарищи», начинающейся фразой: «Современная империалистическая война, имеющая целью захват рынков и грабеж стран, приняла затяжной характер». Далее в воззвании говорится, что русское самодержавное правительство тормозило развитие народного хозяйства, почему Россия не развила тех производительных сил, которые были бы возможны при другом политическом строе, и оказалась совершенно неподготовленной к войне. Не имея средств на ведение войны, правительство наводняет страну бумажными деньгами, что усиливает дороговизну и губит народное хозяйство. Дороговизна особенно тяжело отражается на рабочем классе. Капиталисты не отказываются, пользуясь военными обстоятельствами, уменьшить эксплуатацию рабочих. В борьбе за улучшение своего материального положения рабочий класс встречает противодействие в крепостническом самодержавии, так как ответом на справедливые экономические требования рабочих служат расстрелы и военные суды: расстрелы в Костроме и Иваново-Вознесенске, а 7 марта военный суд над трамвайными служащими... за экономическую забастовку». Оканчивается воззвание следующим образом: «Товарищи! Противопоставьте черносотенным силам царизма силу организованных демократических масс. Организуйте для борьбы с правительством. Откликнитесь забастовкой-протестом

7 марта, в день военного суда над трамвайными служащими. Долой самодержавие! Да здравствует гражданская война! Да здравствует демократическая республика России! Да здравствует РСДРП!» (л. дела 100 об., 101).

3. Один экземпляр № 37, от 1 февраля 1915 года, и один экземпляр № 47, от 13 октября 1915 г., издающейся в Женеве газеты «Социал-демократ», центрального органа РСДРП (л. дела 100).

Спрошенный на следствии судебным следователем Московского окружного суда по особо важным делам Вольгановским первоначально в качестве свидетеля Виктор Вознесенский утверждал вначале, что Митрофана Гаек он совершенно не знает, к нему на квартиру он никого не приводил и 21 февраля у него вовсе не был, совершенно отрицая таким образом все вышеприведенные свои объяснения, данные им ротмистру Ганько (л. дела 144). Однако затем, когда судебный следователь сообщил Вознесенскому о том, что следствие располагает неопровержимыми данными, устанавливающими участие его, Вознесенского, на собрании 21 февраля в квартире Гаека, Вознесенский в сильном смущении заявил, что «частным образом», т. е. без занесения его объяснений в официальную бумагу, он охотно расскажет все, известное по делу, но только на словах, и вслед за сим Вознесенский полностью подтвердил все свои вышеприведенные объяснения, данные им ротмистру Ганько, и между прочим показал, что с Эшбаем, состоявшим заведующим магазином «Студенческое книгоиздательство» на Моховой, он познакомился за несколько месяцев до своего ареста; часто бывая в названном магазине, он узнал от Эшбая, что в университете среди студентов образовалась «Группа марксистов», ведущая усиленную агитацию против войны; Эшбая вслед за тем предложил ему принять участие в работе этой группы, но он отказался; вместе с Эшбаем он бывал в студенческой столовой, где познакомился со студентом Гаеком. Приблизительно за 10 дней до его ареста Эшбай обратился к нему с просьбой оказать услугу, а именно, привести 21 февраля на собрание членов «Группы марксистов» какое-то лицо для обмена мнениями; он, Вознесенский, изъявил свое согласие и получил тогда же от Эшбая соответствующие инструкции; согласно этим инструкциям он, Вознесенский, 21 февраля в 10 часов утра явился к адресному столу, с засунутым за борт пальто № газеты, по коему знаку его должны были признать за лицо, присланное группой; вскоре к нему подошла женщина, оказавшаяся по предъявленной ему фотографической карточке Матильдой Черняк, которая поздоровалась с ним, и он повел ее в Знаменский переулок в квартиру Гаека, где вскоре, кроме самого хозяина Гаека, Черняк и его, Вознесенского, собрались Эшбай и незнакомый ему до того времени студент, опознанный им по фотографической карточке за Петра Чхенкели. На состоявшемся вслед за сим собрании Черняк, называя себя все время представительницей какой-то «организационной группы», говорила о том, что прежде всего необходимо повести агитацию за мир, — при этом она спрашивала, есть ли у студенческой партии связи с рабочими, указывая, что эти связи необходимо передать Московскому комитету и ввести в последний представителя от студенческой группы, для чего все группы должны созвать своих представителей, а последние из своей среды избрать делегата в Московский комитет. На собрании этом по словам Вознесенского никаких резолюций постановлено не было, и вскоре все разошлись (л. дела 145—148).

На следствии в качестве свидетелей были допрошены полицейские надзиратели Московского охранного отделения Григорий Осмынин и

Степан Ютяев, которые удостоверили, что на их глазах 21 февраля с. г. Вознесенский около 10 часов утра встретился около адресного стола с женщиной, оказавшейся Черняк, и вместе с этой женщиной пошел в Знаменский переулок, в подъезд дома № 23, куда вскоре вошли опознанные ими впоследствии по фотографическим карточкам студенты Эшбая и Чхенкели. Все они прибыли в квартире около 2 часов и затем разошлись (л. дела 150, 151).

На следствии был также допрошен помощник пристава 1 участка Арбатской части Капгеръ, производивший обыск у Осельского. По удостоверению этого свидетеля, когда он приступил к обыску, Осельский попросил разрешения выйти в уборную, что навело его, свидетеля, на подозрение, не желает ли он что-нибудь спрятать; в виду этого он тотчас же произвел у Осельского личный обыск, причем в кармане его жилетки обнаружил какой-то предмет, оказавшийся запальной трубкой из гремучей ртути от разрывной гранаты, находившейся здесь же открыто в комнате Осельского; последний на вопрос свидетеля, что это за снаряд, ответить отказался, сказав: «Разбирайтесь сами» (л. дела 126 об.).

Привлеченные в виду всех вышеизложенных данных к следствию в качестве обвиняемых по 1 ч. 102 ст. уг. ул. Эшбая, Гаек, Чхенкели, Осельский, Вознесенский, крестьянин Рындич и мещанка Черняк, а Осельский также и по 987¹ ст. ул. о нак., все они при допросе отрицали свою виновность в участии в сообществе, поставившем себе целью ниспровержение существующего в России государственного строя, и вместе с тем показали:

Эшбая и Гаек, что из всех вышеназванных привлеченных к следствию в качестве обвиняемых лиц они знают только друг друга, что найденную у них нелегальную литературу они частью нашли на улице, частью же в университете и, прочитывая, оставляли у себя: они никогда не слыхали даже о существовании в университете «Группы марксистов» (л. дела 82).

Чхенкели и Черняк, что из вышеперечисленных обвиняемых они никого не знают, а также и не знают друг друга. 21 февраля они ни на каком собрании, происходившем в доме № 23 по Знаменскому пер., не были и ни в каких нелегальных партиях и организациях участия не принимали (л. дела 172, 174).

Рындич и Осельский, что найденную у них нелегальную литературу им дали на хранение их знакомые, назвать которых они не желают; они совершенно не были ранее знакомы ни между собой, ни с другими обвиняемыми; по объяснению Осельского с одной из данных ему на хранение рукописей он стал писать для себя копию, которая и была у него найдена при обыске; найденный же у него снаряд привезен с фронта его знакомым, назвать которого он не желает; он, Осельский, думал, что снаряд не заряжен (л. дела 96, 94).

Вознесенский, что Эшбая он знает только в лицо, ни на каких собраниях социал-демократических групп, в частности на собрании 21 февраля в доме № 23 по Знаменскому переулку, он не бывал; Матильду Черняк он вовсе не знает (л. дела 233).

Из письменных сведений на обвиняемых видно, что Ефрем Алексеев Эшбая, 24 лет, по его словам, происходит из абхазского привилегированного сословия; Митрофан Владимиров Гаек, 22 лет, происходит из потомственных дворян Воронежской губ.; Адриан Филиппов Рындич, 23 лет, происходит из крестьян Черниговской губ., Новозыбковского уезда, Семеновской волости, м. Семеновки; Михаил-Болеслав Владиславов-Осельский, 22 лет, сын надворного советника (л. дела 230); Матильда Ицкова

Черняк, 21 года, происходит из мещан города Лодзи; Петр Иванов Чхенкели, 21 года, происходит из потомственных почетных граждан и, наконец, Виктор Петров Вознесенский, 28 лет, происходит из потомственных почетных граждан.

По объяснениям всех обвиняемых никто из них под судом не состоял.

Настоящее дело изъято из общей подсудности, согласно п. I ст. 17 прилож. к ст. 23 правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении.

Кроме обысков, произведенных у вышеназванных обвиняемых, были также произведены обыски в ту же ночь на 2 марта с. г. в г. Москве на квартирах сына личного почетного гражданина Николая Николаева Матвеева, студента Коммерческого института Георгия Сократова Мышкина, мещанки Эльвиры Эдуардовны Берзетис и Ксении Павловны Никифоровой, из коих последние две во время обыска жили на одной квартире.

При обыске у них оказалось отобранном следующее:

У Матвеева: 1) один тектографированный экземпляр «Резолюции петроградских рабочих, издания группы студентов г. Томска», 2) два экземпляра так называемого «Циммервальдского манифеста», 3) рукопись на листе писчей бумаги, озаглавленная «Кружок друзей революции» и представляющая из себя проект названного кружка, в коем могут принимать участие, как указано в рукописи, сочувствующие идеям Циммервальдского манифеста (*л. дела 105 и 106*);

у Мышкина: один экземпляр выполненной на mimeографе листовки, озаглавленной «К созыву Думы», содержание коей изложено выше (см. осмотр у Осельского);

у Никифоровой и Берзетис: 1) один экземпляр отлитографированной декларации Петербургской организации социал-демократов меньшевиков, тождественной по содержанию с отобранной у Эшбая (см. выше), 2) один экземпляр Циммервальдского манифеста, 3) выписки карандашом из № 47 газеты, издаваемой в Женеве, «Социал-демократ», 4) экземпляр исполненного литографическим способом «Проекта резолюции, внесенной левой частью конференции» (очевидно, Циммервальдской), 5) рукопись, написанная неизвестно чьей рукой, представляющая из себя по содержанию выяснение вопроса о том, какую тактику необходимо усвоить социал-демократии вообще и в России в частности в настоящее время в связи с войной, причем автор приходит к заключению, что социал-демократия в России должна всеми силами бороться за вытравливание демократическую ликвидацию текущей войны; 6) рукопись, представляющая собою воспроизведение статьи известного (социал-)демократа Ленина «Крах интернационала», 7) по одному экземпляру №№ 33, 41, 42, 43, 47 и 48 газеты «Социал-демократ» (*л. дела 120—124*).

Матвеев, Мышкин, Берзетис и Никифорова были также привлечены к следствию в качестве обвиняемых по I ч. 102 ст. уг. ул., причем при допросе они не признали себя виновными в приписываемом им преступном деянии и показали:

Матвеев, что «Устав кружка друзей революции» написан им, как теоретическое упражнение. Циммервальдский же манифест найден им на окне университета (*л. дела 86*);

Мышкин, что легучка «К созыву Думы» найдена им в библиотеке Коммерческого института (*л. дела 88*);

Берзетис и Никифорова, что всю найденную у них социал-демократическую литературу им дал товарищ по университету Шаняевского, назвать

которого они не желали бы, но удостоверяют, что он не находится в числе обвиняемых, привлеченных по настоящему делу (л. дела 90).

При производстве предварительного следствия не было добыто решительно никаких данных, устанавливающих участие Матвеева, Мышкина, Берзетис и Никифоровой в вышеуказанных сообществах, именуемых «Группа марксистов», «Организационная группа по восстановлению Московского комитета РСДРП».

На основании изложенного абхазец Ефрем Эшбая, потомственный дворянин Митрофан Гаек, потомственный почетный гражданин Петр Чхенкели, сын чиновника Михаил Осельский, крестьянин Адриан Рындич, мещанка Матильда Черняк и потомственный почетный гражданин Виктор Вознесенский подлежат обвинению:

Эшбая, Гаек, Чхенкели и Осельский в том, что в декабре 1915 г. в городе Москве, состоявшей тогда и ныне состоящей на военном положении, вступив членами в преступное сообщество, именовавшее себя «Группой марксистов» и поставившее заведомо для них целью своей деятельности — ниспровержение насильственным образом существующего в России государственного строя и созыв Учредительного собрания для установления в ней демократической республиканской формы правления, они, действуя в целях этого сообщества, в январе и феврале 1916 г. составляли, печатали и хранили у себя в целях распространения воззвания, призывающие к осуществлению вышеперечисленных целей и между прочим воззвания «К созыву Государственной думы», «Страна в опасности», что предусмотрено 1 ч. 102 ст. уг. ул.;

Рындич и Черняк в том, что тогда же и там же вступили членами в преступное сообщество, именовавшее себя «Организационной группой по восстановлению Московского комитета РСДРП» и поставившее заведомо для них целью своей деятельности также насильственное ниспровержение существующего в России государственного строя и установление республиканского образа правления, для достижения каковой цели они составляли, печатали и распространяли воззвания, призывающие к осуществлению вышеперечисленных целей, и между прочим выпустили нижеследующие воззвания, обращенные к рабочим и содержащие вышеуказанные призывы «В память 9-го января» и по поводу суда 7 марта над трамвайными рабочими, причем первое из означенных воззваний выпустили за подписью «Организационной группы», а второе за подписью «Московский комитет РСДРП», что предусмотрено тою же 1 ч. 102 ст. уг. ул.;

Вознесенский в том, что, также участвуя в вышеуказанном преступном сообществе, именовавшем себя «Группой марксистов», с целью связать и объединить деятельность этого сообщества с деятельностью также описанного выше сообщества, именовавшего себя «Организационной группой по восстановлению Московского комитета РСДРП», он, зная о преступных вышеописанных целях, преследуемых обоими сообществами, 21 февраля 1916 года в городе Москве привел члена «Организационной группы», вышеназванную Черняк, на собрание «Группы марксистов», состоявшееся в квартире члена группы вышеупомянутого Гаека, для обсуждения вопросов о совместной деятельности обеих групп, что предусмотрено также 1 ч. 102 ст. уг. ул. о наказаниях.

Осельский кроме того обвиняется также и в том, что тогда же хранил в своей квартире без надлежащего разрешения взрывчатый снаряд-гранату, снаряженную, снабженную запальной трубкой из гремучей ртути

и вполне пригодную к действию, что предусмотрено 1 ч. 987¹ ст. ул. о наказаниях.

За означенные деяния Эшбая, Гаек, Чхенкели, Осельский, Рындич, Черняк и Вознесенский подлежат, на основании 260, 262 ст. ст. XXIV кн. с. в. п. и п. 1—17 к 23 ст. II тома св. зак., преданию Московскому военно-окружному суду.

Независимо от сего, принимая во внимание, что найденная у обвиняемых Матвеева, Мышкина, Берзетис и Некрасовой социал-демократическая литература, свидетельствуя до известной степени лишь об их образе мышления, не имеет отношения к деятельности вышеуказанных преступных сообществ, что участие вышеназванных лиц в этих сообществах, равно как и обвинение их по 1 ч. 102 ст. уг. ул., является неустановленным, военно-прокурорский надзор полагает: уголовное преследование сына личного почетного гражданина Николая Николаева Матвеева, сына чиновника Георгия Сократова Мышкина, мещанки города Пскова Эльвиры-Корнелии Эдуардовой Берзетис и крестьянки Тобольской губернии, Ишимского уезда, Желяковской волости, Ксении Павловой Никифоровой, обвиняемых по 1 ч. 102 ст. уг. ул., за недоказанность события преступления, на основании 3 п. 553 ст. в. с. д., дальнейшим производством прекратить и принятую в отношении их меру пресечения — особый надзор полиции отменить.

Памятная записка.

Московский военно-окружной суд в закрытом судебном заседании 3—7 сентября 1916 года, под председательством исп. об. военного судьи генерал-майора Абрамовича-Барановского, рассмотрев дело о дворянах Ефреме Эшбае, Митрофане Гаеке, сыне чиновника Михаиле Осельском, почетном гражданине Петре Чхенкели, крестьянине Адриане Рындиче, мещанке Матильде Черняк и потомственным почетным гражданине Викторе Вознесенском, преданных военному суду в порядке ст. 17 и 26 положения о государственной охране, по обвинению их в участии в преступном сообществе, поставившем себе целью ниспровержение существующего в России государственного строя, т. е. в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. уг. ул., признал всех названных обвиняемых невиновными в вышеописанном преступлении.

Вопрос о подаче протеста будет решен по объявлении приговора в окончательной форме.

Листовки, обнаруженные в феврале и марте 1916 г. в здании Московского университета.

1¹⁾.

К СОЗЫВУ ДУМЫ.

Правящие и имущие классы в борьбе за свои интересы бросили друг друга на вооруженные народы.

Миллионы трупов и искалеченных людей принесены в жертву этим интересам. Культурное запустение, политическая реакция, налоговый

¹⁾ Листовка эта 11 февраля 1916 г. при отношении за № 1261 была ректором университета М. К. Любавским представлена попечителю Московского учебного округа как найденная служителем в уборной анатомического театра (в старом здании). Из текста ее видно, что группа в то время стояла не на большевистских, а на циммервальдских позициях.

гнет и хозяйственный кризис — вот к каким результатам привела настоящая война.

Наше безответственное правительство — эта кучка паразитов стоящая во главе огромнейшей страны, приняло все меры к тому, чтобы использовать войну для укрепления своей преступной власти: разгромлены рабочие профессиональные организации, задушена рабочая печать, ежедневно расстреливают или ссылают борцов за свободу народа. Умереннейшая Дума помещиков и купцов была разогнана, в корне были задушены политические поползновения Земского и Городского союзов.

Правительство привело страну к хозяйственному кризису: царит ужасающая дороговизна жизни, страна наводнена бумажными деньгами, построено железнодорожное движение.

Полный хаос народной жизни — и ликующая кучка паразитов, опирающаяся на тайную и явную полицию, военные суды и военную диктатуру, — вот что представляет в данный момент Россия.

Чего можно ожидать в такое время от Государственной думы?

Российская буржуазия, как и всякая другая, боится военного разгрома, она трусит за свои богатства, добытые трудами миллионов рабочих, она боится невыгодных торговых договоров. И поэтому она претендует на власть для «организации победы» и осуществления своих захватных планов (Константинополь, проливы, Персия, Армения).

Прогрессивный блок, поскольку он является выразителем «чаяний» российской буржуазии, в силу этого поставлен в необходимость конфликта с самодержавной властью. Во главе платформы, на которой сошлись политические деятели от Савенко (пр. националист) до Милюкова (к.д.), стоит требование министерства из людей, пользующихся общественным доверием, — желание, чтобы власть из рук правящих сфер перешла в руки блока. И в этой борьбе двух враждебных ему сил российский пролетариат поддерживает буржуазию. Блок требует ухода правительства, протестует против роспуска Думы, — эти требования поддержит и рабочий класс. Но он будет бороться с буржуазией против ее захватных планов и разоблачать ее антидемократическую политику. На знамени российского пролетариата стоит созыв Учредительного собрания и борьба за мир. Долой самодержавие, да здравствует свободная Россия, да здравствует интернациональный мир.

Группа марксистов.

Москва.

2¹⁾.

Товарищи! Наступил момент, когда пришел и наш черед принять прямое участие в событиях, вот уже 20 месяцев тяготеющих над миром: 15 марта нас призывают в ряды армии. Мы хотим этим обращением, товарищи, заставить вас задуматься над тем, что понесем мы туда, куда пойдем, и что мы должны будем там сделать. Оглядываясь на окружающую дей-

¹⁾ Листовка эта 10 марта 1916 г. при отношении за № 2316 была ректором университета представлена попечителю Московского учебного округа, как найденная в этот день служителем на столах в лаборатории медицинской химии. Служитель, нашедший три таких прокламации, видел подобную в руках студента медика Тумалевича Вацлава; на предложение служителя отдать ему прокламацию, студент Тумалевич не отдал, но положил ее себе в карман. «Ввиду сего, — доносил ректор, — от студента Тумалевича отобран входной билет».

ствительность и вдумываясь в положение дел, мы все должны учесть те результаты, к которым пришли с начала войны до настоящего времени. Для всех ясен теперь характер войны. Ясно, что вопреки всем звучащим когда-то освободительным лозунгам она ведется империалистическими правительствами с ярко захватными целями, с желанием раздавить врага, чтобы на его поражении выстроить свое благополучие. Мы видели, как все сильнее за время войны разыгрывались аппетиты буржуазии, которая вместе с дворянством и правящими кругами от этой войны ждет, да и теперь уже стремится приобрести выгоды исключительно для себя. Ясно, что пролетариат, на которого война обрушилась со всей тяжестью, сильнее всех терпящий от нее, ничего от нее не выигрывает. И таким образом перед демократией всех воюющих стран встает вопрос о прекращении этого взаимного истребления, вопрос об интернациональном мире. С другой стороны, вакханалия реакции, происходящая сейчас в России, стремление правительства закрепить и на будущее время свои позиции, усиление гнета во всех областях общественной жизни, боязнь распространения демократических идей, разве это недостаточно показательны для определения позиции нашего правительства? И покуда власть будет находиться в руках правительства или стремящейся теперь к власти буржуазии, до тех пор демократия не сможет добиться того, чтобы дело обороны страны было поставлено нормально, как его понимает демократия: без аннексий, без контрибуций и всяких других захватных тенденций. Поэтому мы должны добиваться того, чтобы вырвать власть из рук правительства. Мы должны стремиться к народовластию путем созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Подчеркивая вот именно это, мы хотим товарищи, обратить ваше внимание на то, что перед вами с особенной важностью выступает задача внутренней работы, которую мы должны будем вести на фронте. Стремясь вырвать власть из рук правительства, борясь за народовластие и против захватных тенденций российских империалистов, мы должны будем революционизировать армию, чтобы в момент революции она выступила в одних рядах с демократией, а не являлась бы послушным орудием в руках правительства. Другой нашей задачей явится борьба за интернациональный мир, борьба, которая уже начата демократией различных стран, как это показала Циммервальдская конференция социалистов воюющих и нейтральных стран.

Итак через революцию к Интернациональному миру, который заключит свободная Россия, и к восстановлению Интернационала — да будет нашим лозунгом, товарищи!

Группа марксистов.

3.

Уже больше 2 лет длится в стране более тяжелая, чем когда-либо до этого реакция.

Проникая повсюду, она свила себе прочное гнездо в университете. Каждое усилие ее в стране делает все более ненавистным поведение реакционной профессуры и университетской администрации, которые давно уже находятся в конфликте с учащейся молодежью и давно уже приняли ярко выраженный полицейский облик. Эта старая истина временами невыносимо больно напоминает о себе.

20 сентября первокурсники-естественники после лекции выбирали себе старосту. И вот, вполне спокойное течение этих выборов было нарушено внезапно и попытками задержать некоторых товарищей и отобрать у них входные билеты для выяснения личности. На следующий день служители университета, не имея возможности задержать участников прошлого собрания, конфисковали во время лекции пальто одного из замеченных товарищей и с понятной целью отправили его в распоряжение проректора.

Так препятствует администрация насущным организационным стремлениям студенчества, так стремится она превратить учащуюся молодежь в «отдельных посетителей» факультета. Но и всего этого мало.

На третий день, т. е. 22 сентября, в одну из аудиторий, где происходили занятия, грубо ворвались служители с помощником проректора (Модестовым) во главе, набросились на одного из товарищей и на глазах ошеломленных товарищей потащили с собой под руки через двор, без пальто и фуражки, в общую канцелярию. При этом схваченный товарищ подвергался оскорблениям со стороны Модестова, который напаяливал ему на голову первую попавшуюся кенку.

Это уже совершенно невыносимый факт. Это значит, что университетская администрация уже совсем обнаглела, если даже позволяет себе врываться в аудиторию во время занятий и позволяет себе насилие над личностью.

Так больше не должно продолжаться, потому что никто из нас не может считать себя в безопасности от произвола администрации.

Товарищи! Атмосфера все более стужается, события требуют от нас ответа — будьте готовы к нему, — и, когда ответ будет даваться, помните о солидарности — этом основном принципе демократии!

Студенческие организации.

Из агентурной записки Московского охранного отделения от 10 марта 1916 г. по студенческому движению.

На прошлой неделе в студенческой столовой на Моховой улице было собрание представителей студенческих организаций, которое выпустило воззвание от имени коллектива студентов московских высших учебных заведений по поводу призыва студентов-евреев в ряды действующей армии. В воззвании указана общая политика правительства и в частности к евреям. В конце воззвания помещен протест по случаю призыва студентов-евреев на неравных условиях со студентами других национальностей. Это воззвание должно было быть подписано всеми студенческими легальными организациями, но некоторые организации от этого отказались, так как воззвание носит характер прокламации.

Резолюция коллектива представителей московских студенческих организаций по поводу призыва в ряды армии студентов-евреев

Дни кровавого мирового конфликта русское правительство использовало для усиления всей той же полицейско-бюрократической политики «старого режима», подавления и пресечения малейшей искры самостоятельности и инициативы широких народных масс, противодействия каждому

общественному начинанию, устранения голоса народа от вершения собственных судеб, провокационного патравливания одной части населения на другую. Голоса народных представителей не доходят до народа по распоряжению военной цензуры, превратившейся в цензуру политическую, в полицейскую опеку над прессой. Рабочая печать задушена, рабочие организации разгромлены, самостоятельность демократических слоев населения подавляется на каждом шагу. Но современный разгул правительственной реакции—это последние конвульсии «старого порядка», предсмертное усилие бюрократии удержать в своих руках ускользающую власть, заставить Россию свернуть с того пути неизбежного поворота, по которому она идет помимо воли правящей камарилы.

Националистическая политика правящей бюрократии за время войны с достаточной ясностью подтверждена прямым нарушением обещаний, данных относительно автономии Польши; положением финляндского вопроса и вопроса о кавказских народностях; систематическим подавлением голоса украинцев, латышей, литовцев и остальных «инородцев»; истинно-русской политикой власти в завоеванных областях Галиции; насаждением особой «русской цивилизации» в духе православия, самодержавия и полицейской «народности»; погромной тактикой по отношению к евреям, провокаторскими наветами на часть русских граждан. Особыми секретными циркулярами, случайно сделавшимися достоянием гласности, правительство преступно пользуется как средствами погромной агитации среди населения, пытаясь свалить ответственность за общую дезорганизацию страны, за расстройство транспорта, спекуляцию, дороговизну, — все естественные следствия бесконтрольного хозяйничанья бюрократии, — на беззащитную и бесправную нацию. Ужас еврейского бесправия во время войны достиг апогея. Результатом всей провокационной политики правительства было то, что, по сообщению депутата Фридмана, за время войны было 434 еврейских погрома, массовые казни и расстрелы взятых так наз. «заложников», погрома еврейских святых, насилие и надругание над еврейским населением... Вынужденное маленькое облегчение в виде частичной отмены оседлости было очень быстро использовано властью как новый повод для новых бесконечных репрессий, явилось фоном, на котором разыгрывались бесчисленные высылки, задержания, аресты, переселения целых толп из одной губернии в другую, откуда их затем снова выселяли. Целые облавы на евреев под видом «борьбы с спекуляцией», вроде имевшей место 9 января в Москве, ссылки [?] тайных погромных циркуляров с «непроверенными сведениями», являющихся наглай ложью, голословное обвинение целой нации в государственной измене — такова политика бюрократической власти по отношению к еврейству.

Призыв еврейского студенчества в ряды армии в качестве нижних чинов явится только новой возмутительной частностью, только еще одной характерной подробностью общего правительственного националистического курса. С другой стороны, предполагающийся непризыв евреев студентов в ряды армии при общем призыве студенчества есть чисто провокационный выпад власти с целью расстривать националистические инстинкты и внушить мысль о недостойности еврейского студенчества стоять наравне с русским.

Московское демократическое студенчество, в полном соответствии с мнением и требованиями всей демократической России, выражает протест против всех ограничений в правах национальностей. Московское демократическое студенчество требует призыва студентов евреев на равных основаниях со всеми.

Донесение ректора Московского университета московскому градоначальнику от 21 марта 1916 г.¹⁾*Секретно, срочно.*

Уведомляю ваше превосходительство о нарушении порядка в университете, происшедшем сегодня 21 марта. В двенадцатом часу дня студенты медицинского факультета, 1-го курса, вместо того, чтобы идти на лекции проф. Карузина, наполнили секционный зал анатомического института и открыли совещание. Об этом проректорским надзором дано было немедленно знать полиции. Явившийся в секционный зал помощник проректора Модестов с предложением разойтись встречен был свистками и враждебными криками. Но когда появилась на дворе университета полиция, студенты покинули анатомический институт и удалились из университета с пением на улице «Вы жертвою пали в борьбе роковой». После их ухода на полу коридора была подобрана прокламация, приглашающая от имени студентов-медиков 1-го курса к двухдневной забастовке в знак протеста против ареста товарищей и ввода полиции в высшие учебные заведения (разумеется Коммерческий институт). Таким образом, волнения, происходившие в последнее время в высших учебных заведениях — Коммерческом институте, Сельскохозяйственном и на Высших женских курсах, в конце концов, перекинулись и в университет. Общее впечатление от них таково: какие-то подпольные силы во что бы то ни стало хотят поднять учащуюся молодежь, прибегая ко всяческой агитации. Сначала были выкинута лозунги: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует вторая российская революция!», «Да здравствует социал-демократическая партия!». Когда же эти лозунги не нашли себе большого сочувствия, стали агитировать за учинение протеста против осуждения трамвайных служащих и расчета рабочих Путиловского завода. На Женских курсах обеспокоились положением евреев студентов, призываемых в армию, и вынесли, поскольку мне известно, резолюцию о том, чтобы студенты евреи наравне с русскими призывались для пополнения офицерских кадров. В университете забастовка пропагандировалась уже в виде протеста против ареста каких-то товарищей и ввода полиции в Коммерческий институт.

Ректор.**Листовка, распространявшаяся в Московском университете 21 марта 1916 г.****Товарищи!**

В защиту арестованных товарищей, томящихся в тюрьмах и подвергающихся неслыханным оскорблениям в стенах охранки, уже выступило московское студенчество. Забастовки протеста были объявлены в Московском коммерческом институте и на Высших женских курсах. Мирное течение забастовок было нарушено администрацией этих учебных заведений, введшей полицию и применившей силу.

Наш долг, наша обязанность — поддержать товарищей в их борьбе с произволом и насилием. Необходимо дать почувствовать им, что они не одни, что за ними все студенчество. Товарищи! В знак протеста против арестованных товарищей...

¹⁾ Воспроизводится по отпуску, написанному рукой ректора университета проф. М. К. Любавского. Аналогичное донесение за № 2719 было послано полечителю Моск. учебного округа.

стов товарищей и нарушения свобод высшей школы мы, студенты-медики 1-го курса, объявляем двухдневную забастовку протеста. Необходимо единодушно поддержать ее!

В единении сила!

Донесение ректора Московского университета попечителю Московского учебного округа от [?] октября 1916 г.¹⁾

Представляя при сем вашему превосходительству две копии прокламации, найденной в новом здании университета, имею честь донести, что поводом, послужившим к написанию найденной прокламации послужил нижеследующий эпизод, происшедший в старом здании университета.

21 сентября в химическом институте, во время перерыва лекции проф. Плотникова, слушатели его устроили собрание. Служитель Благов отобрал, было, входные билеты у трех лиц, принимавших участие в прениях, но установить их личности Благов не мог, благодаря вмешательству некоего Маноцкова, личность которого была установлена лишь впоследствии и который насильственно, при поддержке других студентов, заставил Благова возвратить отобранные билеты. На другой день, 22 сентября, был отобран билет у председательствовавшего на собрании студента-естественника Бориса Альбицкого, а 23 сентября был задержан и Маноцков Николай, который оказал при своем задержании такое сопротивление, что только угроза пригласить полицию заставила его следовать в канцелярию по студенческим делам. Маноцков — бывший студент естественного отделения, уволен из университета за непредставление документа по воинской повинности. В университет прошел с видом на жительство, выданным в прошлом году.

Ректор.

Донесение ректора Московского университета московскому градоначальнику от 18 октября 1916 г. № 9745²⁾.

Секретно и спешно.

В дополнение к сообщению моему от октября за №... имею честь сообщить, что вчера, 17 октября, от некоторых профессоров медицинского факультета я получил уведомление, что студенты медицинского факультета имеют намерение бастовать два дня, 18 и 19 октября, в знак протеста против поведения помощника проректора профессора Модестова, оскорбившего их товарища. Ввиду возможной в таких случаях обструкции, насильственного прекращения чтения лекций и практических занятий, я распорядился предупредить полицию 1-го и 2-го участков Тверской части и Хамов-

¹⁾ Воспроизводится по отпуску.

²⁾ Воспроизводится с отпуску, написанного рукой М. К. Любавского. Аналогичное донесение было отправлено попечителю Моск. учебного округа за № 9744.

нического участка, дабы своевременными мерами в самом начале прекратить беспорядки. Полученные мною накануне сведения подтвердились на деле. Сегодня в клиниках, по сообщению делопроизводителя факультетской канцелярии В. А. Лебедева, было «полное безлюдье и безмолвие». Оказывается; что накануне в пятом часу, после лекции профессора Побединского, состоялось самовольное собрание студентов-медиков старших курсов в аудитории акушерской и гинекологической клиники, постановившее забастовку. Старшие дали [пример?] и младшим курсам медицинского и естественного факультетов, которые сегодня также пытались осуществить забастовку. Толпа студентов, ворвавшаяся насильственно в аудиторию проф. Карузина, помешала ему окончить очередную лекцию по анатомии. На лекции проф. Кожевникова по зоологии собралась первоначально полная аудитория, но затем, по приглашению одного студента, большинство вышло, и профессор читал лекцию уже небольшому числу слушателей. Лекции профессора Карпова не состоялись вовсе за отсутствием слушателей. Все остальные лекции, назначенные по расписанию, состоялись как на медицинском, так и на естественном факультетах. На дворе старого здания собрались толпы студентов, доходившие до трехсот человек, которые, по моему требованию, переданному экзекутором университета, мирно разошлись. Экзекутором было констатировано присутствие как в анатомическом театре, так и на дворе значительного количества студентов-медиков третьего курса, проникших в университет частью по входным билетам старого образца, имеющим только новый штемпель, частью без билетов, благодаря малому числу служительского персонала. Что касается занятий в новом здании, то попытка сорвать их не удалась. Толпа медиков-студентов, ворвавшись силою в помещение историко-филологического факультета, пыталась помешать чтению лекций проф. Сперанского, но, встретив решительный отпор профессора, удалась. На лекции проф. Челпанова студенты, пригласившие не являться на лекции завтра, встретили также решительный отпор, но уже со стороны самих слушателей. Попытка банды обструкционистов проникнуть в помещение юридического факультета не удалась вследствие принятых внутри здания мер и очищения двора полицией.

В два часа дня были у меня двое так называемых «старост» второго курса медицинского факультета для сообщения о поводе, взволновавшем студентов. Я указал им, что они делают жертвами несомненной провокации, пытающейся во что бы то ни стало возбудить волнения студентов, что никакого серьезного повода для неудовольствия нет, что им преподаются всевозможные рассказы вместо фактов, что, во всяком случае, вместо того, чтобы устраивать забастовку, они могли бы явиться ко мне с жалобами на незаконные или грубые действия Модестова. Я сообщил им действительное положение вещей и просил воздействовать на товарищей и призвать их к благоразумию.

Сообщая обо всем этом вашему превосходительству, имею честь представить, что необходимо оградить университет от проникновения в него таких подозрительных личностей, как бывший студент-естественник Николай Владимирович Маноцков. Маноцков уже с 20 августа считается уволенным из университета за непредставление сведений о воинской повинности и несмотря на то разными путями проникает в университет, посещает не только лекции, но и собрания студентов медицинского факультета, где ему совсем не полагается быть и где его видели незадолго до инцидента в аудитории химической лаборатории.

Донесение ректора Московского университета московскому градоначальнику от 21 октября 1916 г. № 9885¹⁾.

Спешно и секретно.

В дополнение к сообщению моему от 18 октября за № 9745 имею честь сообщить, что вчера, 20 октября, в клиниках лекций не было за отсутствием слушателей. В новом и старом зданиях университета лекции и практические занятия, положенные по расписанию, состоялись при несколько уменьшенном числе слушателей. На лекциях проф. Байкова и прив.-доц. Гольдштейна на юридическом факультете были попытки обструкции, но не имели успеха вследствие решительного протеста проф. Байкова и прив.-доц. Гольдштейна; все другие лекции состоялись без нарушения порядка. Сегодня, 21 октября, как в клиниках, так и в университете все занятия шли нормальным порядком.

Вчера мною было получено анонимное письмо от имени какого-то «Совета старост естественного отделения», являющегося одной из тех организаций, которые провоцировали забастовки. Кто входит в состав этого совета, администрации университета неизвестно, ибо ею не выдавалось разрешения на избрание «старост».

Относительно бывшего студента Маноцкова в настоящее время мною выяснено, что он поступил в²⁾ году на историко-филологический факультет, пробыл там два года²⁾, а затем, как не сдавший греческого языка, был уволен и принят затем на естественное отделение. В бытность его студентом историко-филологического факультета он уже замечен был как активный участник беспорядков, происшедших на лекции проф. Челпанова 6 апреля 1913 года по поводу событий в Военно-медицинской академии, и только ходатайства некоторых сотрудников «Русских ведомостей», указавших на плачевное положение его матери и на его юность и неуравновешенность, удержали меня от представления г. министру касательно увольнения Маноцкова из университета. Из прилагаемого при сем в копии подробного рапорта доктора Модестова видно, что эта «неуравновешенность» отличает Маноцкова и по сие время, хотя юность его теперь уже прошла. Так как он более не состоит студентом, то мною сделано распоряжение, чтобы прошение его об обратном приеме не было удовлетворено без доклада ректору.

Присем прилагается в копиях :1) рапорт доктора Модестова, 2) письмо «Совета старост» и в подлинниках экземпляр воззваний, развешивавшихся в стенах университета.

Ректор. -

Рапорт помощника проректора Модестова ректору Московского университета от 14 октября 1916 г.

В дополнение к докладу моему имею честь донести вашему превосходительству, что, по отобрании входных билетов от трех лиц, участвовавших в прениях в аудитории химического института, 21 сентября на служителя Благова набросился Маноцков, схватил его за мундир, «за грудки», по выражению Благова, и, потрясая Благова, кричал, что нужно отобрать обратно у Благова входные билеты, «а то товарищам плохо будет». Личность

¹⁾ Воспроизводится с отпуска, написанного рукой М. К. Любавского. Аналогичное донесение было послано попечителю Моск. учебного округа за № 9886.

²⁾ В подлиннике пропуск.

Маноцкова установлена мною при следующих обстоятельствах: получив извещение, что Маноцков (23 сентября) снова появился в той же аудитории, я потребовал от него предъявления входного билета, и, получив в ответ, что билет у него находится в пальто, я предложил Маноцкову отправиться в раздевальню. Пройдя в швейцарскую, Маноцков сказал мне, что он раздевался на подъезде органической химии ¹⁾. Так как это заявление Маноцкова породило у меня подозрение, что он хочет скрыться от меня, то я предложил Благову и одному из швейцаров сопровождать его до указанного места. Здесь, в швейцарской органической химии ¹⁾, Маноцков, не видя ни одного пальто, сказал, что он пришел в университет без пальто, и здесь только предъявил вид на жительство, уже просроченный. Предъявление просроченного вида, вождение по швейцарским, нежелание последовать за мною в канцелярию по студенческим делам для установления своей личности убедили меня, что я имею дело с субъектом, личность которого во что бы то ни стало должна быть установлена. Маноцков отправился в канцелярию по студенческим делам лишь после сделанной мною угрозы обратиться к содействию полиции.

Помощник проректора А. Модестов.

Москва, 14 октября 1916 года.

Листовки, распространявшиеся в Московском университете в октябре 1916 г. ²⁾

1.

Товарищи!

Вчера объявлена двухдневная забастовка на естественном и медицинском факультетах.

Будьте солидарны и присоединяйтесь к товарищам!

2.

Товарищи!

Полицейские порядки, процветающие в университете, вызвали стихийный протест со стороны сознательного студенчества. Медики, естественники и филологи объявили 2-дневную забастовку, требуя удалить помощника проректора Модестова.

Необходима активная поддержка со стороны всего студенчества.

Обращение к ректору Московского университета совета старост естественного отделения физико-математического факультета.

М. г.

Совет старост естественного отделения физико-математического факультета считает своею обязанностью довести до вашего сведения следующее:

21 сентября во время лекции проф. Плотникова у одного из товарищей было взято пальто и отправлено г. Модестову для выяснения личности владельца.

¹⁾ Так в подлиннике.

²⁾ Листовки написаны от руки печатными буквами на $\frac{1}{8}$ писчего листа с помощью копировальной бумаги.

22 сентября перед лекцией проф. Челпанова в аудиторию явился в сопровождении служителей г. Модестов (в пальто, галошах, фуражке и с палкою в руках) и распорядился задержать одного из товарищей.

Совет старост, не вдаваясь в обсуждение мотивов, которыми руководствовался в своих поступках г. Модестов, во всем происшедшем отмечает следующие характерные черты. Г. Модестов считает возможным прибегать к таким средствам борьбы, как снятие с вешалки чужого пальто, хотя бы и для «установления личности».

Во втором случае нанесено оскорбление не только задержанному товарищу, но и всему университету, ибо грубое вторжение в аудиторию в галошах и пальто указывает на полное отсутствие у г. Модестова элементарного уважения к месту и присутствующим. Студенчество взволновано происшедшим и считает его актом грубого произвола.

Совет старост считает своим долгом указать, что чисто полицейский характер деятельности г. Модестова создает в университете напряженную атмосферу и приводит к нарушению правильного течения академической жизни. Так, настоящая 2-дневная забастовка есть результат деятельности г. Модестова.

Совет старост опасается, что дальнейшее пребывание г. Модестова в среде университетской администрации может в будущем привести к осложнениям более серьезного характера, чем настоящая забастовка.

Совет старост естественного отделения.

Листовки, распространявшиеся в Московском университете в октябре 1916 г.

1¹⁾.

Товарищи студенты!

Настали дни величайшей ответственности для вас перед народом. Гибнет все молодое, здоровое, дорогое для родины. Гибнет вера в правду и разум. Гибнут надежды на прекрасную свободную жизнь. И о, ужас! В этом торжестве смерти и разрушения интеллигенция занимает первое место, как обрученные на званом пиру. Носители гуманных идей, либералы, обручились с заклятыми реакционерами. Высшие вожди народные объединились с врагами народными.

На наших глазах — война мыслителей, война ученых, вниманию которых предоставлены миллионы человеческих жизней. И за год многочисленными великими мыслителями сказано более лжи, чем за тысячелетие всеми дикими и полукультурными народами. Великими розгами кровопролитнейшая война рисовалась освобождением всех народов от ига Германии, от германского милитаризма. Как обрадовались русские реакционеры и милитаристы, когда всех их грехи умные головы свалили на Германию и из кожи лезли, доказывая благую необходимость молчания в угнетении, бесправии русского народа, о царщем произволе варварской власти! За миллионы жизней, за разорение нашей страны ученые головы политиков предвещали народу величайшее благо — от кирпичей разрушенного Берлина, от окровавленных ключей св. Софии.

¹⁾ Листовка размножена с помощью копиральной бумаги на пишущей машинке.

Войну за благо народа превратили в неслыханное околпачивание и обирание народа до нитки. Войну за свободу народа превратили в отрицание свободы и прав человека. Войну превознесли до небес, а народ низвели до положения допотопных животных.

Войну сделали ради войны и вместо уничтожения милитаризма превратили в уничтожение народа.

Товарищи студенты! Что же вы молчите? На вас лежит величайшая ответственность перед народом. Разве вы не видите, что народ обрекается этой войной на десятки лет на нищету, бесправие? Кто же, как не вы, должны указать народу на приготовленную ему наивными либералами — приказчиками буржуазии и реакционерами, живую могилу? Прислушайтесь: стонут села, города — нет работников, нет кормильцев. Остались сироты, беспомощные старики. Разоряются хозяйства. Нищета широкой волной катится по стране. Дороговизна растет с каждым днем.

Товарищи студенты! Народ возлагает на вас большие надежды. Он верит в вашу отзывчивость, в ваше благородное сочувствие его страданиям. Но довольно тешить себя мыслью, что вы — цвет народных надежд. Время созреть, время дать достойные надежд плоды. Гибнущий народ ждет вас. Спешите к нему на помощь. В эти роковые минуты стыдно руководителям, учителям народа заниматься самоутешением, будто тасканием дров на спине, разгрузкой вагонов вы оказываете народу великую услугу. Народ столетия ждал освободителей от тяжелых оков. Он надеялся, что они придут и научат разбить оковы его, помогут ему разогнуть спину, расправят окочевевшие члены и укажут путь к светлой, радостной жизни. И вот они пришли в трагические минуты, согнули свои спины и начали дрова таскать, а тысячелетних рабов тем обрекли на убой. — Поистине медвежья услуга! Они пришли и усердно занялись изготовлением снарядов, дабы помочь реакционному правительству выйти с честью из позорных положений страшно разорительной войны и ответить залпами орудий на требование прав и улучшение жизни возмущенного народа. Они пришли и с восторгом восприняли лозунг: «Все для победы!»... и ничего для свободы, ничего для народа...

Но народу ничуть не нужна та победа, которая ведет к бесправию, торжеству царского самодержавного правительства и к новому закрепощению народа, которое ведет к превращению учителей его во вьючных животных. Народу нужны прежде всего мир и свобода. Народу нужен путь к светлой, радостной жизни: нужны гражданские права, яркий, сильный свет знания.

Товарищи студенты! Вы учились учить народ, руководить им. Спешите к нему с призывом, пока не поздно. Говорите, пока он ждет, мучительно ждет спасительного слова. Ведите его, пока он верит в вас, к новой, прекрасной, свободной жизни. Укажите ему путь спасения. Этот путь один: мир и созыв Учредительного собрания посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Знайте, товарищи студенты, что вся ответственность за поражение, за истребление народа, за нищету, за мрак непроглядный ляжет на интеллигенцию и, конечно, на вас, если вы не придете в эти кошмарные дни к народу, если вы не призовете его к миру, не укажете путь к свободе, праву.

Идите же к нему! Организуйте его, ведите от тьмы могильной к солнцу, к могущественному свету, к радостной, торжествующей жизни!

Долой войну! Долой самодержавное правительство!

Да здравствует мир! Да здравствует Учредительное собрание и демократическая республика!

Доклад Московского охранного отделения московскому градоначальнику от 16 ноября 1916 г.

Ввиду имевшихся в Отделении совершенно секретных сведений о том, что 15 сего ноября в столовой Общества курсисток Московских высших женских курсов состоится собрание «Коллектива студенческих организаций» для выработки обращения к Государственной думе от имени московских студенческих организаций и для чтения доклада Керенского о последних событиях в Думе, в 9 часов вечера означенного 15 сего ноября в столовую был введен наряд полиции, заставший на означенном собрании 273 человека.

По объяснению председателя, это собрание являлось собранием комиссии по созданию студенческого дома, на каком-то имели право присутствовать члены комиссии и что к моменту прихода полиции эти члены проверялись по списку и не состоящие таковыми должны были уйти.

В момент входа полиции в столовую находящиеся там стали спешно рвать, бросать на пол и выбрасывать в окно имеющиеся у них компрометирующие бумаги, причем был обнаружен на подоконнике, за вывеской, сверток, в коем оказалось 12 экземпляров разорванных листовок с резолюцией, принятой на совещании 45 представителей организованных рабочих в г. Петрограде, один экземпляр отлитографированной известной речи члена Государственной думы А. Керенского и клочки от листовок, содержание которых установить пока не удалось. На полу в столовой также были обнаружены клочки от листовок, 45 открыток с портретами Перовской, Желябова, Герценштейна и других с текстом явно преступного характера, письма и записки, выброшенные присутствующими.

При проверке личностей собравшихся оказалось, что среди них было 14 лиц, ранее проходящих по делам отделения, список коих при сем представляется.

Во время производства переписки к столовой подходили еще студенты, но, видя наряд полиции, спешно удалялись.

При личном осмотре прибывшего на собрание во время производства там переписки студента Московского императорского университета Сергея Шмуля Эльева Каплуна (проходящего по делам Отделения как устроителя вечеринки, часть сбора с которой поступила в фонд «Группы помощи политическим ссыльным и заключенным», организованной при Московских высших женских курсах) у него были обнаружены гектографированная речь депутата Чхейдзе, записки и заметки о войне и карточка осужденных депутатов, а у студента того же университета Ивана Михайловича Васильева — восемь однородных листовок: «Война и задачи социал-демократии» и листовка «Объединенного комитета студенческих с.-д. фракций высших учебных заведений Петрограда».

Означенные Каплун и Васильев сего числа арестованы, причем у Каплуна на квартире обнаружен проживающим без прописки названный студентом Московского императорского университета Ивановым.

Приняв во внимание вышеизложенное, а также и имеющиеся в Отделении совершенно секретные сведения о выпуске вышеуказанным «Студенческим коллективом» листовок, направленных против войны, необходимо признать деятельность вышеуказанного коллектива преступной, а собрание 15 сего ноября, ввиду присутствия на нем лиц, ничего общего не имеющих с комиссией по созданию студенческого дома, незаконным. Ввиду чего Отделение ходатайствует о наложении на вышеуказанного

Каплуна, лиц, бывших на незаконном собрании, кои помещены в представляемом при сем списке, как проходивших ранее по делам Отделения, и на председателя собрания, личность которого выясняется, административного взыскания в высшей мере и о воспрещении им права жительства в г. Москве.

Что же касается Васильева, то Отделение полагает, ввиду обнаружения у него материала, хранение которого составляет преступление, предусмотренное 132-й ст. уг. ул., возбужденную о нем переписку передать прокурору Московской судебной палаты.

Начальник Отделения [подпись].

16 ноября 1916 года.

Постановление.

1916 года ноября 30 дня я, московский градоначальник, свиты его величества генерал-майор Шебеко, рассмотрев представленную мне Отделением по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве переписку о студентах Московского университета Сергее Шмулеве Каплуне и Мозесе Файбишеве Левитине и принимая во внимание, что они изобличаются в деятельности, вредной для государственного порядка и общественного спокойствия в Москве, постановил: руководствуясь п. 16 правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении, воспретить им жительство в Москве и пределах Московского градоначальства на все время действия в них означенных правил, согласно данного мне 7 октября 1915 года, на основании третьего отдела именного высочайшего указа правительствующему сенату от 2 того же октября, командующим войсками Московского военного округа полномочия, о чем им и объявить. Кроме того, по соглашению с московским губернатором, объявляется названным лицам, что им воспрещается жительство и в Московской губернии.

Свиты его величества генерал-майор В. Ш е б е к о.

Постановление.

1916 года, декабря 10 дня, в городе Москве я, помощник начальника Московского губернского жандармского управления в Можайском и других уездах, подполковник Турчанинов, принимая во внимание, что при обыске 15 ноября с. г. в г. Москве в помещении столовой Высших женских курсов, студента Московского университета Ивана Михайлова Васильева в кармане пальто его были обнаружены тектографированные прокламации РСДРП, озаглавленные «Война и задачи социал-демократии» и «К товарищам, уходящим в войска», в нескольких экземплярах, и что эти прокламации по своему содержанию возбуждают к бунтовщическому деянию, ниспровержению существующего в России государственного строя и к вражде неимущих классов населения к войне и указывают, что современная война ведется буржуазией во вред пролетариату ради своих выгод, постановил: студента Ивана Михайлова Васильева привлечь к настоящему дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном п. 2 ст. 132 уг. уложения.

Подполковник Турчанинов.

**Рапорт и. об. помощника проректора ректору Московского университета
[31 января?] 1917 г.**

Имею честь донести вашему превосходительству о следующем: 31 января 1917 года после лекции проф. Карузина были собеседования студентов медицинского факультета 1 и 2 курса в лекционном зале анатомического театра в присутствии проф. Карузина в количестве до 400 студентов; по окончании собеседования и по уходе профессора, студенты быстро перешли в диссекционный зал анатомического театра и собрали летучую сходку в 12 час. 45 мин. дня на 7—10 минут, не больше, где постановили не посещать лекций э.-орд. проф. П. Г. Станкевича.

И. об. помощника проректора [подпись].

**Рапорт и. об. помощника проректора ректору Московского университета
28 февраля 1917 г.**

Имею честь донести вашему превосходительству о следующем: 28 февраля 1917 года на лекцию проф. П. Г. Станкевича в гистологический институт от 9 час. утра собрались студенты до 400 чел. Лекция шла нормально до 10 ч. 30 мин., когда одним из студентов была нарушена приглашением окончить занятия; г. профессор вышел из аудитории. В этот момент были брошены прокламации, и все слушатели пошли в анатомический институт. Войдя в институт и не раздеваясь, вошли в зал, где одним из студентов, мне неизвестным, сделано предложение окончить занятия. Занятия были прерваны, и слушатели вышли во двор по направлению на Большую Никитскую, где удалили двух служителей с контроля, сняли железные ворота и отнесли во двор здания.

При сем прилагаю прокламацию.

И. об. помощника проректора [подпись].

Москва, 28 февраля 1917 года.

**Донесение ректора Московского университета московскому градоначальнику
28 февраля 1917 г. № 2662 1).**

Секретно, спешно.

Имею честь сообщить вашему превосходительству, что в связи с распространявшимися вчера слухами о событиях, происшедших в Петрограде, сегодня в университете наблюдалось беспокойное настроение студентов и не состоялись лекции, читаемые в старом здании университета на медицинском и физико-математическом факультетах. В старом здании состоялась одна только лекция проф. Станкевича, по окончании которой студенты, собравшись на лекцию в необычайно большом числе, около 400, вышли на двор, зачем-то сняли железные ворота в проезде с Никитской улицы во двор, перенесли их внутрь двора, а затем отправились на Воскресенскую площадь к зданию городской думы для участия в демонстрации, где стоит толпа с красными флагами и произносятся речи. Одновременно с тем группа студентов вошла в городской лазарет, находящийся в здании юридического корпуса, отобрала у попечительницы лазарета М. Ф. Акимовой все перевязочные материалы и снесла их в лабораторию медицинской химии, наме-

¹⁾ Воспроизводится по отпуску, написанному рукой М. К. Любавского. Аналогичное донесение было послано попечителю Моск. учебного округа за № 2661.

реваясь, повидимому, устроить там нечто вроде перевязочного пункта. На историко-филологическом и юридическом факультетах лекции шли нормально, на математическое отделение ворвалась толпа студентов разных учебных заведений и увлекла за собою находившихся там студентов на улицу.

При сем прилагается экземпляр прокламаций, которые были разбросаны в помещениях университета.

Ректор.

Листовка Бюро ЦК РСДРП.

Война открывает глаза, срывает покровы. Правительство и буржуазия выступают во всей наготе.

Отжившее свой век правительство является образцом бездарности и низости. Дворцовые интриги, захват власти проходимцами и изменниками, воровство, шпионство, предательство и провокация стали обычным делом правящей шайки.

Сейчас правительство стало на распутье: боится продолжать бесплодную бойню и боится заключить мир, потому что конец войны поставит ребром вопрос об ответственности за нее: оно боится революции.

Буржуазия благословила на эту войну правительство. В течение целого года внушала она населению доверие к правительству и покрывала Сухомлиновых. Проведуя войну до конца, она обогащалась на бедствии народа. Не борьбой вместе с народом против монархии, а готовностью идти с монархией против народа старалась буржуазия пролезть к власти. Теперь буржуазия видит, что она проиграла и в своем раблении и в своих завлекательных планах: у власти вместо Милюковых и Гучковых — Треповы и Макаровы. Вместо контрибуции — государственное банкротство. На Ближнем Востоке вместо рынка для себя — рынок для германцев. Вместо завоевания Константинополя — потеря Польши. Буржуазия спешит всю ответственность за неудачную войну свалить на правительство. Она кричит: «Война до полной победы», но прибавляет: «А если мы ее проиграем, то в этом будем виноваты не мы, а правительство».

Возмущение пролетариата растет: массовое революционное движение неизбежно. И правительство и буржуазия спешат отвести от себя руку пролетариата. Правительство натравляет народ на мелких торговцев, как натравляло раньше на евреев и немцев. Оно верно своей системе провокации. Стараясь влить всеобщее негодование в русло презренных погромов и объявить это негодование изменой и бессмысленным бунтом, оно хочет залить улицы кровью, выступить в роли спасителя отечества и защитника буржуазии и этим спасти себя... Буржуазия же всякое революционное движение пролетариата старается представить как провокацию со стороны правительства, пролетариат как жертву измены, а социал-демократию как соучастника в ней.

Инстинктивно чувствуя, что монархия может еще пригодиться, буржуазные партии направляют свои удары не против монархической формы, а против ее слуг: они вполне удовлетворились бы сменой министерства и оставили бы за монархией все ее теперешние безграничные права.

Те рабочие, которые идут заодно с рабочей группой военно-промышленного комитета, предлагают поддерживать Государственную думу в ее беспринципной политике, они хотят создать совместно с Земским и Городским союзами и военно-промышленными комитетами какую-то организацию,

в которой руководящая роль будет принадлежать буржуазии. Изменив делу пролетариата, они хотят подчинить его ее влиянию и обмануть массы фальшивым лозунгом «спасения родины».

Пойдет ли на это пролетариат? Даст ли он обмануть себя? Нет, он пойдет своим путем. Интриги, соглашения, запугивания словами — не его тактика. Подновление и подкрашивание насквозь прогнившего правительства — не его задача. Революционная борьба за демократическую республику, открывающая путь к последней борьбе — к борьбе за социализм — вот его цель.

Пролетариат будет бороться за мир, но не взывая к правительству, а сделав невозможным продолжение войны. Подымая знамя восстания против виновников войны, дело мира он берет в свои руки. Только в революционной борьбе русский пролетариат привлечет к себе сочувствие пролетариата всего мира, даст опору пролетариям как воюющих против России стран, так и воюющих в союзе с ней в их агитации против своих правительств.

Совместной борьбой на месте старого буржуазного мира пролетариат создаст мир, в котором не будет места никаким войнам. Достигнет он этого, воплотив в жизнь великий лозунг:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Б у р о Ц К РСДРП.

Москва, ноябрь 1916 г.

Из записной книжки архивиста.

Печать в дни керенщины

«Правда» 1917 года, сыгравшая исключительную роль в борьбе пролетариата и коммунистической партии за Октябрь, вызвала к себе лютую ненависть как англо-французской и отечественной буржуазии, так и соглашателей всех мастей и оттенков.

После июльского разгрома «Правда», как в худшие царские времена, подвергается закрытиям, конфискации и принуждена каждые несколько дней менять свое название.

6 июля 1917 года «Правда» выходит под названием «Листок правды»; 10 июля — «Рабочий и солдат» (закрыт 23 июля); 13 августа — «Пролетарий» (закрыт 24 августа); 25 августа — «Рабочий» (закрыт 20 сентября); «Рабочий путь» — до 25 октября, и лишь 26 октября (по ст.ст.) газета выходит под прежним своим названием «Правда».

Ниже публикуемая переписка между главнокомандующим Петроградского военного округа полковником Полковниковым и министерством внутренних дел, возглавлявшимся в то время меньшевиком А. М. Никитиным, бросает свет на отношение Временного правительства к «Правде» и к интернационалистическим тенденциям, проявившимся в некоторых дооктябрьских номерах «Новой жизни». Полковников для защиты союзников готов на «исключительную для свободного государства меру воздействия» — предварительную цензуру. Сотоварищ же министра-социалиста меньшевика Никитина с.р. Гуревич — против административных мер, он пока играет в демократию и, чтобы «обеспечить пользование свободой печатного слова», предлагает предавать пролетарскую печать суду за ее «неповиновение» буржуазному Временному правительству. Министры-«социалисты», в единомыслии с полк. Полковниковым, рассматривают статьи «Рабочего пути», разоблачающие своекорыстие англо-французского империализма, как «нанесение оскорбления» «нашим союзникам».

Не меньше усердия, чем министры, проявляют комиссары Временного правительства на местах. Публикуемое здесь отношение енисейского губернского комиссара В. М. Крутовского на имя министра внутренних дел заверяет, что при выходе газет «явно большевистского толка» «спокойная жизнь» как в городе, так и в губернии будет подвергаться постоянной опасности... и категорически настаивает на том, «что дальнейшее существование этих газет терпимо быть не может...»

Подлинники публикуемых документов хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции (фонд № 398, оп. № 2, д. № 3, лл. 24—25; д. № 4, лл. 18—20).

М. Левина.

1.

Секретное отношение командующего войсками Петроградского военного округа на имя министра внутр. дел от 12 сентября 1917 г. № 134564.

Газеты «Новая жизнь» и «Рабочий путь» занимаются систематической травлей наших союзников и их официальных представителей в Петрограде.

В этом отношении обращает на себя внимание: статья под заглавием «Русская революция и союзные реакционеры» в номере газеты «Новая жизнь»¹⁾ от 9 сего сентября и заметка в отделе «Отклики дня» номера газеты «Рабочий путь»²⁾ от того же числа.

¹⁾ В статье указывалось, что дипломатические представители, как и печать Англии и Франции, поддерживают корниловщину, что французская газета «Тан» пантажирует русских «максималистов»; дескать, если не прекратится агитация против войны, союзники заключат мир с Германией за счет России.

²⁾ Статья отмечает тревогу и злобу, вызванную среди союзников резолюцией Петроградского совета от 31 авгу-

Признавая, с своей стороны, подобные действия означенных газет совершенно недопустимыми, я полагаю бы необходимым вызвать к себе редакторов этих газет и предупредить их, что в случае повторения новых выпадов указанного выше характера мною будет исходатайствовано перед Временным правительством разрешение принять в отношении редактируемых ими газет исключительную для свободного государства меру воздействия, а именно подчинение всего материала сих газет предварительной цензуре.

Сообщая об изложенном, прошу срочных по сему указаний.

Генерального штаба полковник
Полковников.

Начальник штаба генерального
штаба генерал-майор Багратуни.

Начальник отделения [подпись].

2.

Отношение министра внутренних дел на имя министра юстиции¹⁾ от 18 сентября 1917 г. № 576/Б.

Препроводя при сем на ваше распоряжение копию отношения главнокомандующего войсками Петроградского военного округа от 12 сентября за № 134564, имею честь просить вас не отказать срочно поставить меня в известность о том, признаете ли вы необходимым возбудить судебное преследование против газет «Новая жизнь» и «Рабочий путь» за инкриминируемые им в указанном отношении статьи.

За министра вн. дел В. Гуревич²⁾.

За директора канцелярии
В. Игнатьев.

ста 1917 г. о немедленном предложении всем народам воюющих государств в целом и в частности к предложению сепаратного мира, нарушающее Лондонское соглашение от 4 августа 1914 г. Англии, Франции, Италии и России, обязавшихся не заключать сепаратного мира.

¹⁾ Министром юстиции был П. Н. Малиновский, меньшевик, известный московский адвокат.

²⁾ Гуревич В. — член партии с.р., адвокат.

3.

Отношение министра внутренних дел на имя главнокомандующего войсками Петроградского военного округа от 18 сентября 1917 г. № 575/Б.

Имею честь сообщить вам, что копии отношения вашего от 12 сентября за № 134564 передана мною на распоряжение министра юстиции для привлечения к судебной ответственности газет «Новая жизнь» и «Рабочий путь» за указанные в отношении статьи. Применение же мер административного воздействия на газеты за напечатание этих статей считаю нежелательным, так как лишь суд может в должной мере обеспечить пользование свободой печатного слова и положить предел использованию печати для нанесения оскорблений и призывов к неповиновению правительству.

За министра вн. дел В. Гуревич.
Задиректора канцелярии В. Игнатьев.

4.

Отношение енисейского губернского комиссара Временного правительства Крутовского на имя министра внутр. дел от 24 августа 1917 г. № 174.

Представляя при сем №№ газет «Красноярский рабочий»¹⁾—118, 119, 120, 122, 123, 125, 126, и 128, «Известия Красноярского С. Р. и С. Д.»—115, 117, 118, 119, 121, 122, «Интернационалист»²⁾—3 и 4 и «Сибирская правда»³⁾—19, докладываю, что дальнейшее существование этих газет терпимо быть не может, так как они систематически, в ряде статей, как это видно из прилагаемых №№, проповедают идеи, идущие в разрез с видами

¹⁾ «Красноярский рабочий» — орган Красноярского комитета и Красноярского районного бюро РСДРП. После II Среднесибирской областной конференции РСДРП 6—12 августа 1917 г., порвавшей с оборонной, «Красноярский рабочий» (с № 29) стал выходить как орган Среднесибирского областного бюро и Красноярского комитета РСДРП(б).

²⁾ «Интернационалист» — орган красной группы соц.-рев. интернационалистов.

³⁾ «Сибирская правда» — орган Районного бюро ЦК РСДРП, изд. «группой большевиков-правдивых» под редакцией В. Н. Яковлева и А. Г. Рогова.

правительства, натравливают одну часть населения на другую, иначе мыслящую, и своими резкими выпадами, часто в оскорбительной форме, по адресу отдельных членов Временного правительства подрывают доверие к нему и вносят возбуждение в население губернии, что, естественно, мешает правильному устройению жизни и нормальному ее течению. Избранные указанными выше газетами способы отстаивания своих политических мнений и взглядов действуют крайне возбуждающе и развращающе на малознательные массы населения, особенно солдат, результатом чего было предъявление солдатами красноярского гарнизона требования об отпуске их на 20 дней на полевые работы, что, вопреки категорическому запрещению военного министра и командующего войсками Иркутского военного округа, было осуществлено И. К.

С. С. Д. Проведение в жизнь целиком этого самочинного постановления было остановлено решительными мерами начальника гарнизона.

В Красноярске в настоящее время выходит 10 газет разных направлений, из них 4 прилагаемых — явно большевистского толка и пока эти газеты будут существовать, спокойная жизнь как в городе, так и губернии будет подвергаться постоянной опасности быть нарушенной под влиянием крайних большевистских антигосударственных идей и призывов, проводимых этими газетами.

Представляя на ваше благоусмотрение последнее соображение, прошу указаний и распоряжений.

Губернский комиссар Крутовский¹⁾.
За правителя канцелярии [подпись].

Рабочее движение на фабрике Кениг в 1917 г.

Вторая прядильно-ниточная фабрика (бывшая Кениг) принадлежала «Товариществу прядильно-ниточной мануфактуры». Названное товарищество, кроме фабрики Кениг, объединяло еще две фабрики: Первую ниточную и фабрику «Невку»¹⁾.

Второй ниточной фабрике пришлось в истории революционного движения 1917 г. на фабриках объединения сыграть не последнюю роль. Иногда все три фабрики объединения соединялись вместе для совместной борьбы за свои требования. В свою очередь администрация Второй ниточной получала всемерную поддержку от правления товарищества. Поэтому рассматривать борьбу на фабрике Кениг приходится в общей связи с движением на других фабриках.

К 1917 г. материальное положение рабочего класса ухудшилось. Заработная плата хотя и повысилась несколько против довоенной, но ее реальная стоимость упала. Наряду с этим усилилось наступление предпринимателей на рабочий класс. Погоня за сверхприбылью, удлинение рабочего дня, фактическая отмена законов об охране труда способствовали ухудшению положения рабочего класса.

В ответ на это по стране прокатилась волна стачек, особенно усилившихся к концу 1916 г. В 1917 г. произошла Февральская революция. Рабочие фабрики

Кениг принимали активное участие в революционной борьбе.

В субботу 25 февраля 1917 г., в 9¹/₂ часов утра, работницы прядильного отделения начали останавливать машины, но с появлением мастеров-англичан работы возобновились. В следующий рабочий день, понедельник 27 февраля, работы продолжались только до половины 10-го, когда фабрика была остановлена пришедшими рабочими других предприятий, которые сняли с работы всех рабочих. Работа вновь возобновилась лишь после «Февральских дней». 7 марта администрация сочла возможным вновь открыть фабрику, но, ввиду малого количества рабочих, принуждена была к обеденному перерыву фабрику закрыть. 8 марта фабрика снова начала свою деятельность, «но в крайне напряженном состоянии», как писала администрация фабрики правлению товарищества²⁾.

Вернувшись на фабрику, рабочие продолжали борьбу, предъявив администрации ряд требований. По времени подача первых требований на фабрике Кениг совпадает с тем большим движением, которое охватило рабочих всех промышленных

¹⁾ Крутовский В. М. — врач, политический деятель, областник; после чехословацкой революции — министр внутренних дел Временного сибирского правительства.

²⁾ ЛОАУ, фонд фабрики Кениг, д. № 211, л. 210 и сл.

¹⁾ «Фабрично-заводские предприятия в Российской империи», II, 1914, К. 37.

предприятий Петрограда в конце марта и начале апреля 1917 г.

Протоколы Общества заводчиков и фабрикантов пестрят заявлениями отдельных его членов о подаче им со стороны рабочих требований.

Первые требования рабочих фабрики Кениг носили как политический, так и экономический характер (прибавка зарплаты). Некоторые требования были чисто местного характера и касались перемёв в правилах внутреннего распорядка и удаления некоторых мастериц, перемёв распределения начала смен и т. д. Они относятся, повидимому, ко времени сразу после 8 марта и падают почти целиком на март месяц. Пятого апреля рабочие вновь подали администрации требования, из коих главным являлось требование прибавки зарплаты и улучшения охраны труда¹⁾. Сроком для ответа они назначили 13 апреля. Администрация фабрики обратилась во Временный комитет Общества фабрикантов и заводчиков с просьбой обратиться в Комитет по урегулированию правильного хода работ на фабриках о назначении конфликтной комиссии «для успокоения рабочих».

13 апреля рабочие, не дождавшись окончательного ответа, отправили в правление фабрик своих депутатов, ранее выбранных при составлении требований, в сопровождении члена комиссии при Исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов тов. Вейнберга. При переговорах между администрацией и делегатами выяснилось, что рабочие решили твердо настаивать на удовлетворении предъявленных ими требований.

Администрация предлагала рассмотреть эти требования в кратчайший срок в Центральной примирительной камере, а в отношении прибавок удовлетвориться теми, «которые были выработаны текстильной группой Общества фабрикантов и заводчиков». Рабочие отказались принять это предложение. Тогда правление фабрики приняло требования рабочих, «впредь до рассмотрения таковых в Центральной примирительной камере»²⁾.

Временное приглашение предусматривало выплату вознаграждения в размере, указанном рабочими, считая с 8 марта, но «в случае, если выданное вознаграждение превысит норму, имеющую быть выработанной в Центральной примирительной камере, то излишнее будет высчитано с рабочих, способ вычета будет определен специальной согласительной комиссией, избранной обеими сторонами». Обе

стороны обязались подчиниться решению Центральной примирительной камеры¹⁾. Следует подчеркнуть роль районного совета рабочих и солдатских депутатов в истории революционной борьбы на этой фабрике. Участие уполномоченного лица в только что описанных событиях заставляет предполагать, что совет играл руководящую роль. К сожалению, сказать что-либо более подробно об его участии, а также о роли партии, за отсутствием материала, невозможно. Что же касается участия рабочих фабрики в совете, отметим, что в совет от фабрики Кениг было выбрано два члена, об оплате которых, в размере зарплаты подмастерьев, хлопотали рабочие фабрики; рабочие также поддерживали совет материально, производя процентные отчисления от зарплаты²⁾.

На самой фабрике Кениг в конце марта возник фабрично-заводской комитет³⁾. Закон 23 апреля о фабкомах для фабрики Кениг, как и для большинства других фабрик и заводов, явился запоздалым государственным актом, лишь оформившим сложившееся положение на фабрике. Фабком сразу берет в свои руки движение на фабрике, поддерживает рабочие требования или сам подает их. Администрация должна была с ним считаться.

В начале мая Центральная примирительная камера приняла расценки, выработанные фабрикой Кениг. Правление фабрик ввело выработанные расценки на всех фабриках товарищества. Расценки не удовлетворили рабочих ввиду того, что они являлись уже низкими вследствие непрерывно возраставшей дороговизны. Тогда правление фабрики вынесло расценки на заседание местной примирительной камеры всех фабрик, состоявшееся 16 мая. Встретив протест со стороны рабочих против их введения, правление предложило принять «временные расценки, как на фабрике Кениг», до выяснения на общем собрании возможности принятия расценок, прошедших через Центральную примирительную камеру. В тот же день, 16 мая, состоялось общее собрание рабочих, на котором названные расценки были отвергнуты и выработаны новые⁴⁾. Поведение правления, желавшего обойти рабочих других фабрик, получило суровую оценку. Письмом от 20 мая фабкома всех фабрик объединения на имя главного директора администрации было ука-

¹⁾ Там же, л. 15.

²⁾ Тот же фонд, д. № 236.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Тот же фонд, д. № 8.

¹⁾ ЛОАУ, фонд фабрики Кениг, д. № 236, л. 2 и сл.

²⁾ Тот же фонд, д. № 8, л. 2 и сл.

зано на недопустимость ее поведения. Рабочие требовали пересмотра расценок, так как «предъявленные цены фабрики Кениг довольно низкие и не удовлетворяют рабочих при современной дороговизне». На случай отказа правления немедленно рассмотреть новые расценки рабочие требовали передачи вопроса на рассмотрение Центральной примирительной камеры, куда должны были быть вызваны представители всех фабрик объединения и профессионального союза, а не одной только фабрики Кениг, как это было сделано в первый раз¹⁾. 25 мая вновь были предъявлены требования о расценках. Администрация предложила передать требования в союз текстильщиков, что и было сделано рабочими; здесь и сосредоточилась борьба между предпринимателями и рабочими²⁾. Кроме Центральной примирительной камеры как вышней инстанции существовал ряд мелких примирительных камер на отдельных фабриках и заводах товарищества. Из одного протокола примирительной камеры фабрики Кениг и письма администрации видно, что камера состояла из четырех представителей от администрации и четырех от рабочих³⁾.

Первое заседание примирительной камеры фабрики Кениг происходило 16 мая 1917 г.⁴⁾.

Оно было посвящено рассмотрению ряда всплывших в требованиях рабочих и носивших местный характер вопросов улучшения условий труда, уравнивания расценок на различную пряжу, оплаты подростков наравне со взрослыми, если последние исполняют работу взрослых, вопросов о сбавке створов, барабанов и о ножах.

На следующем заседании, 18 мая, продолжалось рассмотрение вопросов, выдвинутых на заседании 16 мая, особенно волновавших рабочих: об уменьшении числа створов, барабанов и вопроса о ножах. Уже в своих требованиях, поданных в марте, рабочие выдвинули эти вопросы. На заседаниях, посвященных этим вопросам, чувствуется напряженная борьба между администрацией и рабочими. На заседании 18 мая рабочие потребовали сбавки барабанов с 15 на 12. Администрация соглашалась ввести сбавку лишь после детального рассмотрения и специального доклада, но под давлением рабочих главный инженер тут же

предложил сбавку с 15 барабанов на 13. Несмотря на недовольство рабочих, этот вопрос было предложено проработать главному инженеру. По поводу второго вопроса — о ножах — разыгрывается также острая борьба. Администрация ввела вместо ножей ножницы, но рабочими желали работать с более привычным им инструментом — ножами. Администрация по этому вопросу не желала уступить, и тогда «свидетели от рабочих», как их называет протокол, заявили в примирительной камере, что если и решат работать с ножницами, то работники будут все равно работать с ножами. Вследствие больших разногласий примирительная камера решила ознакомиться с положением на месте, после чего обсудить вопрос снова.

В заседании 27 мая, рассмотрев вновь предложение перехода на меньшее количество барабанов, камера постановила создать подкомиссию с поручением ей проработать вопрос и сделать доклад 2 июня. Получая отсрочки в проведении рабочих требований, администрация готовилась к нападению. Через два дня, 29 мая, под давлением рабочих, примирительная камера собирается в экстренном порядке. Правление фабрики потерпелоuchi полное поражение. Проходят как сбавка барабанов с 15 до 13, так и сбавка «на шпулях двухниточных с 14—20 до 12—15, трехниточных с 12—15 до 8—10».

Администрации удалось лишь отсрочить проведение этого решения в жизнь до 5 июня. За время отсрочки решено было приготовить новый расценки, с которым ознакомить рабочих.

Потерпев поражение, правление фабрик приняло широко практиковавшийся в то время метод саботажа и локаута. Потеряв возможность под предлогом различных технических затруднений отсрочивать проведение тех или других требований в жизнь, администрация объявила себя несостоятельной¹⁾.

Рабочей части, хотя и не вполне доверившей этому, пришлось согласиться с создавшимся положением, и на заседании 1 июня введение мероприятий, принятых на заседании 29 мая, было отложено на один месяц вследствие «тяжелого материального положения правления». Администрация, вследствие недоверия со стороны рабочих и нежела-

1) Там же.

2) Тот же фонд, д. № 211, л. 272.

3) Тот же фонд, дд. № 236 и № 241, л. 214.

4) Тот же фонд, д. № 8.

1) На самом деле доходы фабрики Кениг все время превышали расходы, дивиденд держателя акций товарищества в 1916/17 г. составлял 75 рублей на акцию (см. фонд правления т-ва Невских ниточных мануфактур, д. № 988).

ния их уступить, предложила создать особую комиссию для выяснения как материального положения фабрик, так и для отыскания скорейшего выхода из создавшегося положения. Срок первого заседания этой комиссии был назначен на 9 июня¹⁾.

Выиграв 4 июня, предприниматели повели наступление. 5 и 6 июня в примирительной камере разгорелись вновь дебаты по поводу ножей. На этих заседаниях разбирались также вопрос о салке машин. По обоим вопросам администрация указывала на невозможность выполнения требований по техническим причинам. Примирительная камера согласилась с доводами администрации о невозможности остановки машин на салку и постановила пробовать всякие предложения, «от кого бы то они ни исходили», направленные к разрешению создавшегося положения²⁾. В дальнейшем борьба на фабрике вошла в новую стадию. Этот период характеризуется борьбой рабочих не отдельных фабрик с их хозяевами, а профсоюза текстильных рабочих и союза текстильных предприятий, организованного Обществом фабрикантов и заводчиков 5 июня 1917 г.

Профсоюз и раньше помогал рабочим в проведении их требований. Так, к нему апеллируют в середине мая рабочие фабрики Кениг, желая заручиться союзником при проведении своих требований.

В кампанию подачи требований в профсоюз рабочие фабрики Кениг также подали свои требования (27 июня и 30 июня 1917 г.). Профсоюз текстильных рабочих подает союзу текстильных пред-

приятый свои требования³⁾. С этого момента на фабрике Кениг мы не встречаем ни одного требования, поданного рабочими непосредственно администрации фабрики, так как все требования идут через профсоюз.

В заключение нужно указать, что, кроме тех требований, о которых рассказано выше, сохранилось еще несколько требований. Эти требования по своему содержанию не отличаются от публикуемых; они подавались администрации дополнительно как 5 мая, так и 7 и 8 мая.

Новым является требование фабкома о порядке приема на работу через него, а также об уплате выборным в Совет рабочих и солдатских депутатов по 128 рублей²⁾. Последнее администрация отвергла; возмущенные рабочие 24 июня потребовали приезда главных директоров для совместного обсуждения вопроса. Это требование является последним нам известным требованием рабочих фабрики Кениг в их борьбе с владельцами фабрики в 1917 г.³⁾.

Публикуемый документ является сделанной для администрации сводкой отдельных требований, подававшихся рабочими мастерских в марте-апреле 1917 г.; параллельно, на оставленной незаписанной правой стороне листов, директором фабрики Кениг Гарвеем были написаны ответы на эти требования.

Г. Липко.

¹⁾ Тот же фонд, д. № 10, л. 171 и д. № 211, л. 272.

²⁾ Тот же фонд, д. № 236.

³⁾ Там же, л. 58.

ТРЕБОВАНИЯ РАБОЧИХ

Кардное отделение. Смена А и В

Работница работает на 12 машинах, она просит работать на 15 машинах. Просят помощниц машину сзади чистить и трубки носить; передние машины работницы сами будут чистить и тазики переменять.

Работницы, проработавшие 2 года, просят, чтобы был отпуск 1 месяц с платой.

Гребельные машины.

Работницы требуют полOMETку и помощницу на каждой 8 машин.

Сухой ватер.

7-сторонние прядильницы требуют по сторонке сбавить. Требуют, чтобы работать по 6 сторонкам.

ОТВЕТЫ ГАРВЕЯ.

Да, но работницы должны взять по 3 машины в в каждом ряде. Трубочники должны обслуживать по 30 машин.

Нет.

Работницы будут работать на 3 машинах без помощниц и без полOMETок.

6 сторон в будущем.

Шнуровщицы требуют, чтобы вязать не 50 машин, а по 33 машины.

Дневные сухого ватера.

Работницы требуют, чтобы выдать всем передники, чтобы были тряпки для чистки машин и чтобы [были] прачки для стирки передников.

Просят [плату] не почасно, а поденно.

Чтобы были для разборщиков и монтеров рабочие костюмы для сухого и мокрого ватера.

Мокрый ватер.

- 1) Работницы требуют уплатить за пятницу.
- 2) Чтобы были прачки, которые стирали бы передники.
- 3) Плата должна быть почасно, а не поденно.

Рогучечное отделение.

Требуют на пару по девочке для облегчения работниц.

Ленточное отделение.

Требуют на 2 пары 1 девочку, которая помогала бы работницам.

Трепальное отделение.

1) Работницы в трепальном отделении просят, чтобы им из-под машин не выметать пыль и в субботу полы не мыть, так как для того имеются поломойки.

2) Также просят работницы, которые работают на машинах, 2 женщины, чтобы их от машин никуда не отрывали.

3) Работницы просят, чтобы, когда производится чистка и смазывание машин, на это время машины останавливать на один час, так как машины не могут работать 8 часов без чистки и смазки.

4) Мальчики кардных машин просят, чтобы им дали, вместо 2 мальчиков, 4 мальчика.

5) Поступившие новые работницы, которые ставятся на машины, должны получать рабочую плату, как и старые работницы.

6) Женщины, которой приходит время ее беременности и когда для того нужно уволиться на 6 недель отпуска, то рабочая плата должна производиться сполна.

7) Которые женщины старые и уходят с фабрики и потом таковым в случае приходится поступить вновь на фабрику, то таковым плата производится как старой работнице.

8) Которые женщины работают на машинах с мужчинами, то таковые должны получать плату, как и мужчины, и тот мужчина не должен отлучаться на ярусы, но если это необходимо, то на его место должен быть поставлен другой.

9) Все проработавшие на фабрике, невзирая на пол, был бы то мужчина или женщина, проработавшие на фабрике до преклонных лет и потерявшие трудоспособность или же [получившие] повреждение, то таковые должны получать пенсию в половине рабочей платы по их жизнь.

Катушечное отделение.

2-х и 3-х ниток.

- 1) Увеличить расценки 80 пряжи 2-х ниток.
- 2) Передники, которые требуются.

По 50 машин.

Передников не будет.

Почасно.

Нет.

Нет.

Да.

Почасно.

Нет, невозможно.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

?

Что скажут старые работницы?

Больничная касса.

Первое—на усмотрение администрации, а второе—дело страхового общества, где все рабочие застрахованы (правительственное учреждение).

Оставить, как и теперь.
Нет.

- 3) Кружку для питья воды в баке.
- 4) Увеличить число порожних катушек.
- 5) Выборным делегаткам платить поденно.

Мотовилочное отделение.

Работницы просят помощницу возить от машин пакки.

Канатные машины.

- 1) Работницы просят, чтобы мастерица меняла пряжу черную с белой, работая по месяцу.
- 2) Чтобы заплатили военную плату от того времени, с которого отняли.
- 3) Чтобы на каждой машине висели балансы простейшие и записывались верно.
- 4) Чтобы не перерабатывать самоходные катушки.

Заявление женщин-подмастерьев.

- 1) Так как мы исполняем мужскую работу, так нам нужно жалование не меньше мужчины.
- 2) Чтобы нам дали девочку правки делать.

1 отделение, узкое здание, 3-й этаж.

Мы работаем по несколько лет и не знаем одной работы, а поэтому мы желаем работать на одной машине, чтобы нас не водили на другую машину.

Упаковочное отделение.

Чтобы нам платили за те полчаса, которые даются нам на чистку машин в субботу.

Этикетные машины.

- 1) Рабочие этикетных машин — просим, чтобы нам платили поденную плату, потому что нам не пишут полное время за простой машины.
- 2) Притом просим выдать нам передники, потому что грязная работа.

Механическое и столярное отделение.

Рабочие просят отменить запись работы.

Узкое здание.

- 1) Требуют рабочие, чтобы пряжа была чище.
- 2) Требуют рабочие, чтобы не приносили брак.
- 3) Требуют рабочие, чтобы открыли уборную.
- 4) Требуют рабочие, чтобы была одна мастерица.

Турбинное отделение.

Требуют два костюма для промывки кофлятора и для чистки.

Паровая машина.

Требуют 3 костюма для грязной работы.

Требование дровокатов.

- 1) Выдать брезентовые передники.
- 2) Выдавать рукавицы 2 раза в месяц.

- 3) Выдавать мыло для мытья рук.

Да.
По мере возможности.
Средняя плата.

Да.

Да.

Военная плата была при-
бавлена к расценкам.
Да.

Нет.

Невозможно, ибо жен-
щина не делает то, что муж-
чины.

Платят за простой.

Нет.

Нет.

Военное время.
Поденные рабочие долж-
ны срывать.
Если не будут бросать
корок.
Только временно.

Когда нужно, то об-
рачаться к механику и
по его усмотрению.

Не больше 2 раз в месяц
по мере надобности; долж-
ны приносить старые для
обмена и при расчете.

Нет.

- 4) Сделать шкаф для рабочей одежды.
- 5) Выдавать чистые тряпки для вытирания рук.

Крутильное отделение.

- 1) Повысить плату всем рабочим и служащим на 100 проц.
- 2) Уничтожить все штрафы.
- 3) Чтобы были во всех отделениях половики.
- 4) Поставить полочку выметать промежутки.
- 5) Уплачивать за каждый простой машины за $\frac{1}{4}$ часа.
- 6) Открывать ворота без 20 минут взамен 10 минут.

Шпунечное отделение.

- 1) 8-часовой рабочий день с полным сохранением платы за $9\frac{1}{2}$ часов.
- 2) Повысить плату всем рабочим на 100 проц.
- 3) Работницы просят передники, где полагаются таковые.
- 4) Работницы просят обратно девочек.
- 5) Женщины-подмастерья [просят], чтобы жалованья были равны мужчинам.
- 6) Не притеснять за брак и за половики.

- 7) Вежливое обращение подмастерьев.
- 8) Обязательно должна быть хорошая вода для питья.
- 9) Суббота должна оплачиваться, как и остальные дни, [г. е. за], $9\frac{1}{2}$ часов.

10) За простой машины $\frac{1}{4}$ часа должно быть уплачено.

11) Всем мастерицам, писарицам и девочкам должна быть поденная плата, вместо почасной, и субботы оплачивать, как остальные дни.

- 12) Чтобы мастерицы давали работу всем равно.
- 13) Обязательно мыло для мытья рук.

Приготовительное отделение.

1) Повысить плату всем рабочим и служащим на 100 проц.

- 2) Уничтожить все штрафы за брак.
- 3) Поставить по одной работнице на каждую машину

4) Переменить смену по одной неделе.

5) Сменить мастерицу.

6) Постоянное дежурство фельдшерицы и вежливое обращение.

7) Уничтожить все штрафы.

Сухой ватер.

1) Повысить плату на 100 проц. всем рабочим и служащим.

2) Переменить смену.

Есть.
Нет, . . . ¹⁾ достаточно.

?

?

Да.

Нет, это есть обязанность шнуровщицы.

Да.

Да.

Да.

Будет предусмотрено.

Будет представлено на усмотрение дирекции.

Просмотреть, нет ли возможности прибавить жалованье.

Притеснения никакого не бывает.

Уже есть.

Да.

Нет.

Да.

Нет.

Да.

Нет.

Нет, можем дать по одной помощнице на каждую пару вместо 2-х помощниц на 3 пары.

6—10 3—7

11—3 8—12

Будет разобрано примитивной камерой.

Да.

Нет.

Переменены и теперь работают с 6-ти до 3-х, один час на обед, и вторая смена с 3-х до 12, тоже один час на обед.

¹ Не разобрано несколько слов.

- 3) Вежливое обращение мастериц.
- 4) Уничтожить все штрафы.

5) Постоянное дежурство фельдшерицы и вежливое обращение.

- 6) Уплатить за все революционное восстание.
- 7) Переводить с 7 сторон в старшие съемщицы.
- 8) 8-часовой рабочий день денной.
- 9) Разрешить свободное мытье рук.

Упаковочное отделение.

- 1) За наимением штучной работы должно быть уплачено средним.
- 2) Повысить всем рабочим на 100 проц. плату.

Механическое отделение.

- 1) 8-часовой рабочий день с полным сохранением платы за 9¹/₂-часовой рабочий день.
- 2) Заплатить полностью за все революционное восстание.
- 3) Повысить плату всем рабочим и служащим на 50 проц.
- 4) Ввести полное лечение, т. е. дежурство врача 3 или 4 часа каждый день, а также постоянное дежурство фельдшера за счет фабрики.

5) Отпуск лекарства как рабочим, так и их семьям, а также по рецептам других врачей за счет фабрики.

6) Столярная мастерская должна быть снабжена инструментами фабрики.

7) Сделать свободное курение табану в клозетах или сделать отдельную курилку.

8) Во всех отделениях фабрики должна быть более удобная вода для питья.

Да.

Нет, но будут ставиться только в исключительных случаях, как за явную порчу товара или неотработывания 6 дней при заявлении расчета.

Да.

Да.

Да.

Нет, ибо постановление гласит 8 часов действительного труда.

Да.

Да.

Да.

Дежурство врача ежедневное в течение ³/₄ часа и также постоянное дежурство фельдшерицы.

(После обеда в 1 час 30 минут).

Только для рабочих, другое касается больничной кассы.

Нет, но можно дать вознаграждение после 1-го года работы за порчу инструмента.

Нет, ни под каким видом, ибо это противоречит постановлению о 8 часах действительного рабочего дня.

Из записок Ф. А. Головина.

В XIX томе «Красного архива» опубликованы воспоминания Ф. А. Головина, б. председателя II Государственной думы, о Николае II и П. А. Столыпине. В предисловии к публикации М. Н. Покровским подчеркнута историческая ценность этих воспоминаний, в которых «с большой рельефностью отражены фигуры Николая и Столыпина», — особенно фигура Николая Романова.

Перу того же автора принадлежит публикуемый ниже очерк «С. А. Муромцев», содержащий характеристику председателя I Государственной думы и од-

ного из виднейших лидеров буржуазно-дворянского либерализма в эпоху первой революции. Само собой разумеется, что читатель этого очерка не должен упускать из виду классовую и партийную позиции мемуариста, для которого, как и для большинства тогдашней кадетской общественности, Муромцев был кумиром. Если, — как это правильно указал М. Н. Покровский, — классово-партийная позиция помешала Головину отнестись к Столыпину «с объективностью историка и с беспощадностью революционера», то она же обусловила панегирический тон

автора воспоминаний по отношению к С. А. Муромцеву. Это воспоминания политического единомышленника о вожде и учителе, с которым он был спаян крепкой классовой связью. Оба занимали выдающееся положение в кадетской партии, балансировавшей тогда между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционной крупной буржуазией, склоняясь больше в сторону правого крыла партии. Воспоминания проникнуты преклонением Головина перед человеком, воплотившим в себе идеал политического деятеля, каким он представляется кадетскому воображению.

Головин рисует Муромцева на фоне активизации либерально-земского движения накануне первой революции (совместная работа в Московском губернском земстве, на общеземских съездах 1904—1905 гг., особенно на июльском съезде 1905 г., вызвавшем, будто бы, страх у царской бюрократии, что этот съезд объявит себя Учредительным собранием), октябрьских дней 1905 г. в Москве (с каким дворянским презрением говорит Головин о «сбродном заседании» 16 октября в Московской городской думе и «молодых людях, именовавших себя представителями забастовочного комитета и революционных организаций»!), председательствования в I Государственной думе и нескольких личных дружеских встреч. Автор уверяет, что Муромцев стремился к «коренной реформе государственного строя, вплоть до республики», но... отличался необыкновенной умеренностью в тактике». «Законник до мозга костей», — пишет Головин, — Муромцев всегда стремился исключительно законными способами достигнуть изменения государственного строя и всегда являлся противником всего, что выходило из пределов законности». Как не вспомнить при этих словах то, что писал В. И. Ленин о кадетях летом 1906 г., говоря, что они мечтают об освобождении от крепостничества, произвола, самодурства, азиатчины, самодержавия без свержения старой власти¹⁾, что, разумеется, трудно было бы сделать по муромцевскому рецепту.

Эта «умеренность в тактике», вызывающая, повидимому, сочувствие Головина, иллюстрируется в воспоминаниях несколькими примерами. Так, Муромцев решительно отказался участвовать в проектировавшемся обращении июльского общеземского съезда 1905 г. к «широким слоям населения» по поводу двойственной

политики царского правительства на том основании, что в обращении «из понятия правительство не был выделен носитель верховной власти» — царь. Точно так же он совершенно несочувственно относился к Выборгскому воззванию, «как незаконному и нецелесообразному», хотя и подписал его, — повидимому, лишь из чувства партийной дисциплины. Выборг, впрочем, вообще выбыл Муромцева из колеи. Из воспоминаний Винавера и недавно опубликованных протоколов выборгских заседаний I Государственной думы¹⁾, мы знаем, как при появлении выборгского губернатора, пригрозившего арестами, растерялся этот прославленный своим искусством председатель, покинув зал заседания, т. е. прибегнув к тому самому способу прекращения «беспорядочных заседаний», который он когда-то обсуждал с автором печатаемых здесь воспоминаний.

Кадетская партия даже после разгона I Думы, после такого, казалось бы, революционного акта, как издание Выборгского воззвания с его призывом к отказу от платежа податей, поставки рекрут и т. д., не изменила методов политической борьбы с царизмом. Устами своего съезда осенью 1906 г. она заявила, что «мыслит революцию лишь как парламентскую борьбу»²⁾. Это все та же муромцевская «умеренная тактика», вновь разочаровавшая тех, кто, — по словам Ленина, — склонен был «видеть в Выборгском воззвании «начало левения» кадетов и яркий признак складывающегося национального характера российской революции»³⁾.

Подводя итоги этого кадетского съезда, Ленин писал, что, мысля революцию лишь как парламентскую борьбу, съезд «тем самым поставил ребром перед широкой массой демократии вопрос об открытой борьбе за власть. Весь ход российской революции говорит за то, что демократия ответит на это вопрос не по-кадетски». Поэтому Ленин звал социал-демократию к дальнейшей борьбе, чтобы «к моменту этого ответа городская и деревенская беднота нашла именно в ней, в социал-демократии, своего естественного гегемона в периоде революции». И действительно, все дальнейшее развитие революционной борьбы пролетариата и крестьянства, увенчавшееся Октябрьской победой 1917 г., развертывалось

1) «Красный архив», т. LXVII, стр. 96-97.

2) Ленин, Собрание сочинений, 1-е изд., т. VII, ч. 2, стр. 113.

3) Там же.

1) Ленин, Собрание сочинений, 1-е изд., т. VII, ч. 2, стр. 8.

под твердым руководством большевистской партии.

В связи с этим очень любопытен рассказ Головина о том, что Муромцев незадолго до своей смерти (он умер в 1910 г.), надеясь «на новое революционное движение, на возможность даже образования республики», готовился к занятию «места президента республики». Возможность для Муромцева стать во главе республики после свержения самодержавия новым революционным напором рабоче-крестьянских масс оказалась не только его субъективной, но и классовой иллюзией. Кадеты, считавшие себя «солью земли», прогладели в лице Муромцева, могучие творческие силы того класса, который, свергнув власть помещиков и капиталистов в 1917 году, по-своему, а «не по-кадетски», — как говорил Ленин, — решил вопрос о государственной власти.

С. А. Муромцев.

Я вспоминаю Муромцева в двух разных видах: сначала в виде несколько сурового и сухого профессора, а затем в виде старшего товарища.

Начну с Муромцева — профессора. Когда я поступил в Московский университет (в 1887 г.), Муромцев уже не был профессором в университете, но все же я хорошо знал его как профессора по рассказам о нем моего старшего брата, Владимира, и по сохранившимся у него лекциям Муромцева. Эти рассказы брата были проникнуты преклонением перед авторитетом Муромцева, перед стойкостью его политических убеждений, перед его гражданским мужеством. Вполне понятно то уважительное отношение к Муромцеву, которое я имел, когда познакомился с ним на Московском губернском земском собрании. Невольно я видел в нем авторитетного профессора. Этот взгляд еще усилился, когда я ближе узнал Муромцева — как губернского гласного. Все его речи в собрании и вся его работа в комиссиях были проникнуты твердыми принципами самоуправления. Всякий мелкий даже вопрос, не имеющий, по видимому, принципиального значения, при анализе его Муромцевым получал принципиальное основание, и благодаря этому разрешение его в том или ином смысле являлось твердо обоснованным.

Во время моего секретарства в губернском земском собрании я часто сидел рядом с Муромцевым за длинным столом в середине Екатерининского зала и не раз наблюдал, как Муромцев составлял на бумаге схему своих речей. Намечая отдельными характерными словами определенные положения, Муромцев распе-

делял эти слова в порядке букв и цифр соответственно важности подразумеваемых под ними положений и существу их взаимоотношений. Получалась целая схема букв и цифр, по которой, как по нотам, подчеркивая основные тезисы повышением голоса и медлительностью речи, смягчая все менее существенное, как бы закрывая его в скобки, более скорым и тихим говором, Муромцев в последовательной, систематичной, ясной и красивой речи заставлял всех внимательно себя слушать и подчиняться его доводам. Часто приходилось мне наблюдать, как запутанные, продолжительные прения превращались в ораторской лаборатории Муромцева в систему главных и второстепенных положений, логически ведущих к определенному и твердому заключению.

Будучи убежденным конституционалистом и сторонником самого широкого местного самоуправления, Муромцев призывал к наиболее прогрессивной части Московского губернского земского собрания. Друг Дмитрия Николаевича Шипова, он являлся и его единомышленником по всем принципиальным вопросам, возникавшим в земстве (по политическим вопросам у них, наоборот, было коренное разногласие: Муромцев, как и сказал, был конституционалистом, а Шипов — сторонник законосоветательного народного представительства при неограниченном монархе). А так как в период наиболее близкого знакомства моего с Муромцевым как земским гласным я занимал должность члена губернской управы при Шипове — председателе, то естественно наше сближение на земской деловой почве. В это время я жил в Москве без семьи, кухни дома не имел, а потому обедал в ресторанах, преимущественно в «Эрмитаже».

Муромцев также очень часто обедал в этом ресторане. Встречаясь там, мы обедали вместе. Разговор шел обыкновенно о земских делах, причем я видел в Муромцеве своего учителя и старался навести разговор на те вопросы, которые представлялись для меня неясными. Часто разговор переходил на почву политики. В этой области мы были также вполне солидарны, много говорили о неизбежности вспышки революционного движения, если правительство не изменит своей политики. В области вопросов местного самоуправления я чувствовал себя учеником Муромцева, поскольку они не касались, конечно, знания деталей отдельных отраслей земского хозяйства Московской губ. В этих вопросах я, как член губернской управы, был сильнее Муромцева.

Тогда уже нарастало чуткое отношение публики к земским заявлениям широкого общественного характера. Голос московского земства часто давал тон остальным земствам, и к нему особенно внимательно прислушивалось правительство. Все это побуждало и гласных и председателя земского собрания особенно внимательно и осторожно относиться к своим заявлениям и ходатайствам.

Прежде чем сделать их в окончательной форме в публичном заседании, они обсуждались предварительно в частных совещаниях. Муромцев принимал в таких совещаниях деятельное участие и всегда с большим успехом отстаивал свои мнения.

Незадолго до объявления японской войны чисто земские вопросы и интересы стали отходить на второй план. Все сильное и настойчивое перед земцами вставали вопросы общегосударственного значения. В это время Муромцев превратился для меня из профессора в старшего товарища. Он живо интересовался политическим настроением земской среды во всей России. Здесь я был более осведомлен, чем он, благодаря тому, что земцы со всей России тянулись к Москве, к Московской губернской управе, где председателем был пользовавшийся во всей земской среде громадным авторитетом Д. Н. Шипов, а я, как член управы, принимал участие в частных совещаниях земцев, часто в качестве секретаря. При наших встречах с Муромцевым темой для разговора являлись злободневные вопросы общеземского единения на почве политической. Когда же после неутверждения Д. Н. Шипова в должности председателя управы и занятия этой должности мною, по выработанному земцами порядку, я принял на себя обязанности председателя бюро съезда земских деятелей и начался длинный ряд заседаний бюро, а затем и съездов, начавшийся со знаменитого ноябрьского съезда 1904 г. в Петербурге, я еще ближе познакомился с Муромцевым как политическим деятелем. Он принимал деятельное участие как в работах бюро, так и съездов. Во время преследования бюро со стороны администрации, когда заседание бюро прервалось вторжением в мою квартиру на Покровке полицеймейстера Носкова с помощниками, составлением протокола о незаконном сборище, переговорами по телефону с московскими генерал-губернатором и градоначальником и продолжением заседания в присутствии полицеймейстера Носкова, мы решили менять место заседаний. Одно заседание было устроено на даче Муромцева при ст. Царицыно Курской железной дороги. Это

заседание закончилось без появления полиции. Впоследствии мы узнали, что полиция не появилась сюда потому, что поздно узнала о месте нашего собрания, и, так как дача Муромцева находилась в районе действий губернатора, а не градоначальника, формальная процедура передачи приказаний о прекращении наших занятий от центра на место преступления потребовала столь большого времени, что мы успели благополучно закончить наши занятия и разъехаться по домам.

В Муромцеве наряду с очень определенным стремлением к коренной реформе государственного строя, до введения республики включительно, всегда проявлялась умеренность при обсуждении тактических вопросов. Законник до мозга костей, Муромцев всегда стремился исключительно законными способами достигнуть изменения государственного строя и всегда являлся противником всего, что выходило из пределов законности. Как пример, приведу следующий случай.

Дело было в июле 1905 года. Происходили заседания бюро съезда земских и городских деятелей. Работа была спешная, горячая. Несмотря на милостивый прием, оказанный государем депутации майского съезда, и на поручение государя передать его слова относительно предстоящего созыва народных представителей всем «живущим на земле и в городах», правительство особенно ретиво пыталось воспрепятствовать предстоящему в июле съезду. Министр внутренних дел, Александр Григорьевич Булыгин, предложил всем губернаторам уведомить гласных, членов съезда, что съезд не состоится, что он запрещен министерством. В то же время я, как председатель бюро съезда, рассылавший пригласительные на съезд письма, получил официальное предложение министра съезда не созывать, так как он не разрешен и не может быть разрешен министерством. Тогда я, с своей стороны, послал ко всем членам съезда второе письмо с уведомлением о том, что съезд не отменяется и непременно состоится в назначенное ранее время. Запретительные меры министерства достигли результатов обратных тем, на какие они были рассчитаны. Съезд состоялся, был особенно многолюден, и настроение его было повышенное и боевое. Такое же настроение охватило и бюро съезда.

Среди членов бюро господствовало сознание необходимости обращения к широким слоям населения с разъяснением двойственной политики правительства и действий и взглядов земских съездов. Иван Ильич Петрункевич составил про-

ект такого обращения к населению, написанный горячо и резко по отношению к правительству. Этот проект обращения являлся продолжительные и горячие прения в бюро, которые затянулись с вечера до утра. Мы сидели на балконе дома кн. Долгоруковых, на Колымажном дворе. Уже светало, когда говорили свои речи Николай Николаевич Львов и кн. Сергей Николаевич Трубецкой. Они были против подобного обращения, указывая на несоответствие его с общим тоном и содержанием речи кн. С. Н. Трубецкого, сказанной им государю в Петергофе при приеме земской депутации, и на то, что подобная перемена не может быть оправдана лишь репрессивными мерами правительства по отношению к земским съездам. Но подавляющее большинство членов бюро было за принятие проекта Петрункевича. С. А. Муромцев, председатель по натуре, видимо не хотел идти против большинства, но в то же время чувствовал неудобство принятия такого обращения. Я также был против, но, как председатель бюро, в прениях участия не принимал. При баллотировке обращения в целом оно было принято почти единогласно. Я с своей стороны заявил, что подаю голос против и что если съезд примет такое обращение, то я вынужден буду отказаться от должности председателя бюро и члена съезда, так как считаю, что составлять и распространять подобную прокламацию может лишь подпольная революционная партия, а не открыто действующая организация, подобная нашей. Это мое заявление и несочувствие принятому обращению таких видных членов бюро, как Львов, Трубецкой, Муромцев, побудили большинство бюро еще раз пересмотреть вопрос. Кто-то, не помню, кто именно, чуть ли не Муромцев, указал на то, что главные возражения против обращения сводились к тому, что это обращение как бы призывало население к противодействию правительству, не выделяя из понятия «правительство» носителя верховной власти — государя. Все согласилось с правильностью этого указания и было решено переделать текст обращения так, чтобы не оставалось никакого сомнения, что речь идет только о бюрократии, но не о государе. Для такой перделки текста была избрана комиссия в составе Федора Федоровича Кокошкина, Сергея Андреевича Муромцева и Владимира Дмитриевича Набокова, которая работала до утра.

Обращение в новой комиссионной редакции было принято бюро единогласно и подавляющим большинством съезда.

Кстати изложу довольно интересные последствия этого обращения.

Все съезды, за исключением одного ноябрьского петербургского съезда 1904 года, созывались несмотря на запрещение министерства и происходили в присутствии чинов полиции, являвшихся в начале съезда с требованиями запрещения его, а затем, после решительного отказа съезда на закрытие, мирившихся со съездом, как с неизбежным злом. Происходила какая-то кукольная комедия, аром отнимавшая время и у съезда и у администрации и наглядно доказывавшая силу съезда и бессилие правительства. Казалось, что правительство противодействует съезду лишь для того, чтобы подчеркнуть, что оно не солидарно со съездом и что постановления съезда являются по сновлениями противозаконного сообщества, не понимая того, что авторитет съезда в глазах населения мог бы только уменьшиться, если б съезд встречал сочувственное отношение в правительственных сферах. Так было и с июльским съездом 1905 г. Как я уже упомянул выше, репрессивные меры правительства по отношению к этому съезду были особенно сильны и имели своим последствием то, что съезд был особенно многолюден и настроение его было повышенное. Подготовительные работы бюро преследовались администрацией особенно ревностно. Заниматься в моей квартире было трудно. Одно заседание, как было сказано выше, благополучно прошло на даче Муромцева. Другое заседание было устроено в квартире доктора Николая Николаевича Баженова, жившего в доме страхового общества «Россия» на Сретенском бульваре. Но тут без полиции дело не обошлось. Только что мы заняли места в гостиной, как явился полицеймейстер Носков с товарищами. После общих препирательств и нашего отказа повиноваться требованию полиции о прекращении занятий мы в присутствии полиции продолжали наше заседание. Обсуждали проект конституции. Носков все слушал, не вступаясь в наши прения. Кончили с конституцией и перешли к вопросу о реформе земского и городского общественного управления, т. е. к вопросам, особенно близким нам, как земским и городским деятелям. Но тут совершенно неожиданно встает Носков и категорически заявляет, что он не допустит обсуждения вопроса об изменении действующего закона. Все были изумлены таким заявлением представителя администрации. Кто-то пытался Носкову выяснить, что и ранее мы обсуждали вопрос об изменении действующих законов, с тою лишь разницей, что раньше

мы говорили об изменении основных законов, а теперь лишь закона о местном самоуправлении. Носков кипятился и настаивал на своем. Тогда кто-то, — кажется, В. Д. Набоков, — сказал Носкову, что если мы подчинимся его требованию, то будет составлен протокол, в котором будет указано, что такие-то в присутствии полицеймейстера Носкова бесприютственно обсуждали проект изменения основных законов; когда же такие-то, члены земского и городского самоуправлений, хотели приступить к обсуждению проекта изменения земского и городского положений, то представитель администрации потребовал прекращения заседания. Тут Носков сконфузился и приосмирел. Заседание кончилось благополучно, а после заседания Носков, при содействии Муромцева, Баженова и меня, написал протокол заседания, с указанием на то, что ничего противозаконного или предосудительного на заседании не было.

В день последнего заседания съезда, во втором часу ночи, ко мне на квартиру явились жандармский офицер, местный пристав и два городских для производства «выемки» бумаг, касающихся съезда, по распоряжению московского градоначальника, действовавшего, в свою очередь, по распоряжению из Петербурга. Я был изумлен этим появлением ночных гостей. Съезды устраивались открыто, на них присутствовали представители прессы русской и заграничной, все постановления мы охотно помещали в газетах и давали всем желающим, а касающиеся правительства вручали по назначению. К ночной насильственной выемке бумаг не было, следовательно, ни малейшего основания. Такой поступок администрации вызывался либо желанием хоть чем-нибудь «досадить» неприятным людям, либо какими-либо ложными сведениями о работах съезда. Надо было выяснить истинную причину этих распоряжений администрации. Я припомнил свой разговор с московским губернатором Григорием Ивановичем Кристи, бывший за несколько дней до съезда. По бывшей совместной службе в московском дворянском депутатском собрании и в Дмитровском уезде мы были с Кристи в дружеских отношениях. Пользуясь этими отношениями, Кристи меня предупредил, что в административных сферах прошел слух, будто предстоящий съезд ищет в виду объявить себя Учредительным собранием, что этот слух очень смутил правительство и что предполагается принять самые энергичные меры против съезда и его бюро, вплоть до ареста членов бюро накануне съезда. В ответ я посмеялся над

неосновательными страхами администрации и указал, что арест членов бюро не повлечет хороших последствий для правительства, так как взамен старого состава бюро в отправлении его обязанностей немедленно вступит новый состав, уже избранный на случай ареста старое, что такая мера вызовет лишь повышенное настроение съезда и общества, а съезд все равно состоится. Этот разговор дал мне основание предположить, что ночной визит является следствием каких-либо новых нелепых слухов о занятиях съезда.

Утром после ночного визита я поехал к московскому генерал-губернатору Александру Александровичу Козлову. Он очень удивился моему рассказу о ночном визите и заявил, что эта мера принята без его ведома. С оттенком жалобы на ненормальность положения генерал-губернатора, он сообщил, что в Москве — двоевластие, что генерал-губернатор даже не знает о том, что делает градоначальник по приказанию из Петербурга Дмитрия Федоровича Трепова. В заключение Козлов посоветовал мне ехать в Петербург переговорить с Треповым. «Это человек разумный, с ним можно и полезно переговорить», — сказал Козлов. Кроме того Козлов указал мне на графа Сольского, председателя Совещания по разработке вопроса о созыве «избранных от населения лиц», как человека весьма влиятельного и заинтересованного в получении материала от такой организации, как земские съезды.

Я так и сделал и немедленно выехал в Петербург. Там я прежде всего обратился к Трепову. Я был удивлен легкости доступа к нему. Без предварительных справок незнакомый мне чиновник особых поручений провел меня в кабинет Трепова. Правда, это была очень большая комната, в противоположном от входа конце которой, за письменным столом, спиной к закрытой портьерой второй двери, сидел Трепов. Он меня знал в лицо, а потому мог, если бы вместо меня вошел какой-либо самозванец, тотчас уйти из комнаты через эту вторую дверь.

Трепов встретил меня сухо. После холодного вопроса: «Что вам угодно?» и предложения сесть, он устался на меня своими стальными, ничего не выражающими глазами и принялся внимательно слушать. Разговор наш был продолжительный, но бесполезный. Я подробно изложил ему историю земских съездов, состав их и бюро, задачи съездов, характер их работ, важнейшие постановления и их судьбу, особенно подчеркнув результат постановлений ноябрьского съезда 1904 года и майского

1905 г., т. е. указал на ряд высочайших манифестов, в основу которых легли знаменитые одиннадцать тезисов ноябрьского съезда и милостивый прием государем депутации майского съезда, состоявшийся в июне в Петергофе. Далее я указал, что все съезды свои постановления никогда не скрывали от администрации, а потому ночная выемка документов, сделанная на-днях в моей квартире, является мерою оскорбительной и не вызываемой существом дела. В конце речи я передал ему копии с постановления съезда. Моя речь продолжалась, по крайней мере, 20 минут. Трепов прослушал ее внимательно, все время не проявив ничем своего личного отношения к ее содержанию, а затем в ответ сказал тоже длинную речь, в которой проводил мысли как раз противоположные моим, но не в виде возражений мне, а как свой личный взгляд на дело. В заключение он мне сообщил, что о заявлениях последнего съезда уже доложено государю и что «государь изволил поручить особому лицу произвести следствие и о результате доложить его величеству». Услышав это известие, я понял, что дальнейший разговор с Треповым является бесполезным, и распрощался с ним.

Затем я отправился к графу Сольскому. Он жил на даче близ ст. Сергиево. Принял он меня очень внимательно. Я много хорошего слышал о гр. Сольском от Муромцева и должен сказать, что и на меня Сольский произвел прекрасное впечатление. От Муромцева же я знал, что Сольский интересуется земскими съездами и относится к ним далеко не отрицательно. Цель моего визита была — убедить Сольского, что труды съездов являются серьезным материалом для работ находящегося под его председательством Совецания и что ему следует заступить за съезды перед правительством и государем. Беседа с Сольским была очень продолжительная. Он живо интересовался как организацией съездов, так и их работами и настроениями. В свою очередь, он поставил меня в курс работ Совецания и тем указал, что труды съездов являются несколько запоздавшими. Коснулся разговор и предстоящих реформ вообще. Сольский отметил резкое разногласие между взглядом правительства и государя и земского ноябрьского съезда на характер народного представительства. Съезд указывает на законодательное представительство, а правительство на законосовещательное. Сам Сольский прямо не высказал своего мнения, но все же дал понять, что он сочувствует взгляду съезда. В заключение

беседы Сольский обещал доложить государю свое мнение, что съезд полезен, а потому следовало бы правительству изменить свое отношение к нему.

После визита к Сольскому я хотел уже уезжать в Москву, когда встретился с председателем Курской губернской земской управы Николаем Владимировичем Раевским, который убедил меня побывать еще у министра внутренних дел Александра Григорьевича Булыгина.

«Что вы можете потерять от этого посещения? Один лишний день в Петербурге, так как завтра — приемный день, и только, а между тем ведь интересно узнать, как Булыгин относится к тому факту, что съезд состоялся несмотря на все его угрозы и запретительные письма.» «В самом деле, — легкомысленно подумал я, — отчего не побывать и у министра?»

На следующий же день утром я был на даче у министра на Аптекарском острове. Кроме дежурного чиновника, в приемной был только генерал Стессель, тогда еще не развенчанный окончательно, но уже с весьма пошатнувшейся репутацией. Первым был приглашен в кабинет Стессель. Прием был непродолжительный. После Стесселя я вошел в кабинет. Навстречу пошел ко мне Булыгин, с холодным выражением лица, столь несвойственным его всегда любезному и приветливому виду, молча протянул мне руку и указал на кресло. Весь наш дальнейший разговор и поведение Булыгина свидетельствовали, что Александр Григорьевич потерял душевное равновесие. Разговор, приблизительно, был такой:

— На-днях в Москве состоялся съезд земских и городских деятелей, — начал я.

— Прекрасно знаю, — прервал меня Булыгин.

— В день закрытия съезда ночью ко мне на квартиру явились жандармский офицер, пристав и два городовых с требованием выдать бумаги, касающиеся съезда.

— И это знаю, и сделано это с моего ведома и согласия. На что же вы жалуетесь?

— На что? На неподходящую, на мой взгляд, форму, с какой администрация удовлетворила свое любопытство по отношению к съезду.

— А как же вы хотите, чтоб к вам носилась администрация? Вы, председатель управы, лицо, по закону подчиненное министру вн. дел, знать его не желаете! Вы смеетесь над его законными распоряжениями. Я, министр внутренних дел, категорически запрещаю вам,

подчиненному мне лицу, созывать съезды, пишу всем губернаторам для объявления всем гласным, что съезд не состоится, а вы пишете гласным же, что съезд состоится несмотря на запрещение министра, и вас слушают, а министра нет, и по вашему зову едут в Москву со всех концов России, и съезд состоялся, и об этом пишут во всех заграничных газетах! В какое положение вы меня поставили перед всей Россией и перед Европой? Вы меня посадили в лужу! А теперь вы пожаловали ко мне для чего? Чтобы издеваться надо мной? Чтобы посмотреть, как чувствует себя министр после всей этой истории? Да? Для этого? Не так ли? И еще жадуется на невежливое обращение с вами администрация!..

— Из того факта, что я явился к вам, явствует, на мой взгляд, при хладнокровном отношении к делу, что я не «не желаю знать министра внутренних дел», а наоборот, желаю выяснить причины моего слушания.

— Что тут выяснять? Делаете посвоему и знать никого не хотите, очень просто! Что же тут выяснять? Все ясно!

— Я вижу, что дальнейший разговор является бесполезным и прекращаю его. Позвольте вручить вам только копии с журнала и с постановлений съезда.

— Зачем мне эти копии? Ведь вы их уже вручили Трепову и Сольскому.

— В таком случае я оставляю их у себя, — сказал я раскланиваясь и добавив, — я думал, что они вас очень интересуют, так как с вашего согласия была сделана ночная облава на квартиру председателя Московской губернской земской управы для добычи этих документов.

Такой прием ясно мне показал, что министр внутренних дел чувствует свое бессилие по отношению к земским съездам, а потому и теряет душевное равновесие. Вероятно, на моем лице была улыбка, когда я выходил из кабинета, так как дежурный чиновник меня спросил: «Что это вы такой веселый выходите из кабинета? Вероятно, приятный был разговор?»

«Во всяком случае, неожиданный со стороны такого человека, как Александр Григорьевич», — ответил я ему, подавая на прощание руку, и прошел в переднюю.

Во время земских съездов с особой яркостью проявился председательский талант Муромцева, и он был дружно назначен членами съезда в частных разговорах первым кандидатом на пост председателя Государственной думы. Порядок выбора председателя съезда был таков: бюро намечало открытой баллотировкой кандидата; председатель бюро, открывая первое заседание съезда, по-

сле проверки полномочий членов съезда, оглашал имя кандидата в председатели, путем открытой баллотировки происходил окончательный выбор. Избранный председатель, в свою очередь, оглашал имена двух товарищей председателя, которые избирались также открытой баллотировкой. Таким же порядком происходили и выборы секретарей. Председателем ноябрьского съезда в Петербурге был Дмитрий Николаевич Шипов, председателем же большинства остальных съездов был граф Петр Александрович Гейден. Это был хороший председатель, умевший подчас удачным юмористическим замечанием потушить возникавший острый и чрезмерно горячий спор, но его физический недостаток — заиканье — и некоторая тягучесть речи и мысли подчас напрасно затягивали работу съезда. Были председателями и Иван Ильич Петрункевич и Максим Максимович Ковалевский, но, несмотря на свой ум, знания и авторитет в глазах всех членов съезда, председателями они были плохими. Насколько я понимаю, выбор бюро останавливался на указанных лицах потому, что они хорошо были известны и пользовались большим авторитетом у земцев всей России. Имя Муромцева, столь известное в настоящее время, тогда не было так популярно, как имена перечисленных выше председателей съездов. Но членам бюро были известны его председательские способности. Перед заседанием съезда бюро решило предложить съезду избрать председателем Муромцева. Я сообщил Сергею Андреевичу это решение бюро перед самым заседанием. Муромцев, как бы для приличия, сказал, что он не готовился к председательствованию, не в курсе предстоящей съезду работы, но, видимо, без колебаний взялся за свое любимое дело. Ясная постановка им вопросов, строгое наблюдение за тем, чтобы ораторы не выходили из рамок вопроса, своевременная формулировка сделанных предложений и мотивированное установление очереди их баллотировки, — все это внесло такой порядок и стройность в занятия съезда, что работа пошла так успешно, как никогда. Я помню общее восхищение Муромцевым-председателем после первого же перерыва и разговору о том, что председатель для будущей Государственной думы найден. И это сознание о предстоящей Муромцеву роли явилось твердым настолько, что сам Муромцев говорил об этом, как о чем-то несомненном.

С осени 1905 г. он начал готовиться к председательствованию в Думе, стал изучать парламентские наказаы, составлять проект наказа для Думы. Он так был

занят этой работой, что мысль его останавливалась даже на мельчайших деталях своего будущего поведения в Думе. Так, например, я помню такой его разговор со мной. Как-то в небольшой компании за обедом в «Эрмитаже» я сидел рядом с Муромцевым. Речь зашла о Думе. Муромцев мне сказал, что он составляет проект наказа для Думы, а затем спросил: «Как вы думаете, как следует председателю закрывать заседание Думы в случае возникновения такого беспорядка, когда слов председателя не будет слышно? Надеть на голову цилиндр — неудобно. Мы почти не носим цилиндр. Надеть котелок — смешно. Я думаю, что надо председателю просто сойти с кафедры. Очевидно, без председателя заседания нет». Я одобрил такой способ закрытия заседания. Как известно, такой именно порядок закрытия беспорядочного заседания и был установлен. Тут же Муромцев заговорил и о костюме председателя. Он сказал, что считает нужным председательствовать в сюртуке, но что сюртук должен быть несколько солиднее обыкновенного модного сюртука, что для этого он должен быть достаточно свободным и длинным. На первое заседание после выборов председателю должен явиться во фраке, «так как он как бы представляется Думе». Явиться же во фраке в день выборов, может быть, было бы некоторую нескромностью, так как это могло бы быть истолковано как уверенность в вашем выборе. Представляться государю председатель должен во фраке и без орден, чтобы подчеркнуть свою независимость от государя. По совету Муромцева я также являлся к государю во фраке и без орденов. Николай Алексеевич Хомяков, первый председатель Думы третьего созыва, спросил меня в день выборов о форме одежды для представления государю. Я сказал ему мотивированное мнение Муромцева, вполне мною разделяемое, и советовал ему следовать этой уже установившейся традиции. Так он и поступил, вызвав негодование «Нового времени» и бюрократических кругов.

С. А. Муромцева на кафедре председателя мне удалось видеть всего один раз. Шли тогда прения по аграрному вопросу. Ораторы выходили на трибуну и говорили скучные речи. Заседание шло вяло, и председателю делать было нечего. Но все, кто видел Муромцева во время оживленных или бурных заседаний, в один голос свидетельствуют об исключительных способностях С. А. вести заседание с достоинством, спокойствием и умением. Торжественность в движениях, в интонации голоса и в самом

построении фраз создавали из председательствования Муромцева какое-то священнодействие. Говорят, что он копировал бывшего президента французского парламента Бриссона. Если это так, то копия стоила оригинала. Как безукоризненна была внешняя форма председательствования Муромцева, так отличалось вдумчивостью и знанием дела самое существо его председательских распоряжений. Муромцев прекрасно изучил регламент различных парламентов и взял из них все наиболее отвечающее обычаям и взглядам членов русской Государственной думы. Действовавший в первой, во второй и в третьей Думе наказ в большей своей части является результатом работ Муромцева.

Относясь с исключительной серьезностью и осторожностью к председательской власти, остерегаясь оказывать какое-либо давление на решение Думы и уча членов Думы относиться с уважением и подчиняться беспрекословно решениям Думы, сам подчиняясь думским постановлениям, как закону, Муромцев и не мог в силу такого своего отношения к решениям Думы и к обязанностям председателя влиять на существо этих решений. Такой характер его отношений к работам Думы, думаю, явился причиной того, что и в Выборге при горячих прениях по поводу так называемого «выборгского воззвания» он не сказал ни слова по существу вопроса, явившись и там только председателем, а не членом собрания бывших членов Думы. А между тем его слово могло иметь чуть не решающее значение. Он пользовался громадным авторитетом среди членов Думы, и к его мнению не могли отнестись все без особого внимания. Муромцев не сочувствовал «воззванию». Он считал этот акт и противозаконным и нецелесообразным, но высказывать это свое мнение очень не любил. Я слышал это лишь раз, когда, разгоряченный воспоминаниями о первой Думе, он проговорился во время обеда вдвоем со мной в отдельном кабинете «Европейской гостиницы» во время сессии второй Думы.

Вспоминая об общественной деятельности С. А., нельзя не упомянуть об одном характерном случае во время самого разгара октябрьской великой забастовки. Дело было 16 октября 1905 г. Уже несколько дней в Москве не было воды, освещения, телефона, телеграфа, газет, железнодорожных поездов, трамвая, торговли и правительственной власти. Полиция не показывалась на улице. Ходили слухи о готовящихся погромах со стороны хулиганов. В обществе, особенно в левой его части, поговаривали о необ-

ходимости организовать городскую или народную милицию. Главари социалистов-революционеров настойчиво требовали от городской думы средств на организацию народной милиции для сохранения порядка в городе, справедливо указывая на бездействие администрации. Дума решила организовать совещание из представителей общественных организаций по вопросу о принятии мер к поддержанию порядка в городе. Кого только не было на этом знаменитом совещании, состоявшемся 16 октября в большом зале городской думы! Д. Н. Шипов, приглашенный на это заседание как губернский гласный, увидав состав совещания и услышав тон частных разговоров еще до открытия заседания, не выдержал и ушел. Среди собравшихся была масса зеленой молодежи, каких-то курсисток, каких-то до того невиданных субъектов, имевших какую-то непонятную власть над всей этой молодежью. Среди массы никому ранее неизвестных, крайне разгоряченных и напористых людей ступенькались и затеривались немногие известные общественные деятели, не побоявшиеся прийти на это сбродное заседание. А Муромцев, как представитель городской думы, с обычным хладнокровием, достоинством и властью председательствовал на совещании. Подъем духа собравшихся и общий тон заседания были необычайно высоки и невольно заражали все. Такой всегда сдержанный и сухой, скучный оратор, как кн. Дмитрий Иванович Шаховской, поддался этому повышенному настроению и сказал такую вдохновенную речь, какой я никогда не слышал от него ранее, не слышал никогда и позже. А Муромцев был, как всегда, мраморным изваянием, величавым, холодным. Я никогда не забуду картины вечернего заседания этого собрания. Громадный, высокий зал тонул во мраке: он освещался только двумя или тремя керосиновыми лампами, стоявшими на длинном столе, покрытом зеленым сукном. Столпившиеся вокруг стола оживленные лица, освещенные лампами снизу, давали длинные тени по стенам и потому жутко шевелившиеся. Какая-то красивая, энергичная молодая девушка говорила увлекательно о борьбе с деспотизмом, о свободе, о равенстве. Ее тонкие, длинные руки отбрасывали на потолке чудовищные, длинные тени, кому-то грозившие.

Неизвестно откуда появившиеся молодые люди, именовавшие себя представителями забастовочного комитета и революционных организаций, требовали от

городской думы несколько сот тысяч на формирование милиции. Как известно, это требование не было удовлетворено. Думаю, что благополучному исходу заседания несмотря на чрезмерно повышенное настроение участников значительно способствовали хладнокровие и такт С. А.

Исключительно тяжелая работа Муромцева в Госуд. думе, Выборгский процесс, тюрьма — все это, конечно, не могло не отразиться на здоровье С. А. Пользовавшийся всю жизнь прекрасным здоровьем, никогда не хворавший, С. А., видимо, ослаб после тревог, выпавших на его долю в преклонном возрасте.

Но несмотря на нездоровье, на сознание, что его жизнь, вероятно, уже кончается, С. А. оставался попрежнему величаво хладнокровным и внимательным даже ко всем мелочам, из которых составляется образ человека. Я вспоминаю такую факт. Привезли тело А. И. Чупрова на Брестский вокзал, Муромцев был при встрече тела на вокзале. Подойдя ко мне он сказал полусухо: «Ф. А. Поидемте за гробом рядом. Двум бывшим председателям Думы следует идти вместе». Я, конечно, с большой охотой исполнил это желание С. А. Беседовать с ним всегда было для меня большой радостью. Так мы дошли до пересечения Тверской и Садовой. Тут мы решили выйти из процессии. Я предложил С. А. сесть в трамвай. — «Нет, — ответил С. А., — и на трамвае не езжу. Как-то неудобно бывшему председателю Думы ехать в трамвае. Это не отвечает высокому положению председателя», — сказал он опять не то шути, не то серьезно. На этом мы расстались. Я сел в вагон трамвая, С. А. нанял извозчика.

Когда я видел С. А. в последний раз? Кажется, это было незадолго до его смерти. Я пришел обедать в ресторан «Метрополь» и увидел — направо от входа сидит в небольшом углублении С. А. Я подошел поздороваться. Он предложил сесть к нему за стол. Я имел в виду привлечь С. А. к одной политической организации, которая в то время нарождалась. С. А. очень сочувственно отнесся к мысли об организации, но в то же время заявил, что он решил уклониться от непосредственного участия в какой-либо политической группе. Мотивы, им выставленные, достаточно ясно дали мне понять, что С. А. надеется на новое революционное движение, на возможность даже образования республики и на занятие им в таком случае места президента республики.

Таковы были мечты С. А.

Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура.

Публикуемые ниже письма царского посла в Берлине гр. Остен-Сакена дают яркую характеристику той позиции, которую занял Вильгельм II в чрезвычайно важный момент в истории международных отношений конца XIX в., когда царское правительство и Германия захватом Порт-Артура и Киао-Чао вступили на путь решительной экспансии на Дальнем Востоке. Письма охватывают период времени от декабря 1897 г. до марта 1898 г., т. е. с момента появления русских морских сил в Порт-Артуре до окончательного закрепления последнего за Россией соглашением с Китаем от 27(15) марта 1898 г.

Как известно, в начале декабря 1897 г. Вильгельм II отправил на Дальний Восток своего брата принца Генриха Прусского с несколькими судами для подкрепления находившихся там германских морских сил. На состоявшемся в Киле прощальном обеде в честь этой эскадры Вильгельм II, находившийся, по словам тогдашнего германского министра иностранных дел Бюлова («Denkwürdigkeiten», т. I, стр. 203), под впечатлением только что полученного от царского правительства сообщения о признании Россией факта занятия Германией Киао-Чао и о приходе русских судов в Порт-Артур, произнес воинственную речь, в которой, между прочим, советовал Генриху применять «бронированный кулак» во всех тех случаях, когда этого потребуют германские интересы. В своих мемуарах Бюлов указывает, что эта речь, весьма встревожившая его и других окружающих Вильгельма лиц, вызвала в Лондоне большое раздражение. Первая из публикуемых нами бесед Остен-Сакена с Вильгельмом непосредственно следует за кильской речью и относится к моменту, когда Германия сильно опасалась осложнений с Японией. (см. «Grosse Politik», Bd. XIV, I, №№ 3732, 3740, 3741). Основная цель визита Вильгельма к Остен-Сакену 17(5) декабря 1897 г. заключалась в стремлении убедить царское правительство в грозящей последней опасности со стороны Японии и стоящей за ней Англии не только на Дальнем, но и на Ближнем Востоке и в необходимости совместных действий с Германией. Три других письма относятся к периоду, когда Англия вступила в переговоры с царским правительством о разделе сфер влияния на Дальнем и Ближнем Востоке. В этот момент Вильгельм II старался доказать царскому правительству, что Англия не способна сейчас к войне и не опасна

России, и тем самым, вероятно, рассчитывал сорвать русско-английские переговоры, сделав Россию более неуступчивой.

Особенно характерным в этом отношении является тот факт, что, согласно публикуемому ниже письму Остен-Сакена от 20(8) января 1898 г., Вильгельм II просил Бюлова передать Остен-Сакену, что он, якобы, поручил английскому военному агенту в Берлине сообщить английскому правительству, что он не допустит агрессивных действий против России и Германии. Цель, которую преследовал Вильгельм II этим сообщением царскому послу, помимо вышеуказанных, заключалась в желании сильнее втянуть Россию в дальневосточную авантюру и тем самым ослабить русскую угрозу в Центральной Европе и на Ближнем Востоке.

О степени заинтересованности Вильгельма в этом вопросе свидетельствует как самый возбужденный тон разговора, так и необычная обстановка бесед, когда император приходит к послу в столь раннее время, что застаёт его еще в постели.

Печатаемые документы, несомненно, являются ценным добавлением к материалам, опубликованным в «Grosse Politik», а также к мемуарам Вильгельма II, Витте, Бюлова и других.

Л. Телешева.

Письмо посла в Берлине гр. Остен-Сакена министру иностр. дел гр. Муравьеву 19(7) декабря 1897 г. ¹⁾

Строго доверительно и лично.

Дорогой граф.

Как я имел честь позавчера ²⁾, в пятницу, сообщить по телеграфу вашему высокопревосходительству, император Вильгельм, вернувшись из Килля около 2-х часов ночи, пришел ко мне в 4½ часа пополудни, после утренней охоты в окрестностях Берлина, проведенной под руководством его величества.

¹⁾ Архив революции и внешней политики. — Перевод с французского.

²⁾ Имеется в виду телеграмма Остен-Сакена от 17(5) декабря 1897 г.

Этот неожиданный визит был, несомненно, вызван последним сообщением, которое, по приказанию нашего августейшего повелителя, мне поручено было ему передать и о котором император узнал только в вагоне во время переезда из Потсдама в Киль ¹⁾.

Я не сомневаюсь в том, что это сообщение послужило основой для инструкций, данных в последний момент принцу Генриху и содержание которых, по словам его величества, он уже сообщил непосредственно нашему августейшему повелителю ²⁾.

Император мне пространно их излагал, со свойственной ему горячностью; впрочем, благодаря содержащемуся в нашем сообщении призыву к солидарности интересов на Дальнем Востоке, он был заметно успокоен относительно своего предприятия, имеющего мало шансов на успех.

Ввиду того, что нашему августейшему повелителю известны инструкции, данные принцу Генриху, я не буду утомлять его внимание дословной передачей этой части моего разговора с императором.

Кроме того, я уже передал их краткое содержание в моей секретной телеграмме, отправленной в пятницу вечером и составленной тотчас после ухода его величества ³⁾.

¹⁾ Остен-Сакен имеет в виду сообщение от 14(2) декабря, которым германское правительство извещалось о занятии русскими морскими силами Порт-Артура и в котором Николай II выражал уверенность, что «Россия и Германия должны и смогут итти рука об руку на Дальнем Востоке» (опубликовано в «Grosse Politik», Bd. XIV, I, № 3733). Сообщение это было вручено Остен-Сакеном Бюлову вечером 14(2) декабря, накануне отъезда Вильгельма II из Потсдама в Киль.

²⁾ Принц Генрих Прусский, посланный с отрядом германских судов на Дальний Восток, вышел в море 16(4) декабря 1897 г. В телеграмме, посланной по этому поводу Николаю II, Вильгельм II сообщал, между прочим, следующее: «Принц Генрих счастлив встретиться с твоими офицерами и судами на Востоке. Он имеет от меня указание стать на их сторону, если какая-либо опасность будет угрожать им или твоим интересам» (см. «Grosse Politik», Bd. XIV, I, стр. 126, примечание).

³⁾ В телеграмме от 17(5) декабря Остен-Сакен следующим образом передал со слов Вильгельма II содержание инструкций, данных принцу Генриху: «В качестве руководящего принципа в них вы-

После того как император закончил свое изложение, я счел нужным точно определить всю серьезность тех обязательств, которые принимает на себя Германия по отношению к нам. Я заметил императору, что захват Киао-Чао не сможет сам по себе составить солидную базу для развития его политики на Дальнем Востоке.

«Вы там совершенно висите в воздухе, — сказал я, — с силами, недостаточными для того, чтобы отражать возможные удары в будущем. К счастью сообщение, которое мне поручено было сделать вашему величеству от имени моего государя, поставило вопрос на верную основу: солидарность с нашими интересами на Востоке, которая будет вашей поддержкой и вашей защитой».

Именно в этом смысле я настаивал перед императором на крайне важном значении, которое имеет для него это сообщение.

«Выводя вас из состояния одиночества, — добавил я, — оно лишает ваше предприятие характера авантюры, который не замедлили бы ему придать даже защитники вашего смелого поступка».

Император признал справедливость этой точки зрения и сказал мне, что он прекрасно понимает, что Германии необходимо для укрепления своего предприятия опереться на одну из двух держав, которые поделили свое влияние в Китае: на Россию или на Англию.

«Именно для того, чтобы не связывать свои интересы с английскими, — сказал император, — я решил избрать порт Киао-Чао, который по своему географическому положению поставит меня на границе сферы действия России. Ваши враги, будут ли они называться японцами или англичанами, станут теперь моими врагами, и всякий зачинщик, кто бы он ни был, который захочет препятствовать вашим намерениям силой, встретит германскую эскадру бок-о-бок с вашими судами».

Согласно полученным императором сведениям, Япония готовит посылку миссии в Европу, которой поручено будет прежде всего заключить наступательный и оборонительный договор с Турцией, каковая обязалась бы в случае войны между Японией и Россией закрыть для нас проливы. Кроме того, миссии будет поручено подготовить коалицию европейских государств против России.

двигается полная солидарность наших интересов на Дальнем Востоке, вплоть до приказа поставить суда его эскадры борт-о-борт с нашими, если осложнения с Японией вынудили бы нас к враждебным действиям».

На мое замечание, что это было бы смешно, если бы не было просто глупо, император ответил, что это известие само по себе, конечно, не имеет значения, но ему придает серьезность тот факт, что за этим скрывается Англия, которая стремится использовать ненависть Японии к России. Принимая во внимание беспокойный характер японцев и их способность увлекаться, можно всего ожидать: «Это проклятая публика»¹⁾.

«В настоящий момент, — продолжал император, — только что предпринятая реорганизация их сухопутных и морских сил, а также затруднения, которые они встречают при окончательном покорении Формозы²⁾, делают их мало опасными. Они будут готовы только к 1905 году, но я твердо надеюсь, что до того времени наши эскадры в Тихом океане потопят их суда».

Переходя к вопросу о преимуществах, которые мы получаем, имея всегда на Дальнем Востоке Германию на своей стороне, император с чувством удовольствия выразил уверенность, что благодаря этому мы будем иметь, равным образом, поддержку Франции. По его убеждению, эта последняя не оставит нас вдвоем с Германией. В подтверждение этому заявлению его величество привел мне следующий факт, который, впрочем, мне был уже известен: когда в 1895 г. он поручил своему послу в Париже заявить г. Ганото³⁾, что Германия решила присоединиться к нашему вмешательству в японо-китайский конфликт, последний, к большому удивлению графа Мюнстера, стал горячо упрекать его за это и, всплеснув руками, сказал ему: «Что вы делаете, вы хотите, стало быть, нас заставить играть в руку России!» «И тем не менее, — заметил его величество, — Франция приняла участие в нашем общем выступлении».

«Я не думаю, — добавил император, — чтобы вы могли иметь доверие к этому человеку».

Я поспешил дать отпор его величеству, заметив ему, что он, вероятно, не знает, что это восклицание приписывается имен-

но Мюнстеру, который вообще не слышает за горячего друга России.

Его величество, немного смущенный этим ответом, ничего не нашел сказать и не возвращался больше к Франции в течение нашего разговора.

Я бы закончил это свое донесение по поводу визита императора, если бы не одна последняя подробность, достаточно характерная, о которой хочу сообщить.

Когда император мне рассказывал о своей поездке в Фридрихсруэ, я спросил его величество, посвятил ли он князя Бисмарка в обмен мнений с нами по поводу занятия Киао-Чао.

«Подумайте, что вы говорите, дорогой граф, — воскликнул он, — я от этого строго воздерживался. Печать имеет слишком легкий доступ к этому человеку: все завтра же появилось бы в газетах. Кроме того, я знаю, что император Николай его не любит, и я крайне сдержан по отношению ко всему, что его касается.»¹⁾

Его величество нашел Бисмарка физически очень постаревшим, но тем не менее голова у него свежая. «Все же, — добавил император, — это теперь не более чем крупная историческая фигура»²⁾.

Остен-Сакен.

1) Ср. Pflow, «Denkwürdigkeiten», т. I, стр. 209.

2) В тот же день Остен-Сакен отправил Муравьеву другое письмо, в котором передал свою беседу с Бюловым по возвращении последнего из Килия и при котором он препроводил официальный ответ германского правительства от 17(4) декабря на русское сообщение о занятии Порт-Артура. В этом сообщении Бюлов, повторяя в основном мысли, изложенные Вильгельмом II, и ссылаясь на установившуюся солидарность интересов России и Германии на Дальнем Востоке, высказывал пожелание о поддержке Россией мероприятий Германии в районе Киао-Чао.

В том же письме Остен-Сакен сообщал, что первыми словами посетившего его Вильгельма II был вопрос о том, передал ли ему Бюлов это сообщение. На отрицательный ответ Остен-Сакена Вильгельм заявил: «Он обещал послать его вам в 10 ч., я пришел проверить, как исполняются мои повеления». На письме имеется помета Николая Романова: «Очень хорошо».

1) «Das sind verfluchte Kerle».

2) Остров Формоза был передан Японии по Симонсескому миру 1895 г. Это постановление договора вызвало недовольство местного населения, которое пыталось оказать сопротивление японским войскам.

3) Французский министр иностранных дел в 1894-1895 гг. и в 1896 — 1898 гг.

Письмо посла в Берлине
гр. Остен-Сакена министру
и иностр. дел гр. Муравьеву
20(8) января 1898 г.¹⁾

Весьма доверительно.

Дорогой граф.

Бюлов просил меня вчера зайти к нему, чтобы сообщить мне весьма доверительно, по поручению своего монарха, беседу, которую его величество имел на этих днях с английским военным агентом.

Пользуясь присутствием этого агента на одном военном празднике, он поручил ему сообщить послу сэру Франку Лэшелю, для передачи его правительству, что он советует Англии, когда она будет определять свою позицию по отношению к последним событиям, происшедшим на Дальнем Востоке, отказаться от всяких надежд посеять раздор между европейскими державами. Последние твердо решили преследовать свои законные интересы на Востоке в совершенном согласии и в полной солидарности. Пытаться их разъединить было бы совершенно напрасно и могло бы доставить Англии только неприятности.

По словам Бюлова, император счел полезным сделать это предостережение в связи с речами, которые произносятся различными членами английского кабинета в публичных собраниях, с явным намерением создать в общественном мнении благоприятное настроение тем словесным угрозам, которыми охотно пользуется английское правительство, чтобы запугивать державы.

Его величество, который хвастается тем, что он знает Англию так же хорошо, как сами англичане убежден, что министры королевы не пойдут дальше слов. Затруднения, которые возникли почти во всех их заморских колониях, экспедиция в Судане, неуспех в подавлении восстания афридиев²⁾ поглощают все их ресурсы и парализуют их действия.

Император не преминул подкрепить эти соображениями то предостережение, которое он поручил передать в Лондон, и надеется, что оно будет понято.

Кроме того его величество убежден, что Англия не найдет никакой поддержки ни у Японии, ни у Соединенных Штатов. Донесения из Токио заставляют думать, что японцы, несмотря на их характер, склонный к увлечениям, и несмотря на возбуждение умов, не совершат неблагодарного поступка, а именно, не будут служить интересам Англии и

таскать для нее каштаны из огня. Император уверен, что, сохраняя твердую и спокойную позицию по отношению к сен-джемскому кабинету и оказывая давление на китайское правительство, чтобы заставить его отклонить английские предложения, мы останемся господами положения на Дальнем Востоке, сделав бесплодными притязания Англии, которые она не осмелится поддерживать даже силою оружия.

Таково краткое изложение тех доверительных сообщений г. Бюлова, которые я счел долгом передать вашему высокопревосходительству для вашего личного сведения. Они отражают то, что составляет основную заботу настоящего момента, и показывают, какое внимание этому уделяет император.

Остен-Сакен.

Письмо посла в Берлине
гр. Остен-Сакена министру
и иностр. дел гр. Муравьеву
16(4) марта 1898 г.¹⁾

Доверительно.

Дорогой граф.

Император посетил меня сегодня полудни. В моей секретной телеграмме, отправленной тотчас же после императорского визита, я передал вам содержание части разговора, касающейся отозвания германского военного судна из критских вод²⁾.

Точно так же, как и его статс-секретарь по иностранным делам, его величество стремился придать этой мере характер незаинтересованности, продиктованной желанием не быть препятствием к осуществлению наших планов относительно кандидатуры принца Георга Греческого.

В моих ответах я дошел до крайних пределов возражений, допустимых в раз-

¹⁾ Перевод с французского.

²⁾ 16(4) марта 1898 г. германское военное судно «Ольденбург» было отозвано с Крита и, приняв на себя находившийся там германский отряд, вышло в Мессину. Германское правительство мотивировало этот шаг тем, что поддержка кандидатуры принца Георга Греческого на пост генерал-губернатора Крита, выдвинутая в январе 1898 г. Россией и принятая Англией, Францией и Италией, может только способствовать усилению революционного движения на Балканском полуострове («Gr. Pol.», Bd. XII, № 3290). Примеру Германии последовала Австрия, отозвавшая свой отряд и свои суда, в результате чего обе державы отказались участвовать в решении критского вопроса.

¹⁾ Перевод с французского.

²⁾ Афганское племя.

говоре с монархом, соблюдал должное уважение и не погрешая против существующих приличий. Но мне пришлось иметь дело с непреклонной волей и с совершившимся фактом.

Критский вопрос вступает в новую фазу, развитие которой будет с этих пор принадлежать державам, более заинтересованным, чем Германия, в будущем Европейского Востока. Можно надеяться, что берлинский кабинет, после того как с него снята ответственность, не будет чинить препятствий урегулированию вопроса о судьбе Крита, которому посвятит себя другие державы.

Визит императора продолжался 4 ч. 25 м. Его величество затронул понемногу все вопросы сегодняшнего дня. Я отметил не без удовлетворения, что, перечисляя по поводу возможных событий, имеющих отношение к Дальнему Востоку, силы, которые могли бы быть противопоставлены поползновениям Японии и Англии противодействовать нашим интересам, он считал за неоспоримый факт, что его суда будут вместе с нашими.

Впрочем император не придает никакого серьезного значения воинственным выкрикам английской прессы. Он убежден, что Англия никогда не решится на войну с нами, так же как и Япония. Его величество сказал мне, что он испытал величайшее удовольствие, узнав, что суда нашей эскадры в Тихом океане эскортировали принца Генриха по его прибытии в китайские воды.

«Вот именно таким образом, дорогой Остен-Сакен, я люблю представлять себе отношения между нашими двумя государствами. Вы знаете, что это было убеждением всей моей жизни».

Остен-Сакен.

Письмо посла в Берлине гр. Остен-Сакена министру иностр. дел гр. Муравьеву
28(16) марта 1898 г. 1)

Доверительно.

Дорогой граф.

Император Вильгельм сегодня утром, придя ко мне, застал меня в буквальном смысле слова еще в постели. Было 8 ч. 50 м.

Его величество соглаволил объяснить свой столь ранний визит тем обстоятельством, что, вынужденный проводить сегодня вечером императрицу в Гомбург, где она предполагает полечить свои крайне расстроенные нервы, и не располагая своим временем в течение дня, он хотел лично поручить мне передать

нашему августейшему монарху свои поздравления по поводу окончательного вступления во владение портами Артуром и Тяньванем 1).

«Вы знаете, — сказал его величество, — что я принимаю близко к сердцу всякий политический успех императора Николая. Вот мы оба прочно утвердились на Дальнем Востоке, — пусть это не правится Англии! Настало время, чтобы она поняла всю тщетность ее претензий на первостепенное и исключительное право на всех пунктах земного шара, на которые притязают ее торговые агититы, и чтобы она перестала кричать о предательстве, когда другие державы преследуют свои интересы в тех же областях без ее согласия».

Согласно выражению, которое его величество употребил в разговоре с г. Бюловым, он поздравлял себя с тем, что с настоящего момента Англия всегда встретит две соединенные эскадры, противопоставленные ее дерзкому высокомерию: эскадры русскую и германскую, эскадры русскую и французскую, и «даже когда-нибудь, — почему нет? — добавил император, — эскадры французскую и германскую» (намек на общие интересы в Африке).

Его величество долго мне рассказывал о своей поездке в Бремергафен, откуда он вернулся только сегодня ночью, подробно остановившись на блестящей роли Ганзы в давно прошедшие времена, когда ее флот, хотя и торговый, заставлял трепетать Англию.

«Ну, хорошо, — добавил император, — быть может, компании Ллойда суждено в наши дни продолжить на Дальнем Востоке традиции своего предшественника, ганзейского флота. Ее величественные суда, прекрасным образчиком коих является пароход «Вильгельм Великий», на котором я только что совершил плавание, могут быть легко превращены, в случае осложнений, в вооруженные крейсера, и тогда берегитесь, торговые суда, которые везут богатства Альбиона!»

Я снова был поражен, сколько злобы накопилось у императора против Англии, несмотря на англо-саксонскую кровь, которая течет в его жилах. Послушать его, так можно сказать, что он только ищет благоприятного случая, чтоб перейти от слов к делу.

В течение разговора, который продолжался час, его величество мне заявил, что он уже несколько времени собирается мне сказать о цели своего путешествия в Иерусалим.

1) Имеется в виду русско-китайское соглашение от 27(15) марта 1898 г. об аренде Ляодунского полуострова.

1) Перевод с французского.

«Вы знаете, что я еду туда, чтобы присутствовать при открытии на Святой земле первого лютеранского храма. Мы разошлем приглашения всем церквям этого культа, как это было сделано для Виттенберга. Суперинтендент представил мне список, в котором упоминается балтийская церковь. Я решусь на это только с разрешения императора Николая. К тому же я предполагаю ему телеграфировать по этому поводу».

Желая, чтобы наш августейший повелитель избежал этого личного обращения к его авторитету, я поспешил ответить:

«Не делайте этого, государь, вопросы деликатного свойства никогда не должны быть предметом обсуждения между монархами. Предоставьте мне позондировать предварительно почву и благоволите уполномочить меня дать вам откровенный ответ, какого бы характера он ни был. Я, конечно, не могу себе позволить его предвидеть заранее, но вопрос не представляется мне столь простым, как это может показаться с первого взгляда. Религиозное чувство в России является фактором, который требует к себе осторожного отношения. Кроме того, я не знаю, соответствует ли термин «балтийская церковь» нашему законодательству об иностранных церквях. Во всей империи только балтийские провинции насчитывают лютеран¹⁾. Все это требует размышления. Еще раз прошу вас разрешить мне быть вашим посредником».

Император согласился, не проявив никакого недовольства, и ему угодно было признать в моем замечании по поводу личных обращений государя к государю правильную мысль, стремящуюся устранить и тень недоразумения в его отношениях с нашим августейшим повелителем.

¹⁾ Так в подлиннике.

«Я очень бережно от... и крайне признателен вам зал император, протягивая».

Бюлов, которому я передал приглашения духовенства ба провинций. Если его государь за с ним об этом, он предполагает е. убедить. Во всяком случае, он це одобряет те оговорки, которые я пложил по этому поводу.

Нашему августейшему повелителю, мажет быть, будет угодно указать мн ответ, который я должен буду дать императору. Перед своим уходом его величество сообщил мне новости относительно принца Генриха, повторяя то, что он уже сказал мне во время своего последнего визита¹⁾, а именно, что он в восхищении от того эскорта, который наша эскадра в Тихом океане устроила принцу в китайских водах.

«Это доставило также большое удовольствие моему брату», — добавил император.

Остен-Сакен.

Р. С. Г. Бюлов просил передать вам его поздравления по случаю окончания переговоров в Пекине²⁾.

¹⁾ См. предшествующий документ.

²⁾ При письме имеется записка рукою товарища министра иностранных дел Ламздорфа:

«Ответить личным письмом:

1) Заявления Остен-Сакена полностью одобрены.

2) Императорское правительство не может допустить, чтобы русские подданные лютеранского вероисповедания были приглашены германским императором принять участие в предполагаемом открытии храма в Иерусалиме.

3) Если кто-либо захочет частным образом поехать, ему это никоим образом не будет поставлено в вину».

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Русская „парламентская“ делегация за границей в 1916 г. С предисловием <i>Н. Вранца</i>	3
Записка ген. А. М. Зайончковского о Добруджанской операции 1916 г. С предисловием <i>С. Буджачика</i>	24
К истории Погребанского соглашения 1911 г. С предисловием <i>А. Ерусалимского</i>	46
М. Н. Катков и Александр III в 1886—1887 гг. С предисловием <i>Ф. Р.</i>	58
✓ Большевизация фронта в предъюльские дни 1917 г. С предисловием <i>В. Владимировой</i>	86
Московское студенчество и профессура накануне Февральской революции. С предисловием <i>Ив. Меницкого</i>	111

Из записной книжки архивиста

Печать в дни керенщины. Сообщила <i>М. Левина</i>	131
Рабочее движение на фабрике Кениг в 1917 г. Сообщила <i>Г. Липко</i>	133
Из записок <i>Ф. А. Головина</i>	140
Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура. Сообщила <i>Л. Телешева</i>	150